

ПЕТР СТУЧКА
И ИСТОКИ
СОВЕТСКОЙ
ПРАВОВОЙ
МЫСЛИ

529

А. А. Плотинек

А. А. ПЛОТНИЕК

ПЕТР СТУЧКА

И
ИСТОКИ
СОВЕТСКОЙ
ПРАВОВОЙ
МЫСЛИ

1917—1925

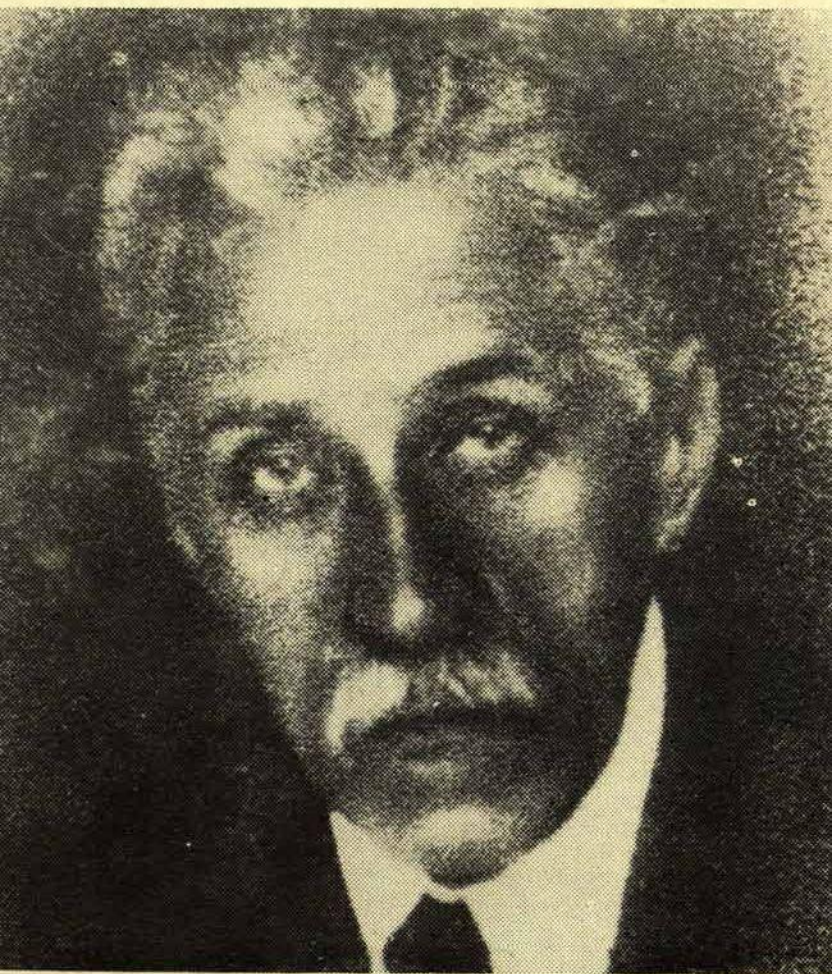
В научном исследовании освещается становление под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции марксистско-ленинской общей теории права, ее развитие в первые годы Советской власти и роль видного соратника В. И. Ленина — П. И. Стучки в борьбе за торжество марксистско-ленинских идей в правовой науке в период с 1917 по 1925 год. Работа знакомит читателя со взглядами П. И. Стучки по вопросам методологии изучения права, с его вкладом в развитие марксистско-ленинской общей теории права и деятельностью в секции общей теории права и государства Социалистической академии.

Настоящий выпуск ученых записок кафедры государственно-правовых наук рассчитан на широкий круг читателей — научных работников, аспирантов, студентов вузов, партийный актив и лиц, самостоятельно изучающих марксистско-ленинскую теорию государства и права.

*Одной моей и основной установкой
все время было и в области права:
лицом к будущему.*

Петр Стучка.

ВВЕДЕНИЕ

П. И. Стучка оставил обширное теоретическое наследие в философской, экономической и юридической науках. Долгие годы этому наследию не уделялось никакого внимания. Под влиянием выступлений А. Я. Вышинского оно было искажено, опорочено и предано забвению. После XX съезда КПСС открылись широкие горизонты для дальнейшего творческого развития марксистско-ленинской теории. Возрастает интерес к трудам сподвижников В. И. Ленина, в том числе — П. И. Стучки. В ходе празднования столетия со дня рождения П. И. Стучки в 1965 году был особо подчеркнут его выдающийся вклад в развитие марксистско-ленинской правовой науки, в частности — общей теории права¹. В стране ширится изучение политических и юридических взглядов П. И. Стучки, о чем свидетельствуют многочисленные публикации, появившиеся в последние годы. Ряд публикаций знакомит с результатами исследования вклада П. И. Стучки в разработку правовой науки в целом², общей теории

¹ А. Я. Пельше. Революционер, мыслитель, государственный деятель. «Советская Латвия», 1965, 27 июля.

² См.: М. Строгович У истоков советской юридической науки. «Социалистическая законность», 1957, № 10, стр. 19—25; А. Стальгевич. Виднейший деятель советского правосудия. «Советская юстиция», 1957, № 9, стр. 45—48; Э. М. Удрис. П. И. Стучка — революционер, государственный деятель, ученый. Ученые записки ЛГУ. Т. XII. Рига, 1957, стр. 5—22; В. О. Миллер. Из истории политической мысли в Латвии (Зарождение марксистской политической мысли. 1886—1899 гг.). «Ученые записки ВЮЗИ». Вып. XI. М., 1960, стр. 222—245; О. Гринберг, Г. Клява. Изучать теоретическое наследие П. И. Стучки. «Коммунист Советской Латвии», 1964, № 7, стр. 88; О. Гринберг, Г. Клява. О теоретическом наследии П. И. Стучки. Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1964, № 3, стр. 140—141; Э. Мелкисис. К оценке теоретического наследия Петра Стучки в советской правовой науке. «Известия Академии наук ЛССР», 1964, № 9, стр. 116—122; Г. Я. Клява. П. И. Стучка и его теоретическое наследие в правовой науке. «Советское государство и право», 1965, № 7, стр. 88—96; Э. М. Удрис. Большая жизнь.

права³, государственного права⁴, земельного права⁵, исправительно-трудового права⁶ и криминологии⁷. В 1964 году праведы Латвийского государственного университета им. П. Стучки провели научную конференцию, материалы которой были опубликованы в сборнике, содержащем статьи ученых Советской Латвии и ряда вузов Москвы.

Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1965, № 3, стр. 123—131; Г. Я. Клява, А. А. Плотникс. П. И. Стучка — профессор Московского университета. «Вестник Московского университета», 1967, № 5, стр. 67—73.

³ См.: Г. Клява. П. И. Стучка о революционной законности. «Известия Академии наук ЛССР», 1960, № 4, стр. 55—64; М. С. Строгович. К вопросу о постановке отдельных проблем права в работах П. И. Стучки, Н. В. Крыленко, Е. Б. Пашуканиса. В сб.: «Вопросы общей теории советского права». М., Госюриздат. 1960, стр. 384—405; Г. Клява. П. И. Стучка о революционной законности. «Социалистическая законность», 1962, № 6, стр. 42—49; А. Стальевич. П. И. Стучка и его роль в развитии науки советского социалистического права. «Известия Академии наук ЛССР», 1963, № 1, стр. 3—16; Г. С. Остроумов. Проблемы социалистического правосознания в работах П. И. Стучки. «Советское государство и право», 1963, № 7, стр. 121—126; Л. Б. Алексеева, А. Н. Шаров. П. И. Стучка о государстве и праве. Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1965, № 3, стр. 132—138; А. К. Стальевич. Развитие науки советского социалистического права. «Труды Высшей школы МООП СССР», вып. 19, М., 1968, стр. 97—104.

⁴ См.: В. Миллер. Петр Иванович Стучка — председатель Советского правительства Латвии. В кн.: П. Стучка — революционер, мыслитель и государственный деятель. Рига, изд-во «Звайгзне», 1965, стр. 40—53; Н. Я. Куприц. Из истории науки советского государственного права. «Вестник Московского университета», 1966, № 2, стр. 37—50, № 3, стр. 24—35, № 5, стр. 14—22; 1967, № 2, стр. 16—26, № 4, стр. 3—13; 1968, № 2, стр. 22—30; В. О. Миллер. Создание советской государственности в Латвии. Рига, изд-во «Зинатне», 1967, стр. 132—139, 197—310.

⁵ См.: Н. Д. Казанцев, В. П. Балезин. Из истории развития науки советского земельного, природоохранительного и колхозного права в Московском университете. «Вестник Московского университета», 1967, № 1, стр. 23—34; Н. Д. Казанцев. Из истории науки советского земельного и природоохранительного права. Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1968, № 1, стр. 75—83.

⁶ См.: В. Артамонов, А. Стальевич. П. И. Стучка — организатор ИТУ. «К новой жизни», 1968, № 5, стр. 30—32.

⁷ См.: Э. Я. Стумбяна. Причины преступлений и меры борьбы с ними в работах П. И. Стучки. «Советское государство и право», 1965, № 7, стр. 97—101.

П. И. Стучка в 1918 году.

*Из фондов Государственного музея революции
Латвийской ССР*

В последние годы опубликованы серьезные исследования философских трудов П. И. Стучки⁸.

Заметен возрастающий интерес к идеям П. И. Стучки и среди ученых зарубежных социалистических стран⁹.

Тем не менее диалектика развития правовых взглядов П. И. Стучки в условиях проведения социалистической революции, в частности роль П. И. Стучки в разработке теории советского права, как и система его правовых взглядов и ряд других вопросов, еще недостаточно изучены.

В условиях ожесточенной идеологической борьбы излюбленным приемом представителей буржуазной юридической науки за рубежом является фальсификация истории советского государства и права, истории советской правовой науки. В 20-х и 30-х годах этим занимались преимущественно белогвардейские эмигранты. В их работах нередко упоминалось имя П. И. Стучки. Вынужденные признать, что имеют дело с серьезным противником, последовательным марксистом-ленинцем, они сетовали по поводу решительной борьбы П. И. Стучки с буржуазными доктринами права¹⁰, манипулируя отдельными его высказы-

---

⁸ См.: В. А. Штейнберг. Философская жизнь Латвии начала XX века. Рига, изд-во «Лиесма», 1966; П. П. Кокис. Философские проблемы в трудах П. И. Стучки. Рига, изд-во «Зинатне», 1967.

⁹ См., напр., Ivan Bystřina. Sovětská právní věda a my. «Právník», 1963, č. 10, str. 757—758; Имре Сабо. Социалистическое право. М., изд-во «Прогресс», 1964, стр. 26; Нено Неновски. Виден революционер и борец за социалистическое право и социалистическая законность. «Социалистическое право», 1965, № 7, стр. 47—52; Viktor Knapp. Filosofické problémy socialistického práva. Praha, 1967, str. 19—20, 31; Oldřich Průša. Rijnová revoluce a revoluční soudnictví. «Socialistická zákonost», 1967, č. 9, str. 515—519; Die Oktoberrevolution und die Herausbildung des sozialistischen Rechts. «Neue Justiz», 1967, Nr. 15, S. 476—478.

¹⁰ Один из белоэмигрантов — Б. Миркин-Гецевич требование П. И. Стучки о ревизии всех правовых понятий воспринял как объявление настоящей гражданской войны на правовом фронте, ибо это означает отказ от столь дорогих для «гражданско-демократического», другими словами — буржуазного, мышления сооб-

ваниями, старались дискредитировать марксистско-ленинскую теорию права¹¹. Для зарубежной буржуазной юридической литературы тех лет характерна тенденция принизить значение проводившейся в Советской стране теоретической работы в области права¹².

После второй мировой войны взглядов П. И. Стучки в области общей теории права касались и другие буржуазные правоведы в ряде работ, опубликованных в Соединенных Штатах Америки, Англии и других странах. В книге Рудольфа Шлезингера «Советская теория права» содержатся рассуждения о П. И. Стучке в связи с рассмотрением Декрета № 1 о суде и Руководящих начал по уголовному праву РСФСР¹³. В двухтомнике «Советское гражданское право» Владимира Гзовского имя П. И. Стучки встречается, в частности, в разделах «Раннее советское отношение к праву», «Революционная концепция права» и «Советские теории права». Владимир Гзовский не оригинален. Он питает такую же неприязнь к классовому пониманию права, как и белоэмигрантские писаки 20-х годов — то же недовольство тем, что советские ученые «смотрят на юридические концепции любой традиционной правовой науки, как на выражение капиталистической идеологии»¹⁴. (Пер. мой. — А. П.)

ражений о праве и государстве (см.: В. Mirkin-Getzewitsch. Die rechtstheoretischen Grundlagen des Sowjetstaates. Leipzig und Wien, 1929, S. 70, 125).

¹¹ См.: N. Timaschew. Grundzüge des sowjetrussischen Staatsrechts. Mannheim—Berlin—Leipzig, 1925, S. 118, 130; сб. «Право Советской России». Прага, 1925, вып. I, стр. 20, 22; вып. II, стр. 148; Paul Alexéeff. L'Etat-le Droit-et le Pouvoir discrétionnaire des autorités publiques. «Revue internationale de la théorie du Droit», 1928/29, № 3, p. 196.

¹² Генрих Енни еще в 1933 году утверждал, что в Советской России литература по марксистской теории права не развилась дальше попыток, что работы Е. Б. Пашуканиса, И. П. Разумовского и П. И. Стучки внесли ценную, но не исчерпывающую ясность (см.: Heinrich Jenny. Das Bundesstaatslement im sowjet-russischen Staatsrecht. Zürich, 1933, S. 5).

¹³ См.: Rudolf Schlesinger. Soviet Legal Theory. Its Social Background and Development. New York, 1945, p. 62, 73—74.

¹⁴ Vladimir Gsovski. Soviet Civil Law. Private Rights and their Background under the Soviet Regime. Vol. 1. University of Michigan Law School, 1948, p. 163.

Чтобы опорочить отстаиваемое П. И. Стучкой определение права, автор запасается аргументами как у Р. Иеринга, так и у М. А. Рейснера и Е. Б. Пашуканиса¹⁵. Кроме того, как это ни парадоксально, П. И. Стучке приписывается усмотрение начала советского права только с введения новой экономической политики¹⁶.

В 1951 году в Англии появился сборник «Советская философия права», включающий переводы на английский язык работ В. И. Ленина, П. И. Стучки, М. А. Рейснера, Е. Б. Пашуканиса, И. В. Сталина, П. Ф. Юдина, А. Я. Вышинского, С. А. Голунского, М. С. Строговича и А. Н. Трайнина. В сборнике П. И. Стучка представлен четырьмя главами первого издания книги «Революционная роль права и государства»¹⁷. Эта публикация послужила Гансу Кельзену материалом для главы «Теория права Стучки» в книге «Коммунистическая теория права». При ознакомлении с «Коммунистической теорией права» с первых же строк обнаруживаются неблагоприятные намерения автора. Ганс Кельзен, обыгрывая «экономизм» П. И. Стучки, уверяет, что у него невозможно отличить теорию права от теории экономической и что концепция П. И. Стучки подтверждает лично его мнение, что при диктатуре пролетариата нет места юристам¹⁸. Игнорируя отстаиваемый П. И. Стучкой важнейший признак права — классовость, Ганс Кельзен занят поисками доказательств принадлежности П. И. Стучки к социологической школе права, «находит» в его работах подтверждение... двусмысленности доктрины К. Маркса и т. д.¹⁹

---

¹⁵ Vladimir Gsovski. Soviet Civil Law. Private Rights and their Background under the Soviet Regime. Vol. 1. University of Michigan Law School, 1948, p. 166.

¹⁶ Там же, стр. 17—18.

¹⁷ См.: Soviet Legal Philosophy. Cambridge, Harvard University Press, 1951, p. 17—69.

¹⁸ См.: Hans Kelsen. The Communist Theory of Law, London, 1955, p. 62—63.

¹⁹ См. там же, стр. 64—66.

Работа Ганса Кельзена для ряда буржуазных авторов является единственным источником «познания» правовых взглядов П. И. Стучки²⁰.

Отдельные сведения о практической и теоретической деятельности П. И. Стучки содержат опубликованная в Лондоне в 1959 году коллективная работа «Правительство, право и суды в Советском Союзе и Восточной Европе»²¹ и вышедшие в 60-х годах книги Джона Хазарда, Казимира Гжибовского и Гарольда Бермана²², которые также изобилуют неточностями и тенденциозными суждениями.

Таким образом, вследствие неполного и поверхностного знакомства буржуазных ученых с трудами П. И. Стучки и в силу классовой ограниченности и тенденциозности их взглядов облик П. И. Стучки как теоретика и практика в их интерпретации весьма далек от истины.

Несколько отличается вышедшая в свет на японском языке в 1968 году книга Исаму Фудзита «Исследование по истории советской правовой теории». В Японии это не первая публикация по проблематике истории марксистско-ленинской теории права²³. Она обращает внимание не только своим объемом и претензией на освещение развития общей теории права в нашей стране в течение более чем двух десятилетий, т. е. с 1917 по 1938 год, но и тем, что написана на ос-

---

²⁰ См.: Orlando Gomes. *Marx e Kelsen*. Salvador—Bahia—Brasil, 1959, p. 25—26, 33—36, 39; Georg Brunner. *Die Grundrechte im Sowjetsystem*. Köln, 1963, S. 47.

²¹ См.: *Government, Law and Courts in the Soviet Union and Eastern Europe*. London. The Hague, 1959, Vol. I, p. 515; Vol. II, p. 1127, 1139.

²² См.: John N. Hazard. *Settling Disputes in Soviet Society. The Formative Years of Legal Institutions*. New York, 1960, p. 8, 30, 51, 83; Kazimierz Grzybowski. *Soviet Legal Institutions. Doctrines and Social Functions*. The University of Michigan Press, 1962, p. 54; Harold J. Berman. *Justice in the USSR. An Interpretation of Soviet Law*. New York, 1963, p. 26, 29, 54.

²³ Можно, например, сослаться на изданную еще в 1950 году работу Итиро Яманюти «Право социалистического государства», знакомящую с правовыми взглядами П. И. Стучки в свете дискуссии, проходившей во время подготовки и проведения

нове изучения большого количества работ советских ученых-юристов и содержит богатый фактический материал. Тем не менее со всеми положениями автора мы не можем согласиться²⁴.

I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и юристов (см.: Итиро Яманути. Право социалистического государства. Том 2 (Советский Союз), Токио, 1950, стр. 395—443).

²⁴ Книга Исаму Фудзита состоит из двух частей: «Развитие марксистской теории права в ранний период СССР» и «Поворот в марксистской теории права в 30-х годах в СССР».

Изложение первой части начинается с вопроса о разработке марксистской теории права в период Октябрьской революции. Автор полагает, что марксизм дал методологию и материал для понимания права, но вопросы и проблемы, поставленные К. Марксом и Ф. Энгельсом, не были решены вплоть до появления работы В. И. Ленина «Государство и революция». Исаму Фудзита признает выдающуюся роль «Государства и революции», как работы, положившей прочные основы марксистской теории государства, и соглашается с П. И. Стучкой, что эта работа послужила основой для создания марксистской теории права.

Исаму Фудзита отмечает, что при оценке процессов развития марксистско-ленинской теории права в первые годы после Октябрьской революции следует учесть научный уровень изучения трудов К. Маркса и Ф. Энгельса в этот период, тем более что ряд важных трудов К. Маркса и Ф. Энгельса тогда еще не был известен советским ученым (см.: Исаму Фудзита. Исследование по истории советской правовой теории. 1917—1938. Русская революция (Октябрьская революция) и методология марксистской науки права. Токио, 1968, стр. 18, 20). Замечание, конечно, справедливое; оно в какой-то мере относится и к работам В. И. Ленина, многие из которых в первой половине 20-х годов не были опубликованы, следовательно, не были доступны. Все же для объективной оценки возможностей первых теоретиков советского права — марксистов Н. В. Крыленко, Д. И. Курского, П. И. Стучки и др. — надо принять во внимание и то обстоятельство, что они были близкими соратниками В. И. Ленина, лично с ним общались. В. И. Ленин, как увидим дальше, с некоторыми их работами был знаком и высказывал по ним свои замечания.

Книга «Исследование по истории советской правовой теории» знакомит читателя с трудами П. И. Стучки, с полемикой между ним и М. А. Рейснером (см. указ. соч. Исаму Фудзита, стр. 21, 32, 63, 71, 74 и след.), И. П. Подволоцким (см. там же, стр. 91—92 и след.) и другими учеными, подчеркивает значение книг П. И. Стучки «Революционная роль права и государства» и Е. Б. Пашуканяса «Общая теория права и марксизм». По мнению автора, эти две работы составили «ядро фронта» марксистской теории права, а концепция права П. И. Стучки и

Книга «Петр Стучка и истоки советской правовой мысли»²⁵ написана с целью осветить малоизвестные или забытые страницы истории марксистско-ленинской общей теории права и ознакомить читателя с творческим вкладом П. И. Стучки в ее разработку. По своей проблематике работа относится к истории общей теории права в СССР²⁶. Для того чтобы опре-

---

Е. Б. Пашуканиса как ортодоксальное направление в марксистской теории права в 20-х годах занимала ведущие позиции (см. там же, стр. 53).

Не вдаваясь в разбор ряда спорных проблем, относящихся к истории марксистско-ленинской общей теории права в целом, к периодизации этой истории в СССР, к методологии исторического исследования (насколько целесообразно распределение материала по таким проблемам, как «идеология и право», «правовые отношения и правовые нормы», «право и государственная власть» и т. д.), ограничимся указанием на отсутствие в исследовании Исаму Фудзита систематического изложения правовых взглядов П. И. Стучки и наличие в нем некоторых неверных оценок. Сошлемся на утверждение, что, хотя П. И. Стучка и М. А. Рейснер в вопросе о том, что первично в праве, представляют собою два полюса, все же в понимании категории права как формы идеологии обнаруживается странное совпадение их взглядов. По мнению Исаму Фудзита, П. И. Стучка в определении третьей формы права воспринял интуитивный метод Л. И. Петражицкого (см. там же, стр. 74). В другом месте он утверждает, что Е. Б. Пашуканис преодолевает наивную, или примитивную, теорию П. И. Стучки и делает шаг вперед в понимании идеологии права (см. там же, стр. 78, 80). А в вопросе о правовых отношениях и правовых нормах Исаму Фудзита, обходя факт развития и совершенствования П. И. Стучкой предложенной им концепции права и ссылаясь на его трактовку проблемы содержания и формы, субъективного и объективного элемента в праве, находит у П. И. Стучки теоретическую непоследовательность (см. там же, стр. 102). (Ознакомьтесь с книгой Исаму Фудзита мне помог г-н Ютака Хориэ, за что приношу ему благодарность. — А. П.)

²⁵ Термин «правовая мысль» в названии книги употребляется как синоним терминам «общая теория права», «общетеоретическая наука права».

²⁶ Одной из первых работ по истории общей теории права в СССР был доклад, прочитанный А. К. Стальгевичем на секции общей теории права и государства Коммунистической академии 24 апреля 1928 года и опубликованный впоследствии в виде отдельной книги (см.: А. К. Стальгевич. Пути развития советской правовой мысли. М., Изд-во КА, 1928). Некоторые соображения о формировании и развитии общей теории государства и права

делить ее хронологические рамки, нужно вкратце остановиться на до сих пор слабо разработанном вопросе — периодизации истории общей теории права в нашей стране.

Периодизация истории советской общей теории права первых лет дана уже П. И. Стучкой. Развитие советской правовой мысли он тесно связывал с развитием советского права, отмечая в нем (статья «Три этапа советского права») следующие этапы: 1) этап разрушения и так называемого военного коммунизма; 2) этап отступления; 3) этап нового наступления к социализму на базе нэпа²⁷. В книге «Революционная роль советского права» выделены уже четыре этапа, или периода, советского права²⁸. Но П. И. Стучка работал в 20-х годах, поэтому высказанные им соображения если и можно использовать, то только при периодизации истории науки общей теории права в переходный период от капитализма к социализму.

высказаны И. В. Павловым (см.: И. В. Павлов. О развитии советской правовой науки за сорок лет. «Советское государство и право», 1957, № 11, стр. 30—49), В. М. Чхиквадзе (см.: В. М. Чхиквадзе. Актуальные проблемы советской юридической науки. М., изд-во «Знание», 1967, стр. 6—11) и Я. С. Михалык (см.: Я. С. Михалык. Возникновение и развитие советской науки теории государства и права. В сб.: «Очерки по истории советской науки и культуры». Изд-во Московского университета, 1968, стр. 162—180). См. также: А. А. Плотник. Развитие общей теории права в период Великой Октябрьской социалистической революции. В сб.: «Октябрьская революция и развитие права». Рига, изд. ЛГУ, 1968, стр. 21—124.

В учебниках по теории государства и права развитие теории государства и права освещено в весьма кратких, общих чертах (см.: Теория государства и права. Под редакцией П. С. Ромашкина и др. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 16—22; С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права. Вып. 1, Свердловск, 1963, стр. 11—15; Теория государства и права. Под редакцией К. А. Мокичева. М., изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 3—28; Теория государства и права. Под редакцией А. И. Денисова. Изд-во Московского университета, 1967, стр. 12—23; Н. Г. Александров и др. Теория государства и права. М., изд-во «Юридическая литература», 1968, стр. 21—31).

²⁷ См.: П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 413.

²⁸ См.: П. Стучка. Революционная роль советского права. М., изд-во «Советское законодательство», 1931, стр. 111—214.

И. В. Павлов в развитии советской правовой мысли различал пять основных этапов: 1) от Октябрьской революции до 1925 года; 2) с 1925 по 1930 год; 3) с 1930 по 1936 год; 4) с 1936 по 1952 год; 5) с 1953 года и далее²⁹. Основной недостаток периодизации И. В. Павлова — неполный учет закономерностей развития советского общества и государства при разграничении отдельных этапов.

Периодизация истории советской общей теории права — проблема не только теоретическая, но и идеологическая. Субъективистской, идеалистической периодизации буржуазных авторов³⁰ необходимо противопоставить научно обоснованную периодизацию — при изучении развития правовой мысли исходить из объективных закономерностей экономического и политического прогресса общества.

Учитывая, что переход от капитализма к коммунизму включает такие этапы развития, как закладывание основ социализма, строительство развитого социалистического общества и развернутое строитель-

---

²⁹ И. В. Павлов. О развитии советской правовой науки за сорок лет. «Советское государство и право», 1957, № 11, стр. 32.

³⁰ Проблема периодизации истории права и общей теории права в СССР была затронута и в работах буржуазных авторов. Дж. Хазард ссылается на встречающееся в буржуазной историографии права деление истории общей теории права на три периода: 1) 1918—1928 гг.; 2) 1929—1937 гг.; 3) начиная с 1938 года; или на два — до и после 1936—1937 гг. Антинаучность подобных попыток определена спекулятивностью цели — дискредитировать марксистско-ленинскую теорию права, а равно — присущим буржуазной науке субъективизмом, переоценкой роли отдельных личностей. Так, специфика третьего периода упомянутой Дж. Хазардом периодизации якобы заключается в критике А. Я. Вышинским взглядов Е. Б. Пашуканиса (см.: *Soviet Legal Philosophy*. Cambridge, Harvard University Press, 1951, p. XIX—XX).

Латышский буржуазный юрист в эмиграции Л. Шульц выделяет два этапа развития советской правовой мысли: до и после 1937 года (см.: Lothar Schultz. *Russische Rechtsgeschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart einschließlich des Rechts der Sowjetunion*. Lahr, 1951, S. 271).

Сказанное в полной мере относится и к периодизации истории права (см.: Reinhart Maurach. *Die Perioden der sowjetischen Rechtsgeschichte*. «Jahrbuch für Ostrecht», 1960, Bd. 1/2, S. 110).

ство коммунистического общества³¹, главные этапы развития науки советской общей теории права могут быть определены следующим образом: 1) от Октябрьской революции до середины 30-х годов; 2) с середины 30-х до конца 50-х годов; 3) с конца 50-х годов по настоящее время³².

Советская общая теория права как часть идеологии права призвана изучать предусмотренные политической партией задачи в юридическом аспекте, обобщать опыт практического правового строительства. Предпосылка развития данной науки — творческое решение КПСС и другими марксистско-ленинскими партиями новых проблем, поставленных ходом мирового исторического революционного процесса. Следовательно, и разграничение периодов в рамках трех главных этапов истории общей теории права должно вестись с учетом периодизации истории КПСС и истории права в СССР.

Первый, главный этап, на наш взгляд, можно разделить на три периода: 1) период Октябрьской революции и гражданской войны (1917—1920 гг.); 2) период восстановления народного хозяйства (1921 —

³¹ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., Госполитиздат, 1961, стр. 46.

³² Аналогичные мысли в нашей юридической литературе уже высказаны в отношении периодизации истории советского государства и права (см.: К вопросу о периодизации и задачах советского общенародного государства и права. «Советское государство и право», 1963, № 10, стр. 24—30; Социалистическое общенародное государство. М., 1965, стр. 22—23).

Не вдаваясь в полемику относительно предложений Л. И. Каска различать периодизацию развития советского права «с точки зрения классовой сущности» и «по основанию правовых форм», приходится отметить, что самые серьезные возражения вызывают попытки с первой точки зрения выделить два этапа развития советского права, выбирая рубежом середину 30-х годов (см.: Л. И. Каск, Г. И. Шатков. Сущность советского социалистического права. В сб.: «Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма». Изд-во Ленинградского университета, 1967, стр. 144, 146—149). Это, по существу, — возвращение назад к раскрытированным в свое время двум фазисам развития советского государства и права и игнорирование того факта, что интересы рабочего класса еще не были осознаны всем народом как общенародные и право продолжало существовать как пролетарское.

1925 гг.); 3) период социалистического переустройства народного хозяйства (1926—1935 гг.)³³.

Важной вехой в формировании советской правовой мысли являлись два первых периода первого этапа развития марксистско-ленинской общей теории права в СССР: с 1917 по 1920 год — период разработки основных положений науки применительно к первоначальным задачам практического правового строительства и с 1921 по 1925 год — период ее оформления как отрасли советской правовой науки. Изучение теоретической деятельности П. И. Стучки в течение этих двух периодов представляет несомненный интерес, так как в 1917—1925 гг. в основных чертах была разработана предложенная П. И. Стучкой концепция права, сыгравшая положительную роль в утверждении марксистско-ленинской методологии и принципов в советской общей теории права.

* * *

В основу данной работы, как в смысле определения задачи исследования, так и в смысле изучения и отбора материала, легло ленинское указание: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали

---

³³ П. И. Стучка различал, судя по содержанию книги «Революционная роль советского права», следующие хронологические рамки отдельных периодов первого главного этапа: 1) 1917 — 1921 гг.; 2) 1921—1925 гг.; 3) начинающийся 1925 годом и перерастающий в четвертый на грани 20-х и 30-х годов.

Употребляемые П. И. Стучкой названия периодов, увязывание им границы между вторым и третьим периодами с решениями XIV съезда ВКП(б) были подвергнуты критике (в смысле периодизации развития советского права), но без достаточной аргументации и каких-либо позитивных предложений П. В. Кузьминым в предисловии к третьему, посмертному изданию книги «Революционная роль советского права» (см.: П. И. Стучка. Революционная роль советского права. Изд. 3-е, М., изд-во «Советское законодательство», 1934, стр. 11—13).

Конечно, названия отдельных периодов у П. И. Стучки недостаточно отражают специфику развития права и общей теории права в каждом из них. Нельзя согласиться и с выделением четвертого периода. В то же время, если не говорить о необходимости некоторых уточнений, его периодизация в целом принципиальных возражений не вызывает.

исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками»³⁴.

Теоретическая деятельность П. И. Стучки развернулась в годы создания советского государства и права, поэтому основную ценность для нас представляет проделанная им работа по изучению сущности, закономерностей возникновения и развития права социалистического типа, по осуществлению задач, поставленных В. И. Лениным, Коммунистической партией.

Главным объектом нашего исследования являются опубликованные труды П. И. Стучки. Для освещения малоизвестных сторон практической и научной деятельности П. И. Стучки в Народном комиссариате юстиции РСФСР, Верховном Суде РСФСР, Государственном ученом совете, а также в секции общей теории права и государства Социалистической (с 1924 года — Коммунистической) академии использовались материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Партийного архива ЦК КП Латвии, Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР, Центрального государственного архива РСФСР, Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Латвийской ССР, Центрального государственного исторического архива Латвийской ССР, Архива Академии наук СССР и Архива Московского государственного университета.

---

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 178.

Глава первая

ТРУДЫ П. И. СТУЧКИ ПО ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА В ПЕРИОД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917—1920)

§ 1. СОСТОЯНИЕ НАУКИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА В РОССИИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К. Маркс и Ф. Энгельс впервые дали подлинно научное объяснение сущности права, его роли в обществе, процессов его возникновения и развития. Уже в статье К. Маркса «Дебаты по поводу закона о краже леса» был сделан вывод, что право выражает интересы привилегированных классов, а в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс рассматривает право как один из особых видов производства, а частное право, наряду с моралью, государством и т. д., — как момент, форму «существования и наличного бытия человека»¹. В книге «Немецкая идеология» К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к не менее важному выводу: содержание права обуславливается в конечном итоге производственными отношениями. В этой работе также была раскрыта органическая связь между правом и государством, поставлен вопрос о содержании и форме в праве. «Манифест Коммунистической партии» содержит первое научное определение буржуазного права, которое служит основой для определения всякого права. Вопрос о праве

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956, стр. 589, 635.

переходного периода от капитализма к коммунизму и, конкретно, о праве первой фазы коммунистического общества был рассмотрен К. Марксом в «Критике Готской программы». Важные проблемы права решены К. Марксом в предисловии «К критике политической экономии» и в «Капитале», Ф. Энгельсом — в книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» и в других произведениях².

К 90-м годам прошлого столетия марксизм в основном вытеснил все прочие идеологии из рабочего движения, но «вторые полвека существования марксизма начались... с борьбы враждебного марксизму течения внутри марксизма»³. Оппортунистические лидеры II Интернационала пытались предать забвению революционный дух учения К. Маркса и Ф. Энгельса. В области государства и права наиболее изощренными были попытки «юридических социалистов» подвергнуть ревизии учение марксизма о праве путем замены идеи социалистической революции идеей постепенного вращивания капитализма в социализм правовым путем⁴.

В этой обстановке знамя непримиримой борьбы с оппортунизмом и ревизионизмом было высоко поднято в России молодым лидером революционных марксистов В. И. Лениным⁵. В его работе по вопросам общей теории права ориентировочно выделяются три периода.

---

² Подробнее см.: В. А. Турецкий. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на государство. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 18.

⁴ В статье «Юридический социализм», начатой Ф. Энгельсом и законченной в соответствии с его указаниями К. Каутским, раскрыта цель основоположников доктрины юридического социализма — под благовидным предлогом «развенчать Маркса». Слова, сказанные в адрес А. Менгера, что последний «берется трактовать социализм в духе философии права, то есть свести его к нескольким кратким юридическим формулам, к социалистическим „основным правам“», содержат характеристику течения «юридический социализм» в целом (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 503, 506).

⁵ См.: История КПСС. Т. 1. М., Политиздат, 1967, стр. 195.

X Первый период охватывает время с начала теоретической деятельности В. И. Ленина, т. е. с 1893 года, вплоть до революции 1905 года. Основное внимание В. И. Ленин уделял созданию марксистской партии в России, разработке ее идеологических основ. Вопросы права и государства рассматривались в связи с революционной борьбой рабочего класса, что, отнюдь не менее, относится и к дальнейшей теоретической деятельности В. И. Ленина. В борьбе с народнической идеологией, «экономизмом», «легальным марксизмом» В. И. Ленин отстаивал и разъяснял положения революционного марксизма, применял марксистский метод при исследовании общественных, в том числе и правовых, явлений царской России. В работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин, следуя К. Марксу, политико-юридические формы рассматривает как обусловленные в конечном счете производственными отношениями. На примере законодательства царской России он разоблачает классовый характер буржуазного права, раскрывает кризисные явления в буржуазной законности («Новый фабричный закон», «Новое побоище»). Вопрос о воле класса затронут в «Замечаниях на второй проект программы Плеханова».

X Второй период — период буржуазно-демократических революций — охватывает время с начала первой русской революции по Февральскую буржуазно-демократическую революцию включительно.

В работах, написанных в 1905—1907 гг., В. И. Ленин большое внимание уделяет вопросам революционной стратегии и тактики, обосновывает идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства («Две тактики социал-демократии в демократической революции»), исследует обусловленность реальности законов реальностью самой законодательной власти («Роспуск Думы и задачи пролетариата»).

В годы реакции в работе «Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам»

В. И. Ленин подчеркивает, что основные законы выражают действительное соотношение сил в классовой борьбе, а в работе «Два мира» определяет исторические пределы буржуазной законности, которую в эпоху империализма буржуазия сама ломает во имя сохранения своего господства.

В условиях назревания нового революционного кризиса В. И. Ленин открыл закон неравномерного экономического и политического развития капитализма и показал возможность победы социализма в немногих или в одной капиталистической стране («О лозунге Соединенных Штатов Европы»), вооружил пролетариат учением об империалистическом государстве, о его экономических и политических учреждениях («Империализм, как высшая стадия капитализма»).

Третий период развития государственно-правовых взглядов В. И. Ленина — период социалистической революции — начинается с разработки новой государственной формы диктатуры пролетариата — Советов («О задачах пролетариата в данной революции»). С приближением Великой Октябрьской социалистической революции назрела необходимость прежде всего восстановить подлинные взгляды основоположников научного коммунизма на государство и право и развить их применительно к новой исторической обстановке⁶. Своими трудами «Задачи пролетариата в нашей революции» и «Государство и революция» В. И. Ленин не только восстановил учение К. Маркса и Ф. Энгельса о сломе буржуазного государства и права пролетарской революцией, о государстве и праве переходного периода от капитализма к коммунизму, но и развил и конкретизировал это учение на основе нового революционного опыта рабочего класса.

После Октябрьской революции работы В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и другие являлись руководящими в познании сущности нарождающегося права.

⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. VIII.

В рядах ленинской партии выросли первые крупнейшие теоретики советского права — марксисты П. И. Стучка, Д. И. Курский и Н. В. Крыленко⁷.

П. И. Стучка учился на юридическом факультете Петербургского университета с 1884 по 1888 год. Уже в студенческие годы он занимался чтением нелегальной революционной литературы. После окончания университета П. И. Стучка стал редактором газеты «Диенас лапа» — организационного и идейного центра движения «Яуна страва», занимавшегося изучением и пропагандой марксизма легальными средствами⁸. Впоследствии, отвечая на вопрос, когда и при каких обстоятельствах он вступил в партию, П. И. Стучка писал: «На легальном совещании (1895 г.) марксистов — „Яуна страва“, из которого развилась после разгрома в связи с работой на заграничную издательскую деятельность — Л[атышская] Соц[иал]-дем[ократическая] раб[очая] партия в 1904 г.».

Поводом к вступлению в партию П. И. Стучка считал «переубеждение после радикальных мелко-

---

⁷ По некоторым правовым вопросам в начале XX в. появляются работы ряда теоретиков партии большевиков.

В брошюрах Д. И. Курского, написанных с целью ознакомления рабочих царской России с положением рабочего класса в зарубежных странах, содержатся сведения о государственном устройстве, порядке образования и деятельности государственных органов и рабочем законодательстве в этих странах (см.: Д. Курский. Французский рабочий. Экономическое, социальное и политическое положение. М., книгоизд-во «Колокол», 1905, стр. 12—21; Д. Курский. Американский рабочий. М., книгоизд-во «Колокол», 1905, стр. 9—12, 17—19; Д. И. Курский. Английский рабочий. Спб., книгоизд-во «Колокол», 1906, стр. 21—23).

С положениями марксистской теории государства знакомит опубликованная под псевдонимом «А. Брам» ранняя работа Н. В. Крыленко (см.: А. Брам. В поисках «ортодоксии». Спб., 1909, стр. 58—66).

Еще в 1900 году в серии «Библиотека социал-демократа» на латышском языке была издана работа Ф. А. Розина «Конституция», в которой, однако, в основном пересказаны взгляды Ф. Лассалья (F. Roziņš. Rakstu izlase. I. Rīgā, LVI, 1963., 146.—186. lpp.; подробнее о Ф. А. Розине см.: V. Millers, E. Stumbiņa. Fricis Roziņš. Rīgā, izd-ba «Liesma», 1965.).

⁸ См.: Очерки истории Коммунистической партии Латвии Т. I. Рига, ЛГИ, 1962, стр. 26.

буржуазных взглядов (партии тогда не существовало)»⁹. После разгрома движения «Яуна стравя» П. И. Стучка был сослан на пять лет в Вятскую губернию. Во время ссылки, по свидетельству Я. А. Берзиня-Зиемелиса, П. И. Стучка становится большевиком. Влияние идей В. И. Ленина ощущается во всех его тогдашних статьях¹⁰. В годы ссылки, изучая формы борьбы рабочего класса, П. И. Стучка занимается и исследованием ряда чисто теоретических проблем права. Характерной в этом отношении является его обширная рукопись «Обзор культурной жизни за границей накануне нового столетия»¹¹.

В этой работе П. И. Стучка определил свой подход к изучению общественных явлений. Он признает весьма важным «рассмотрение каждого явления социальной жизни не отдельно, но в связи со всею окружающей средою, материальною и общественною, и с полным знакомством с нею»¹². Данное высказывание

⁹ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 1875, л. 2.

¹⁰ См.: «Kotivāgi Siņa», 1932., 27., 28. jāvāgi.

¹¹ Рукопись не датирована, но, судя по содержанию, написана в 1900—1901 гг. На первой странице указан обратный адрес отправителя (П. И. Стучки): город Слободской Вятской губернии. Следовательно, работа была завершена в Слободском, где П. И. Стучка проживал с 4 августа 1899 года по 20 сентября 1901 года. Намечая план работы, П. И. Стучка задумал назвать ее «Обзор социального движения за границей», но потом, видимо в целях конспирации, сменил название на внешне более безобидное (ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 2, лл. 40, 116—119).

Рукопись состоит из шести частей. В первой части, небольшой по объему, излагается цель работы. Во второй — говорится о развитии индустрии. В третьей части приводится обширный статистический материал, подтверждающий, что концентрация и изменения в структуре промышленности сопровождались значительным повышением заработной платы рабочих. Причина улучшения материального положения рабочих объяснена в четвертой части. П. И. Стучка эту причину видит в борьбе рабочих за улучшение своего положения и подробно описывает стачечное движение в разных странах. В пятой части разбираются формы объединения рабочих — профсоюзы, кооперация и, наконец, политическая организация. Шестая часть посвящена рабочему законодательству.

¹² ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 2, л. 61.

относится к вопросу о стачках, но оно носит принципиальный характер, ибо отражает факт сознательного иенользования П. И. Стучкой приемов диалектической логики в своей работе.

Наибольший интерес представляют те части «Обзора культурной жизни за границей накануне нового столетия», в которых речь идет о рабочем законодательстве: они позволяют нам составить некоторое представление о взглядах П. И. Стучки на право в начале нашего столетия.

П. И. Стучка очень серьезно, как видно по сохранившимся выпискам и наброскам, относился к подготовке раздела о рабочем законодательстве: изучал «Капитал» и «Инструкцию делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам» К. Маркса, «Английский билль о десятичасовом рабочем дне» Ф. Энгельса, читал журналы на немецком, французском и английском языках, накапливая материал о рабочем законодательстве в Новой Зеландии, Франции, о деятельности третейских судов во Франции, Швейцарии, Бельгии и Англии¹³.

Упрекая «мечтателей „социального мира“» в неверной постановке вопроса, П. И. Стучка обосновывает невозможность устранения классовых противоречий посредством законодательства в буржуазном государстве.

Характер и значение рабочего законодательства П. И. Стучка рассматривает в двух аспектах: во-первых, в какой мере оно проводится в жизнь, во-вторых, какую область отношений охватывает.

Принятие закона само по себе еще ничего не решает. «Закон, опередивший развитие общественных сил, — пишет П. И. Стучка, — может оставаться мертвою буквою, а закон отсталый фактически отменяется жизнью»¹⁴. Проблему проведения в жизнь законов П. И. Стучка считает особенно важной применительно к рабочему законодательству. В рукописи при-

¹³ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 71, лл. 104—105, 108, 110, 115, 145—147.

¹⁴ Там же, д. 2, л. 97.

водятся примеры, когда изданные в интересах рабочих законы оставались «мертвюю буквою», как это было с законом о сокращении рабочего дня во Франции, который почти не соблюдался. Предпосылку проведения в жизнь рабочего законодательства П. И. Стучка видит в *«выступлении на первый план труда»*, т. е. в усилении борьбы рабочего класса.

Если за границей к разработке законопроектов об охране труда все шире привлекаются рабочие, то *«пределы рабочего законодательства»*, или область отношений, регулируемая им, остаются чрезвычайно узкими и фактически ощутимо прав предпринимателей не затрагивают. Вслед за С. Веббом и Б. Вебб П. И. Стучка в заведывании промышленным предприятием различает такие функции, как определение производимой продукции, материалов, процессов производства, орудий труда и, наконец, условий труда. Рабочее законодательство касается только условий труда, причем «эти узаконения минимальных условий труда можно приравнивать скорее к географическим или климатическим условиям производства, а не к конституционному ограничению прерогатив предпринимателя. Ведь за всякие преувеличенные требования (т. е. с точки зрения предпринимателя) относительно условий труда он вознаграждает себя „свободой повышения цен“, если недостаточно „свободы интенсификации труда“»¹⁵.

В «Обзоре культурной жизни за границей накануне нового столетия» уже находим зародыши отстаиваемого впоследствии П. И. Стучкой *«правопонимания»*. Для него понятие права является не узкой теоретической проблемой, а составной частью любого практического правового вопроса борьбы рабочего класса. Понятие права входит первым вопросом в план раздела «Значение рабочего законодательства», и с его разбора П. И. Стучка начинает изложение шестой части «Обзора»: *«Суть каждого положительного закона в современном смысле — разграничение сферы интересов разных общественных групп и клас-*

¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 2, л. 113.

сов, и в этом отношении зародившиеся уже раньше тенденции выступили более рельефно в последние годы. Если право представляет охрану интереса, то при нынешних общественных условиях не охрану интереса одной стороны, но обыкновенно охрану компромисса (сознательного или бессознательного) между двумя или более борющимися интересами»¹⁶.

В фрагменте «Право коалиций за границей» П. И. Стучка также, прежде чем ответить на вопрос, что собою представляет право коалиций, признает необходимым разъяснить свое понимание слова «право». Он предлагает понимать право «как разграничение сфер интересов разных групп, классов, причем права отдельных лиц понимаются как права отд[ельных] представителей этих разли[чных] групп, классов... Это разграничение следует рассматривать как установление... межевых линий между „сферами интересов“ каждой группы»¹⁷.

В приведенных высказываниях право рассматривается в связи с интересом класса, но о господствующем классе речи нет. Чем объясняется недоговоренность? Вряд ли в этом проявляется влияние буржуазных авторов или незнание П. И. Стучкой марксизма. Во время ссылки П. И. Стучка подверг критическому анализу взгляды буржуазных авторов на право. Он решительно отмежевался от Р. Штаммлера — находил «произвольной» его формулировку о соотношении хозяйства и права, но в то же время восхищался Р. Иерингом. Для определения права П. И. Стучка предлагал даже развивать его смелую мысль о происхождении права, однако с важной оговоркой — рассматривая право с диалектической точки зрения! Если еще учесть, что П. И. Стучка изучал «Манифест Коммунистической партии»¹⁸ и, следовательно, знал сформулированное К. Марксом и Ф. Энгельсом определение права, то недоговоренность в высказываниях П. И. Стучки, вероятнее всего, объясняется эзопов-

¹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 2, л. 97; д. 71, л. 150.

¹⁷ Там же, д. 71, л. 120.

¹⁸ Там же, лл. 70, 120.

ским языком, которым в целях конспирации работа была написана¹⁹.

Столь же неопределенно П. И. Стучка высказывался по вопросу об охране права: «Для него при[де]тся найти определение настолько общее, чтобы оно могло охватить самые различные состояния госуд[арства] и общества, от обычного права до самой полной централизации источника права в правительстве...»²⁰.

Наконец, самое примечательное, что П. И. Стучка уже тогда расценивал право как сложное общественное явление. «Самый строгий защитник принципа „законности“ не решится сказать, что весь правовой строй выражает[ся] исключительно в писан[ом] законе. Существуют правовые отношения, о которых нет и речи в законе...»²¹, — утверждает П. И. Стучка. Более четко эта мысль выражена в черновом наброске. Понятию права, охватывающему всю область права «по обыденной терминологии» (частное, публичное право и т. п.), П. И. Стучка предпочитает углубление в категории формы и содержания. Выделяя внутрен-

---

¹⁹ П. И. Стучка в дальнейшем неоднократно возвращался к проблеме охраны законом, правом в целом компромисса между борющимися интересами. В «Курсе советского гражданского права» он, например, писал: «Закон представляет всегда в известной степени компромисс между „идеєю права“ и „экономикою“, а в классовом понимании — интересами классов, но с явным и определенным преобладанием интересов господствующего класса» (П. И. Стучка. Курс советского гражданского права. Т. I. М., Изд-во КА, 1927, стр. 16—17). В полемике с А. И. Ангаровым П. И. Стучка свои слова пояснял следующим образом: «Нельзя сказать, чтобы моя коротенькая формулировка (со словами „всегда в известной мере“) была очень ясна; я ее и зачеркнул в новом издании. Сама же мысль как раз взята у Маркса, Ленина и Энгельса. Возьмите, т. Ангаров, т. I „Капитала“ К. Маркса и прочтите замечательные страницы о победе рабочего класса в виде закона о 10-часовом рабочем дне. Закон был буржуазный закон, но он был уступкой, компромиссом перед победою рабочего класса. Это ли не компромисс господствующего класса? Затем прочтите статью Ленина „О значении золота“» (П. Стучка. Мой путь и мои ошибки. «Советское государство и революция права», 1931, № 5—6, стр. 93—94).

²⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 71, л. 120.

²¹ Там же.

нее содержание права — правовые отношения, он предупреждает, что «законодательство дает и слишком мало и слишком много», ибо то отношение, которое регулируется в одном случае законом, в другом — введено судебной практикой, обычаем или просто без всякого регулирования как само собою разумеющееся²².

Опубликованные в 1900 году работы П. И. Стучки содержат отдельные суждения по вопросам законности. В статье «Как министр заботится о рабочих» П. И. Стучка ссылается на секретную инструкцию министра финансов С. Ю. Витте, предупреждающую, что правительство не может разрешить удовлетворение требований рабочих, хотя и законных, если их удовлетворение добывается «незаконным путем» (подразумеваются стачки), как доказательство лицемерия правительства, делающего вид, что издает законы в пользу рабочих. Заканчивается статья призывом к рабочим объединяться. Другая работа — первая брошюра в серии «Библиотека социал-демократа» — была призвана вооружить революционеров знаниями о законах и в основном состояла из статей Свода законов с соответствующими комментариями. Иронизируя над иллюзорностью законности в царской России, П. И. Стучка писал: «Подпись царя в России — закон, и, пока это будет так, говорить о строгой законности у нас совсем неуместно»²⁴. (Пер. мой. — А. П.)

Классовый характер права был раскрыт П. И. Стучкой в серии статей под названием «Политическая свобода» (1904—1906 гг.)²⁵, где говорится, что господствующие классы используют законодательство в своих интересах. «Во всем своде законов России мы

²² ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 71, л. 102.

²³ См.: X.-Y. Kā ministrs gādā par strādniekiem. «Latviešu strādnieks», 1900., Nr. 7., 210.—217. lpp.

²⁴ Politisks noziegums krievu likumos. Londonā, Sociāldemokrātu bibliotēkas apgādībā, 1900., 20. lpp.

²⁵ Статьи с общим названием «Политическая свобода» были опубликованы под псевдонимом «§» («Параграф») в 1904 — 1905 гг. в журнале «Социал-демократ» (№ 27, 32), а в 1905 году — в целом в виде брошюры серии «Библиотека социал-демократа» (№ 24). В переработанном виде части брошюры печатались в 1906 году в журналах «Накотне» (№ 3) и «Пурс» (№ 2).

не найдем ни одной статьи, перед которой все жители России были бы равноправны, — констатировал П. И. Стучка. — Такой закон возможен только там, где сам народ его издает»²⁶. (Пер. мой. — А. П.)

В этих же статьях П. И. Стучка акцентировал тесную связь между правом и государством. «Такая поэтичная и с первого взгляда идеальная вещь, как политическая свобода, в конце концов зависит от столь прозаичного и материального предмета, как оружие»²⁷. (Пер. мой. — А. П.)

В статье «„Воры и убийцы“ перед судом науки» П. И. Стучка предлагал понятия «преступность» и «преступник» рассматривать с точки зрения классовой борьбы²⁸.

В 1906 году состоялась первая встреча П. И. Стучки с В. И. Лениным²⁹. С этого времени между ними поддерживается регулярная связь. Личное общение с В. И. Лениным способствовало выработке у П. И. Стучки качеств теоретика и партийного деятеля ленинского типа, укреплению ленинских идей и организационных принципов в Социал-демократии Латышского края.

Вплоть до Октябрьской революции официально господствующей в России была буржуазная наука общей теории права, насаждаемая в университетах и культивируемая в печати.

Буржуазная общая теория права в конце XIX и в начале XX в. в России была представлена рядом школ. Среди правоведов даже не было единогласия по вопросу о названии общей науки о праве, употреблялись термины: философия права, энциклопедия права, общая теория права. Однако эти разногласия касались только внешней стороны вопроса, и, независимо от признаваемого ими названия, теоретики права стояли на точке зрения той или иной школы или пытались эклектически соединить положения разных

²⁶ «Sociāldemokrāts», 1904., Nr. 27., 22. lpp.

²⁷ «Nākotne», 1906., Nr. 3., 56. lpp.

²⁸ Там же, № 4, стр. 27.

²⁹ См.: П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 30.

школ. Большим влиянием пользовались социологическая, нормативистская и психологическая школы права.

1) Видными сторонниками социологической школы права являлись последователи реалистической концепции Р. Иеринга: С. А. Муромцев, призывавший к исследованию права путем наблюдения жизни, т. е. посредством социологических наблюдений, и Н. М. Коркунов, исходивший из теории интереса. Однако, наряду с элементами социологическими, в трудах Н. М. Коркунова содержались и положения психологической школы.

2) Нормативистскую школу права представляли Г. Ф. Шершеневич, утверждавший, что право является просто совокупностью норм; неокантианец Б. А. Кистяковский, рассматривавший право как выражение идеи долженствования в противовес реальной действительности; А. И. Ильин, отстаивавший нормативное понимание права, но всю реальность права усматривавший в силе; Е. Н. Трубецкой и другие.

3) Популярной была психологическая школа права, ярким представителем которой в России был Л. И. Петражицкий. Право он трактовал как психический фактор жизни. Положения этой школы отстаивались П. А. Сорокиным и в несколько видоизмененной форме — М. А. Рейснером и другими.

Все эти школы, некоторые более либеральные, другие откровенно черносотенные, по своей сущности являлись реакционными и, отгораживаясь от марксистско-ленинской философии, в качестве способов борьбы с ней избрали как отрицание или умалчивание,³⁰ так

³⁰ Н. М. Коркунов усматривал суть школы социализма, возникшей в начале XIX в., т. е. утопического социализма (о научном социализме речь вообще не идет), в выставлении наряду с политической революцией лозунга революции в области общественного быта (см.: Н. Коркунов. Лекции по общей теории права. Спб., 1886, стр. 210). То же обнаруживаем и в последующих изданиях книги (см., напр., изд. 9-е, Спб., 1914, стр. 234).

Б. С. Утевский, говоря о материалистических теориях, называл только Спинозу и Руссо (см.: Б. С. Утевский. Что такое право? Спб., 1909, стр. 11).

и извращение подлинной сущности марксизма-ленинизма³¹.

Февральская буржуазно-демократическая революция не дала ничего существенно нового в развитии буржуазной правовой мысли. В это время буржуазная наука общей теории права в России переживала глубокий кризис, очевидной стала ее неспособность дать ответ на актуальные вопросы момента. Публиковались в основном работы, написанные в предыдущие годы³². Только популярные брошюры по отдельным юридическим вопросам дают возможность судить о направляющих тенденциях в промежуток времени, отделяющий буржуазно-демократическую революцию от революции социалистической. Основная масса изданий была посвящена вопросу о сущности республики (В. В. Дубянский, В. Я. Муринов, Н. А. Рожков и др.) и Учредительному собранию (В. Алексеев, Ф. И. Дан-Гурвич, Ф. Ф. Кокошкин и др.). Делались также попытки изучить соотношение буржуазной революции и права³³. Буржуазные правоведы высту-

³¹ Г. Ф. Шершеневич, стремясь дать оценку историческому материализму, приписал ему сведение всех факторов общест-венности к фактору экономическому и в действительности крити-ковал им самим извращенный марксизм в духе легального, вуль-гарного марксизма (см.: Г. Ф. Шершеневич. Общая теория права. М., 1910, стр. 123—125).

Б. А. Кистяковский, выдавая желаемое им за действитель-ное, «открыл» полный упадок теории «экономического материа-лизма» (подразумевая под этим марксизм). Все его «исследова-ния» в этой области ограничивались пересказом экономических взглядов К. Маркса в изложении В. Зомбарта. Его собствен-ные суждения по вопросу о роли марксистской методологии, исчерпывающиеся «открытием», что раньше сторонники «эконо-мического материализма» считали его объективно-научной теорией социального развития, а теперь полагают, что это учение принадлежит к разряду «пролетарских истин» и понять его может только стоящий «на классовой точке зрения пролетари-ата», — явно ложные и антикоммунистические (Б. А. Кистяковский. Социальные науки и право. М., 1916, стр. 16, см. также стр. 17—21).

³² См.: Е. Н. Ефимов. Элементарные понятия о государстве и праве. Изд. 2-е, М., 1917; Проф. Ф. В. Тарановский. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917.

³³ См.: В. Н. Дурденевский. Право революции и право за-хвата. М., 1917; Н. Езерский. Право и революция. М., 1917; Проф. Н. Н. Полянский. Революция — торжество права. М., 1917.

пали против революционных преобразований в области права, отстаивали принципы буржуазно-помещичьего права царской России³⁴, абсолютизировали и доказывали правомерность буржуазно-демократической революции с целью отвлечь трудящихся от дальнейшей революционной борьбы³⁵.

После Октябрьской революции большинство буржуазных юристов заняло враждебные позиции по отношению к социалистическим преобразованиям. Буржуазная общая теория права не сошла со сцены без боя, она нашла своих защитников в условиях новой власти в лице старой буржуазной профессуры, создавшей псевдонаучные работы по вопросам советского государства и права³⁶.

Некоторые работы представителей старой профес-

---

³⁴ Е. Н. Ефимов, например, утверждал, что революция не поколебала принципов буржуазной общей теории права, а, наоборот, доказала их незыблемость (см.: Е. Н. Ефимов. Элементарные понятия о государстве и праве. Изд. 2-е, М., 1917, стр. IV).

³⁵ В первом после Февральской революции номере юридической газеты «Право» свершившаяся революция преподносилась как «процесс правового творчества», а новое право — как результат взаимодействия Государственной думы и великого князя Михаила (см.: «Право», 1917, № 8, стр. 425—426).

³⁶ П. А. Сорокин официальному праву как совокупности юридических норм (кстати, к ним относилась и часть религиозных норм) противопоставлял право неофициальное — правовую совесть и убеждения членов общества. Борьба между официальным и неофициальным правом якобы является, по П. А. Сорокину, источником прогресса человечества, в случае же их резкого расхождения вспыхивает революция, которая заменяет официальное право новым, соответствующим правовым убеждениям общества. Условием революции П. А. Сорокин считал революцию правовых убеждений. Восхваляя буржуазное государство, он утверждал, что государство вообще лишено классового характера, а возникновение Советского государства есть «разрушение государства и создание государства классового» (Питирим Сорокин. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль, 1919, стр. 56—57, 136, 205).

Я. М. Магазинер считал, что Февральская и Октябрьская революции в принципе признали идею бессмертия действующего права (см.: Проф. Я. М. Магазинер. Лекции по государственному праву. Петроград, 1919, стр. 63).

суры издавались на территории, оккупированной иностранными интервентами и белогвардейцами³⁷.

В первые годы Советской республики иногда издавались отдельные работы по общей теории права, написанные еще до Октябрьской революции³⁸, печатались также некоторые новые или переработанные книги буржуазных профессоров и приватдоцентов (Н. Н. Алексеев, Э. Э. Понтович, П. А. Сорокин, К. М. Тахтарев и др.). На взгляды представителей старой профессуры нисколько не повлияла свершившаяся революция, и протаскиваемые ими под маской «объективного подхода» концепции, как и ранее, представляли собой смесь положений различных буржуазных юридических доктрин³⁹. Право рассматривалось ими с откровенно идеалистических позиций⁴⁰.

---

³⁷ См., напр., Проф. К. А. Кузнецов. Теория права. Вып. 1. Одесса, 1918; Проф. Н. Н. Алексеев. Общее учение о праве. Симферополь, 1919; Е. Маркович. Энциклопедия права. Конспект, составленный применительно к учебникам кн. Евгения Трубецкого и проф. Н. М. Коркунова. Одесса, 1919.

³⁸ См., напр., Проф. П. И. Новгородцев. Лекции по истории философии права. Изд. 4-е, М., 1918.

³⁹ Сущность объективного подхода заключалась в последовательном некритическом изложении содержания буржуазных юридических доктрин. Н. Н. Алексеев, например, с одинаковым восторгом описал учения М. Штирнера, В. Виндельбанда, Г. Кельзена и др. (см.: Проф. Н. Н. Алексеев. Введение в изучение права. М., 1918, стр. 21—89).

Если ради той же пресловутой «объективности» и говорилось о марксизме, то только в фальсифицированном виде, т. е. марксизм объединялся с совершенно противоположными учениями, например с теорией насилия, имя К. Маркса ставилось рядом с именами М. Штирнера и Ф. Ницше (см.: Проф. Э. Э. Понтович. Философия права. Ч. 1. Кинешма, 1920, стр. 9).

⁴⁰ В этом отношении весьма характерны рассуждения Н. Н. Алексеева, который считал, что «право есть особое, обладающее специфическими чертами отношение между людьми», которое «по природе своей всегда является предметом духовным, идеальным». Н. Н. Алексеев, приверженец доктрины естественного права, предлагал свое, оригинальное понимание идеи права как «некоторой общей схемы, по которой должен строиться всякий возможный правопорядок» (Проф. Н. Н. Алексеев. Введение в изучение права. М., 1918, стр. 151, 181).

Социалистическая революция, создав объективные предпосылки для развития марксистско-ленинской общей науки о праве, поставила перед юристами, овладевшими марксистско-ленинской методологией, две задачи: 1) идейное разоблачение и разгром буржуазной науки общей теории права; 2) разработка марксистско-ленинской общей теории права как отрасли юридической науки.

Решение второй задачи, по мнению А. К. Стальгевича, было возможно только путем обобщения накопленного опыта революционного преобразования государства и права. «Занятые анализом и объяснением закономерности основных экономических факторов, К. Маркс и Ф. Энгельс не могли обратить „должного внимания на формальную сторону“ их. В результате этого образовался известный пробел, к которому, между прочим, относится и теория права. Стройную теорию права не могли создать и ближайшие последователи марксизма, основное внимание которых — в философских боях с идеализмом и различными течениями ревизионизма, коренящимися в идейно-политическом багаже II Интернационала, было обращено на вопросы более принципиального значения. Только социалистическая революция, непосредственно поставившая перед лицом пролетариата проблему власти и образования новых государственных и правовых форм, создала необходимые предпосылки для выработки на основе конкретного опыта борьбы и строительства подлинно марксистской теории права и государства»⁴¹.

С этим мнением в основном можно согласиться, однако с некоторыми оговорками в отношении понимания самого термина «теория права». К. Марксом,

---

Откровенно свое идеалистическое кредо Н. Н. Алексеев провозгласил в предисловии к другой книге, написанной уже в эмиграции, где свой труд характеризовал как результат «некоторого умственного опыта, стремящегося усмотреть и выразить внутреннее существо права» (Проф. Н. Н. Алексеев. Основы философии права. Прага, изд-во «Пламя», 1924, стр. V—VI).

⁴¹ А. К. Стальгевич. Пути развития советской правовой мысли. М., Изд-во КА, 1928, стр. 7.

Ф. Энгельсом и В. И. Лениным была разработана теория права как составная часть марксистско-ленинской философии, даны основные категории общетеоретической науки права. Если же говорить о создании теории права, конкретно — общей теории права как юридической науки, имеющей своим предметом обстоятельное раскрытие специфических закономерностей области права в юридическом аспекте, обладающей своей внутренне согласованной системой, то такая цель ими, конечно, не ставилась.

Центром исследовательской работы в области права в начальный период Октябрьской революции стал Народный комиссариат юстиции⁴², где были сосредоточены марксистски подготовленные кадры во главе с П. И. Стучкой, наиболее сильным и влиятельным теоретиком права. Его труды отличались широтой охвата проблем и научной обоснованностью; в них последовательно проводилась линия марксизма-ленинизма, раскрывалась сущность социалистического права как революционного фактора общественной жизни⁴³. Оценивая научную деятельность П. И. Стучки,

⁴² В первое время основная масса юристов-марксистов работала в аппарате СНК и НКЮ. С образованием таких крупных научных центров, как Социалистическая академия общественных наук (25 июня 1918 г.) и Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова (3 июля 1919 г.), организация научно-исследовательской работы в области права была возложена на них.

⁴³ Вопросы общей теории права затрагивались и в работах других видных правоведов-марксистов. Можно отметить доклад Д. И. Курского о революционной законности на VI Всероссийском съезде Советов. Основная масса его публикаций в течение 1917—1921 гг. была посвящена главным образом вопросам организации и деятельности народных судов (см.: Д. И. Курский. Избранные статьи и речи. Изд. 2-е, М., Госюриздат, 1958, стр. 23—102; Д. Курский. Народные суды. В сб.: «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». М., Госуд. изд-во, 1919, стр. 241—249).

Разбор первого декрета и последующих законодательных актов о суде был дан и в ряде статей Н. В. Крыленко (см.: Н. Крыленко. Заметки о суде, обвинительных коллегиях, революционном правотворчестве и адвокатуре. «Известия», 1918, 7 июня; Н. Крыленко. Революционные трибуналы в практике российской пролетарской революции. В сб.: «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». М., Госуд. изд-во, 1919, стр.

Г. Я. Клява указывает, что П. И. Стучка ставил перед собой следующие задачи: «Во-первых, по примеру В. И. Ленина (особенно в свете его работы „Государство и революция“) восстановить подлинные взгляды Маркса и Энгельса в вопросах права и разоблачить так называемых „юридических социалистов“ (А. Менгера, Г. Радбруха, К. Реннера-Карнера и др.) и иных фальсификаторов марксизма; во-вторых, опираясь на марксистско-ленинские идеи, разоблачить буржуазное юридическое мировоззрение, дав принципиальный разбор важнейших буржуазных концепций права; в-третьих, на основе опыта Октябрьской революции, творчески применяя марксистскую методологию, положить начало созданию науки советского права»⁴⁴.

Непосредственно после Октябрьской революции существовала исключительно тесная связь между рождающейся общей теорией советского права и революцией права. В некоторой степени причиной этого была нехватка марксистски подготовленных юридических кадров и, следовательно, необходимость распределить имеющиеся силы с наибольшей пользой для революции, в новом государственном аппарате. Но была и другая объективная причина: в моменты

250—259), отдельные вопросы марксистско-ленинской общей теории государства и права, в частности — о создании нового суда, об упразднении старых законов и другие, были затронуты в некоторых его пропагандистских работах (см.: Н. В. Крыленко. Общедоступное руководство по политическим и общественным наукам для советских командных курсов. М., Изд-во ВЦИК, 1919, стр. 62—70, 362—363; Конспект лекций по политической грамоте Крыленко. Тамбов, 1919, стр. 36—80).

К области практического правового строительства относилась тематика статей Е. Б. Пашуканиса (см., напр., Е-нис. Народный суд. «Известия», 1918, 16 апреля, 19 апреля; Е-нис. Народный суд и адвокатура. «Известия», 1918, 22 июня).

Таким образом, если в первые два года после Октябрьской революции вклад Д. И. Курского, Н. В. Крыленко и Е. Б. Пашуканиса в разработку отраслевых проблем юридической науки очевиден, то его трудно констатировать в вопросах общей теории права.

⁴⁴ Г. Я. Клява. П. И. Стучка и его теоретическое наследие в правовой науке. «Советское государство и право», 1965, № 7, стр. 90—91.

решительных революционных переломов единство передовой теории и практики проявляется наиболее отчетливо. Стремление увязать теорию с практическими преобразованиями, разработать те или иные вопросы в зависимости от практической целесообразности было характерно для первых теоретиков советского права. Особенно остро встал вопрос о создании новых, социалистических норм права и их проведении в жизнь, и, как видно из ленинских документов, основоположник Советского государства неоднократно к нему возвращался.

В. И. Ленин в записке в Комиссариат юстиции 15 апреля 1918 года среди других выдвигал задачу «издания Собрания Узаконений и Распоряжений ... кодификации ... получения суда более скорого и более беспощадного к буржуазии и к казнокрадам и пр. ... юридической пропаганды в населении, среди рабочих и беднейших крестьян ...»⁴⁵. В. И. Ленин требовал дисциплины и соблюдения распоряжений центральной Советской власти, правильного применения декретов⁴⁶.

Проекты первых советских декретов разрабатывались видными деятелями партии и правительства. Целый ряд проектов декретов был подготовлен лично В. И. Лениным⁴⁷, участвовали в этой работе П. И. Стучка, А. В. Луначарский⁴⁸ и др.

Первые декреты Советской власти наглядно раскрывали глубоко революционную, демократическую сущность нового, социалистического государства⁴⁹, часто содержали основополагающие теоретические принципы. Основы советского права заложены пер-

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 59.

⁴⁶ Там же, стр. 62—63, 140.

⁴⁷ Там же, т. 35, стр. 11—31, 106—107, 126, 221—223 и др. См. также: М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата. М.—Л., изд-во «Наука», 1966, стр. 121.

⁴⁸ См.: Декреты Советской власти. Т. I. М., Госполитиздат, 1957, стр. 54—57.

⁴⁹ См.: 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М., Политиздат, 1967, стр. 8.

выми декретами II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов: воззванием к «Рабочим, солдатам и крестьянам», Декретом о мире и Декретом о земле. В Декрете об образовании Рабочего и Крестьянского правительства закреплена такой важнейший принцип советского государственного права, как сотрудничество государственных органов и общественных организаций. Декретом предусматривалось, что комиссии должны обеспечить «проведение в жизнь провозглашенной съездом программы в тесном единении с массовыми организациями рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих»⁵⁰. Декретом о суде от 22 ноября 1917 года революционное правосознание узаконено как важнейший источник советского права. Советская федерация, советское гражданство и другие важнейшие институты закреплены в Конституции РСФСР 1918 года; в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР дано первое в законодательной практике определение права и притом с марксистских позиций.

Во время разработки проектов первых важнейших нормативных актов Советской власти, их принятия и проведения в жизнь развернулись дискуссии, что придало этим актам значение узловых пунктов в развитии науки права. В дискуссиях деятельное участие принимал П. И. Стучка, отстаивая в своих статьях предложенные им положения проектов. С учетом этого дается изложение материала первой главы.

§ 2. ПРОБЛЕМА ЗАМЕНЫ БУРЖУАЗНО-ПОМЕЩИЧЬЕГО ПРАВА РЕВОЛЮЦИОННЫМ ПРАВОМ

В ходе революции класс, завоевавший политическую власть, должен дать своему господству правовое оформление, сделать общеобязательной свою классовую волю в виде закона. Срочность и последователь-

⁵⁰ Декреты Советской власти. Т. I. Госполитиздат, 1957, стр. 20.

ность этого процесса зависят от характера революции. В буржуазных революциях, отражавших назревшую необходимость замены одной формы эксплуатации другой и часто закончившихся компромиссом между феодалами и буржуазией, старые правовые формы продолжали существовать или изменялись лишь постепенно, в течение длительного периода времени. Иначе дело обстоит в социалистической революции. Великая Октябрьская социалистическая революция имела своим содержанием коренной переворот во всех областях общественной жизни, «экономическое, социальное и политическое раскрепощение народных масс стало целью рожденной революцией власти рабочих и крестьян»¹. Требовалась самая решительная ломка старого права. Начиная с первых декретов II Всероссийского съезда Советов, почти каждый новый декрет был отрицанием целой отрасли буржуазно-помещичьего права. Для развития науки общей теории права важное значение имел Декрет о суде от 22 ноября 1917 года, обычно называемый Декретом № 1 о суде.

Основные положения декрета — о сломе старой юстиции и создании нового, народного суда и революционных трибуналов, об отмене старых норм права и о признании в качестве руководящего начала для судов революционного правосознания — были выдвинуты и обоснованы автором проекта декрета П. И. Стучкой в ряде статей. Так, уже в период между Февральской и Октябрьской революциями² им были опубликованы статьи, в которых в зародыше сформулированы отдельные мысли, впоследствии проведенные в жизнь Декретом № 1 о суде.

¹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М., Политиздат, 1967, стр. 9.

² После Февральской буржуазно-демократической революции П. И. Стучка принимал активное участие в партийной работе. Когда 1 марта состоялось собрание членов РСДРП(б) по вопросу о восстановлении Петроградского комитета РСДРП(б) и был образован временный Петроградский комитет, П. И. Стучка стал его членом. Позднее он избирался делегатом VII Всероссийской конференции РСДРП(б), VI съезда РСДРП(б), а

М. И. Калинин и П. И. Стучка среди членов временного Петроградского комитета РСДРП(б) в 1917 году.

24 мая 1917 года в газете «Правда» была опубликована статья «На почве закона или на почве революции?», которую П. И. Стучка охарактеризовал как свою единственную революционную статью по правовым вопросам за весь период буржуазной революции 1917 года³. В этой статье П. И. Стучка выступил против

также депутатом Петроградского Совета, членом его исполнительного комитета и бюро исполкома. Д. К. Стучка в письме к С. Ратнер от 12 марта 1917 года писала о П. И. Стучке: «Весь горит ярким пламенем; не спит, не ест, работает по 20 час. в сутки; работает в 2 газетах (т. е. в „Правде“ и „Цине“. — А. П.) и 3 комитетах.» П. И. Стучка являлся членом Демократического Совета и делегатом Совета Российской Республики. Будучи членом Военно-революционного комитета, П. И. Стучка активно участвовал в организации и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. П. И. Стучка был делегатом II Всероссийского съезда Советов и в своей речи выступил с поддержкой предложений Рабочего и Крестьянского правительства (см.: «Известия», 1917, 28 октября).

³ П. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., Госюриздат, 1931, стр. 4.

Временного правительства, которое в революционную эпоху требовало строгой законности, конечно, — буржуазной законности, своим политическим острием направленной против революционного пролетариата. Лозунг строгой законности был популярен среди буржуазных юристов, его защищал также М. А. Рейснер⁴, считавший себя марксистом. П. И. Стучка, основываясь на знаменитой защитительной речи К. Маркса в Кельне 8 февраля 1849 года⁵, выступил против лозунга законности в период революции, который на деле связан с сохранением самых реакционных норм старого права. П. И. Стучка считал, что суть революции заключается именно в «захватном праве». Высмеивая революционных деятелей, которые запутались в понятии буржуазной законности, П. И. Стучка выдвинул мысль о необходимости отказаться от применения старых законов, от законности в ее буржуазном понимании, используемой против социалистической революции. Он писал: «Мы вслед за Марксом заявляем, что мы должны стоять не на почве законности, а стать на почву революции»⁶.

⁴ См.: Проф. М. Рейснер. Право и революция. Петроград, 1917, стр. 28.

М. А. Рейснер (1868 — 1928) — сначала народник, в 1905 году примкнул к большевикам, после Октябрьской революции — член РКП(б). Работал в Отделе законодательных предположений и кодификации НКЮ, в САОН и Наркомпросе, в Военной академии Красной Армии. До революции — приват-доцент Петроградского университета, в 20-х годах — профессор МГУ.

⁵ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 254—272.

⁶ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 227.

Отстаивание П. И. Стучкой необходимости решительных революционных преобразований в области права не означало отрицания возможности использования рабочим классом разных форм борьбы с буржуазией, в том числе и юридических. В своем письме в ЦК РСДРП (б) от 26 сентября 1917 года по вопросу о публикации в центральном органе партии заявления М. Ю. Козловского, арестованного по ложному обвинению в шпионаже Временным правительством, П. И. Стучка предлагает публично разоблачить следствие, ибо «не исключена возможность, что дело не решится одним революционным путем и бойкотом суда, а придется бороться и на почве чисто юридической. На это

Таким образом, в острой классовой и идеологической борьбе родились проблемы революционного понимания права, решить которые заставила сама жизнь, вернее — грядущие исторические события, необходимость поставить законы на службу социалистической революции.

В опубликованной 2 августа в газете «Циня» статье «В сутолоке империализма» П. И. Стучка затронул вопрос о преобразованиях, которые революция должна провести в области судебной⁷. Более детально он остановился на этом вопросе в статье «На полпути», опубликованной в этой же газете 9 августа. Как указывал П. И. Стучка, буржуазно-демократическая революция остановилась на полпути, нетронутыми остались важнейшие оплоты самодержавия, в том числе и суд. Орудием эксплуататорских классов являются сохраненные Временным правительством царские законы и царские суды, «и если сейчас будут судить арестованных революционеров, то судить их будут не только на основании старых законов, их будет судить старый — классовый и личный — состав суда»⁸. В статье говорится о необходимости требования «выборности всех судей».

Разоблачению лицемерности буржуазной законности в России после Февральской революции была посвящена также статья П. И. Стучки «„Революционные“ кляузники», написанная в связи с привлечением большевиков после июльских событий к уголовной ответственности по царским законам. П. И. Стучка подверг критике попытки представить буржуазный суд беспристрастным и выдвинул идею создания революционных трибуналов для борьбы с политическими

указывает уже вынужденность наших товарищей вступить в договорные отношения с тем же бойкотируемым ими судом, выражающиеся в ходатайстве об освобождении их под залог или поручительство» (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1А, д. 29, л. 4).

⁷ См.: П. Стучка. В борьбе за Октябрь. Рига, ЛГИ, 1960, стр. 112.

⁸ Там же, стр. 117.

противниками в период революции: «Когда надо избавиться во время революции от противников революции, есть только одно средство — революционный трибунал, который руководствуется только своей политической совестью, а не лицемерной ссылкой на законность»⁹.

Уже в первые дни существования Советского государства трудящиеся на местах начали упразднять старые суды. В. И. Ленин, оценивая это движение, писал, что «революционные массы, после 25 октября 1917 г., вступили на верный путь и доказали жизненность революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские, суды еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата»¹⁰.

15 ноября 1917 года П. И. Стучка был назначен временным заместителем народного комиссара юстиции¹¹.

---

⁹ «Рабочий путь», 1917, 18(5) сентября.

Данное высказывание позволяет судить о подлинных взглядах П. И. Стучки на задачи революционных трибуналов. Если уже в революции буржуазно-демократической П. И. Стучка признавал революционные трибуналы средством избавления от противников революции, то еще более необходимо это средство в революции пролетарской. Поэтому неправильным является ничем не обоснованное утверждение П. Г. Мишунина, что П. И. Стучка считал «революционные трибуналы не столько карательными органами, сколько... обличительными, притом органами, возникающими стихийно», и этим допустил «серьезную ошибку» (П. Г. Мишунин. Очерки по истории советского уголовного права. 1917—1918. М., 1954, стр. 29. См. также: П. Мишунин. Из истории первого декрета о суде. «Вопросы истории», 1949, № 4, стр. 17).

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 197.

¹¹ П. И. Стучка возглавлял комиссариат до предоставления поста народного комиссара юстиции левым социалистам-революционерам. На заседании СНК 9 декабря 1917 года было решено: «Народным комиссаром юстиции назначается Штейнберг. Декрет о суде не подлежит отмене». В ночь с 9 на 10 декабря между большевиками и левыми социалистами-революционерами было достигнуто окончательное соглашение о составе правительства. Постановлением ВЦИК от 13 декабря левый социалист-революционер И. З. Штейнберг был утвержден «народным комиссаром по делам юстиции». Тогда и состоялась передача руководства комиссариатом И. З. Штейнбергу (постановления НКЮ от 11 и

СОВЕТЪ ПАРОВЫХЪ

Коммунарскъ.

№ 12 от 15 декабря 1917 г.

1917 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Настоящимъ удостоверяется, что П. И. Сту-
чка назначенъ временнымъ
заместителемъ Народнаго Комиссара Юстиціи.

Народнаго Комиссара
Юстиціи Коммунарскъ

И. Улановъ

Владимиръ Стука

Стука

Удостоверение о назначении П. И. Стучки временным
заместителемъ народнаго комиссара юстиціи.

12 декабря публиковались еще за подписью П. И. Стучки —
временнаго заместителя народнаго комиссара юстиціи).

П. И. Стучка остался членом Коллегии НКЮ новаго со-
става, руководил работой отделения гражданскаго права Отдела
законодательныхъ предположений и кодификации и проводил в
работе Наркомюста линию большевиков (ЦГАОР СССР, ф. 130,
оп. 1, д. 2, лл. 36—37; «Газета Временнаго Рабочаго и Крестьян-
скаго правительства», 1917, 13 (26) декабря, 15 (28) декабря,
21 декабря (3 января)).

Еще до этого им совместно с М. Ю. Козловским¹² был подготовлен проект декрета о суде¹³.

Отдельные положения проекта были изложены П. И. Стучкой в статье «Классовый или демократический суд», которую Е. Н. Городецкий справедливо рассматривает как изложение первоначального плана советской политики в области юстиции¹⁴.

В статье, с точки зрения общей теории права, интерес представляют три положения.

Во-первых, требование решительного преобразования судебной системы. П. И. Стучка считал, что революция действует очень медленно по отношению к старому суду. «Необходимо, — писал он, — устранить

¹² М. Ю. Козловский (1876—1927) — деятель польского и русского революционного движения. После Октябрьской революции — председатель Чрезвычайной следственной комиссии в Петрограде, затем член Коллегии НКЮ, председатель Малого Совнаркома.

Как указывает П. Г. Дауге, в первые послереволюционные годы М. Ю. Козловский являлся одним из ближайших сотрудников П. И. Стучки в деле строительства нового суда (см.: P. Dauge, P. Stučka dzīve un darbs. Rīgā, LVI, 1958., 510. lpp.).

¹³ Ранее П. И. Стучка совместно с М. Ю. Козловским составил проект декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов (см.: П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 283). П. И. Стучка также являлся автором проекта декрета о конфискации имущества акционерного общества Богословского горного округа, в дальнейшем дополненного В. И. Лениным (см.: М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата. М.—Л., изд-во «Наука», 1966, стр. 129—131).

¹⁴ См.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. М., изд-во «Наука», 1965, стр. 327.

Е. Н. Городецкий на том основании, что первоначальный проект декрета «вряд ли... мог отличаться от основных положений статьи» («Классовый или демократический суд». — А. П.), предполагает, что существовало три варианта проекта декрета о суде, что первый вариант проекта до нас не дошел, а проект, опубликованный в «Материалах Наркомюста», является более поздним вариантом (см. указ. соч., стр. 328—329). Эта точка зрения представляется необоснованной, если учесть, что П. И. Стучка впоследствии, в 1922 году, по этому вопросу пояснил, что «первоначальный проект декрета о суде был найден в бумагах Наркомюста и в 1918 году напечатан в выпуске 2-м „Материалов Народного комиссариата юстиции“» (см.: П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 285).

этот аппарат старой власти и немедленно ввести суд на основании выборов, чисто демократических, с правом отозвания выборных судей таким же путем»¹⁵.

Во-вторых, предложение объединить прокурорский надзор и адвокатуру, которые должны были «превратиться в единый общественный, также выборный, институт».

В-третьих, отдельные мысли относительно характера правовых норм в будущем. П. И. Стучка считал, что «самое количество дел должно значительно уменьшиться с упрощением законов, ибо всем ведомо, что известные неясности законов, легко устранимые, но не устранявшиеся в течение полувека, создавали очень удобную почву для кляузничества и судебной волокиты»¹⁶.

Процесс разработки проекта Декрета № 1 о суде по материалам деятельности ВЦИК был скрупулезно воссоздан Е. Н. Городецким¹⁷. Все же протоколы заседаний СНК за 1917 год позволяют уточнить отдельные моменты рождения декрета, более точно проследить ход работы над проектом декрета в СНК. Впервые «Проект декрета о революционных судах» был включен в повестку дня заседания 15 ноября. Для обсуждения этого вопроса было решено назначить заседание СНК на 16 ноября, пригласить П. И. Стучку, и если он предложит, то и П. А. Красикова. 16 ноября СНК постановил: «Поручить А. В. Луначарскому к утру 17/XI представить проект декларации к декрету о революционных судах. Комиссии из товарищей Луначарского, Троцкого, Стучки, Сталина, Сокольникова и одного чл. В.-Рев. Ком. предлагается выработать окончательный текст декрета и представить его к 8 час. веч. 17/XI в Сов. Нар. Ком.». 19 нояб-

¹⁵ «Правда», 1917, 23(10) ноября.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. М., изд-во «Наука», 1965, стр. 328—335.

Критика неверного освещения истории Декрета № 1 о суде в нашей юридической литературе дана Э. Я. Стумбиной в статье «Роль П. И. Стучки в создании органов советского правосудия» (см.: сб. «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Рига, изд-во «Звайгзне», 1965, стр. 36—39).

ря вопрос о революционных судах был снят с повестки дня в связи с внесением проекта декрета во ВЦИК. И только 22 ноября СНК сначала по пунктам, а потом в целом принял декрет о революционных судах. П. И. Стучка участвовал на всех упомянутых заседаниях¹⁸.

Основополагающей, с точки зрения науки общей теории права, в Декрете № 1 о суде является норма о замене буржуазно-помещичьего права революционным. И эта норма получает свое первое обоснование и отстаивание в статьях А. В. Луначарского и П. И. Стучки.

Статья А. В. Луначарского «Революция и суд» была первой публикацией по Декрету № 1 о суде. Доходчиво, эмоционально написанная, она имела положительное значение для популяризации идей декрета.

В статье А. В. Луначарский намеревался раскрыть сущность правосознания, его роль в социалистической революции; им было дано весьма интересное понимание правосознания революционного класса — «предчувствие новых юридических отношений и форм, находящихся в глубоком соответствии с созданными его революцией новыми хозяйственными условиями жизни»¹⁹. Во взглядах А. В. Луначарского тем не менее чувствовалось известное влияние психологической теории права, проявившееся в толковании содержания декрета как закрепления замены позитивного права интуитивным правом нового класса. А. В. Луначарский соглашался с Л. И. Петражицким, что в обществе налицо позитивное, или писаное, право и интуитивное право — идеал новых классов. Обе формы права действуют одновременно при согласии между ними, если же такового нет — позитивное право погибает. Октябрьскую революцию он рассматривал как крушение позитивного права²⁰.

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 1, д. 2, лл. 1—14.

¹⁹ «Правда», 1917, 1 декабря (18 ноября).

²⁰ П. И. Стучка в 1922 году, вспоминая обстановку принятия Декрета № 1 о суде, писал, что А. В. Луначарский, вначале противник декрета, за одну ночь сделался его сторонником и горячо отстаивал его положения в СНК. Речь, произнесенная А. В. Лу-

Подлинно научное обоснование положений Декрета № 1 о суде могло быть дано только с позиций марксизма-ленинизма, требующего широкого, всестороннего изучения права, материалистически-диалектического подхода к нему. Право как сложное общественное явление непрерывно меняется, отдельные стороны его в разные моменты исторического развития общества становятся доминирующими, но право в целом не исчерпывается той или иной его стороной и формой. С этой точки зрения и рассматривались положения декрета в трех статьях П. И. Стучки под общим названием «Старый и новый суд». В них раскрыта закономерность предусмотренных декретом преобразований, указываются причины, вызвавшие трудности в принятии декрета.

В дореволюционной России суд являлся самой надежной опорой капиталистического и помещичьего строя, носил явно эксплуататорский характер. Про-

начарским в СНК, и его статья в «Правде» показали, что Декрет № 1 о суде им оценивался с позиций психологической теории права. По этому поводу П. И. Стучка иронизировал, что в данном, конкретном случае в революции помогла теория контрреволюционного кадетского профессора Петражицкого, а не теория Маркса (см.: П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 287).

Некоторое представление об истоках взглядов А. В. Луначарского по рассматриваемому вопросу дают высказывания М. А. Рейснера, который, полемизируя с П. И. Стучкой, утверждал, что в отстаивании А. В. Луначарским идеи интуитивного права повинен он, что он, т. е. М. А. Рейснер, в беседе с А. В. Луначарским доказал, что революционное право существует, хотя «никакое законодательство его еще не закрепило» (М. Рейснер. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.—М., Госуд. изд-во, 1925, стр. 21).

Отдельные авторы в нашей юридической литературе, однако, отрицают факт отстаивания А. В. Луначарским, наряду с марксистскими положениями, положений психологической теории права. Н. Н. Полянский находит, что ссылка А. В. Луначарского на проф. Петражицкого обусловлена стремлением «сделать свою статью более убедительной для буржуазной интеллигенции» (см.: Н. Н. Полянский. Первые страницы советской науки о суде. Изв. ВУЗ. «Правоведение». 1957, № 1, стр. 108). П. Г. Мишуниин по вопросу о взглядах А. В. Луначарского обвинил П. И. Стучку в искажении и извращении истории декрета (см.: П. Г. Мишуниин. Очерки по истории советского уголовного права. 1917—1918. М., 1954, стр. 41).

цесс упразднения старой судебной системы П. И. Стучка расценивает, наряду с разрушением постоянного войска, буржуазной полиции — милиции, как ломку старого строя.

В Декрете № 1 о суде было постановлено, что местные суды и революционные трибуналы избираются Советами. Отстаивая это положение, П. И. Стучка приводил следующие аргументы: коммунисты — за народовластие, оно осуществляется Советами, а разделение власти остается только как техническое разделение труда. Советская власть «должна быть единой властью, включая в себя и законодательную, и исполнительную, и, наконец, судебную»²¹. Тесную связь суда с народом должна обеспечить постоянная смена заседателей.

Уже первая статья П. И. Стучки содержит идею революции права, хотя сам термин не употребляется: «Революционное право не есть простая реформа прежнего порядка»²².

П. И. Стучка подробно осветил проходившую во время обсуждения проекта декрета полемику вокруг вопроса, по каким законам будут судить революционные суды. Отвергая предложение создать прежде всего новое революционное материальное право, сводившееся по сути дела к сохранению старого суда и старых законов, П. И. Стучка выступил против чисто механического взгляда «на право как на произвольно издаваемый закон». Касаясь возражения, что вообще пользоваться старыми законами неревOLUTIONно, П. И. Стучка считал, что в нем «много правды», но «самый народ в своем правосознании даже слишком придерживается писаного закона»²³.

П. И. Стучка решительно отмежевался от формально нормативного понимания характера права: считал право надстройкой, естественно вырастающей «из существующих и изменяющихся экономических и социальных отношений»²⁴.

²¹ «Правда», 1918, 5 января (23 декабря).

²² Там же, 2 января (20 декабря).

²³ Там же, 4 января (22 декабря).

²⁴ Там же.

В статьях дана характеристика взаимоотношений отдельных частей правовой надстройки: правоотношений, писаного права, или закона, внутренне осознанного права, причем проводилась мысль, что право не может исчерпываться нормами, доминирующая роль в нем принадлежит правоотношениям: «Если уже в нормальное время этот писанный закон далеко не охватывает всех существующих правовых отношений и весьма часто лишь очень неверно отражает действительное право, т. е. право „сознаваемое“ и на деле осуществляемое живыми людьми, то смешно было бы мечтать о непоколебимости писаного закона в момент великого переворота»²⁵.

В противовес сторонникам психологической теории права, нашедшим в Декрете № 1 о суде отрицание норм права вообще и провозглашение правом только правосознание²⁶, П. И. Стучка утверждал, что речь идет не о замене одной формы права другой, а одного исторического типа права — другим. Революционное правосознание народа он связывал с требованием простоты законов: нормы права, понимание которых доступно только юристу-специалисту, как ненародные, должны быть отвергнуты. Употребление в декрете термина «правосознание» не означает проведения в жизнь психологической теории права. «Школа кадетского

---

²⁵ «Правда», 1918, 4 января (22 декабря).

²⁶ М. А. Рейснер в своем докладе на Всероссийском съезде губернских и областных комиссаров юстиции в апреле 1919 года провозгласил: «Республика основана на правосознании масс, а не класса угнетателей, а следовательно, нуждается не в создании особого права и законов, стоящих над массами, а в таком праве, которое бы рождалось и выходило непосредственно из самой народной массы» (Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. I. М., изд. НКЮ, 1918, стр. 50). Опасность такого подхода заключалась в отрицательном отношении к разработке норм советского права, так как народный суд, по мнению М. А. Рейснера, нужен только для того, чтобы подметить и толковать народное правосознание.

Г. С. Гурвич писал о создании самого подлинного права — «комплекса психических императивно-атрибутивных переживаний» («Сборник статей по пролетарской революции и праву», 1918, № 1—4, стр. 17).

лидера Петражицкого могла бы обрадоваться тому, что мы стали на ее точку зрения об интуитивном праве, — заявил П. И. Стучка, — но мы глубоко расходимся с ней в обосновании этой точки зрения»²⁷.

Вопрос об оценке положений Декрета № 1 о суде и об отношении П. И. Стучки к использованию старых норм права в нашей юридической литературе по сей день остается спорным.

В свое время декрет критиковали, как недостаточно революционный по отношению к старым нормам права. В частичном сохранении «прежних писаных законов» Н. В. Крыленко справедливо видел невыдержанность декрета. В отношении статьи 5 Декрета № 1 о суде он писал: «Лучше было прямо сказать: долой все вообще прежние законы и „пока что руководствуйтесь только революционной совестью, как в области уголовной, так и в области гражданских правоотношений, как в общей, так и в особенной части” и т. д., и это было бы совершенно правильной постановкой

---

²⁷ «Правда», 1918, 4 января (22 декабря).

В интересной работе «Основные вопросы советской социалистической законности», в которой весьма основательно проанализирована деятельность П. И. Стучки по укреплению революционной законности, М. С. Строгович, ссылаясь на статью П. И. Стучки «Старый и новый суд», утверждает: «П. И. Стучка правильно отвергал возможность для советского права какого-либо заимствования из психологической школы права, однако он ошибочно усматривал некоторое проявление ее влияния в Декрете о суде № 1» (М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности. М., изд-во «Наука», 1966, стр. 87). Подобная интерпретация высказываний П. И. Стучки является неправильной, так как П. И. Стучка говорил не о действительном влиянии психологической теории права на содержание декрета, а об отражении этого процесса в головах отдельных людей. В частности, хотя в статье «Старый и новый суд» фамилия А. В. Луначарского не упоминается, эти слова были адресованы и ему. Позднее в статье «Ленин и революционный декрет» П. И. Стучка писал, что, по мнению А. В. Луначарского, понятие революционного правосознания перешло к нам от Л. И. Петражицкого (П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 334). Но, какое бы ни было правосознание отдельных революционеров, «на деле победила революция!» (там же, стр. 160).

вопроса, на которую впоследствии и встала советская юстиция»²⁸.

Современные исследователи, наоборот, встали в защиту возможности ограниченного применения норм старого права после победы социалистической революции.

П. Г. Мишунин без каких-либо аргументов утверждает, что роль П. И. Стучки в создании Декрета № 1 о суде ограничивалась только работой над первым вариантом проекта, и намеренно пытается противопоставить окончательную редакцию декрета первоначальному варианту; отличие он усматривает, между прочим, и в разном их отношении к старым законам. «Первоначальный проект Декрета № 1 о суде полностью отказывался от использования всех старых материальных и процессуальных законов. Советские суды, — утверждает П. Г. Мишунин, — должны были руководствоваться при разрешении уголовных и гражданских дел декретами Совета Народных Комиссаров и ВЦИК». Далее, противопоставляя этому положения окончательной редакции декрета, в которой, по его мнению, вопрос о нормах права был решен правильно, он пишет: «Ссылка в декрете на возможность применения новыми судами старых законов в интересах трудящихся явилась творческим применением марксизма в России...»²⁹. Е. Н. Городецкий отстаивает совершенно противоположную точку зрения: «П. И. Стучка не только не был противником использования старых законов, но он конкретно указал, какие из этих законов могут быть использованы»³⁰. Это заключение основано на содержащемся в книге П. И. Стучки «Народный суд в вопросах и ответах» перечне старых законов, которыми суды могут руководствоваться при рассмотрении гражданских дел.

---

²⁸ Н. В. Крыленко. Судостроительство РСФСР (лекции по теории и истории судостроительства). М., 1923, стр. 30, 33.

²⁹ П. Г. Мишунин. Очерки по истории советского уголовного права. 1917—1918. М., 1954, стр. 25—27.

³⁰ Е. Н. Городецкий. Рождение Советского государства. М., изд-во «Наука», 1965, стр. 331.

Е. Н. Городецкий совершенно прав в том, что решительно отвергает утверждение о несоответствии взглядов П. И. Стучки положениям Декрета № 1 о суде, но в то же время представляется не совсем удачным его намерение сделать П. И. Стучку защитником старых законов.

Проследив процесс работы П. И. Стучки над проектами первого и последующих декретов о суде, убеждаемся, что *П. И. Стучка последовательно признавал руководящими для нового суда нормы нового права, в то же время отрицательно относясь к нормам права свергнутых правительств.*

Особенно примечателен в этом отношении текст первой редакции проекта Декрета № 1 о суде. Статья 6 декрета содержит предписание революционным судам руководствоваться «в своих решениях и приговорах не писаными законами свергнутых правительств, а декретами Совета Народных Комиссаров, революционной совестью и революционным правосознанием»³¹. Об отрицании старых норм права говорится в вводной части декрета: «Великая рабочая и крестьянская революция рушит основы старого буржуазного порядка, покоящегося на эксплуатации труда капиталом, и вызывает необходимость коренной ломки старых юридических учреждений и институтов, старых сводов законов, приспособленных к отжившим общественным отношениям, и создания новых, подлинно демократических учреждений и законов.

Перед рабочим и крестьянским правительством встает неотложная творческая задача по созданию новых судов и по выработке новых законов, которые должны отразить в себе правосознание народных широких масс»³².

Но никакого опыта проведения слома социалистической революцией права предшествующего исторического типа тогда еще не было, и как произойдет этот процесс на деле, сколько времени потребуется — не было известно. Поэтому, наряду с вышеприведенной

³¹ Материалы Народного комиссариата юстиции. Народный суд. Вып. II. М., изд. НКЮ, 1918, стр. 104.

³² Там же, стр. 103—104.

общей декларацией, вводная часть декрета содержит требование немедленной («уже в настоящий момент») «отмены действия сохранивших донныне силу особенно ненавистных революционному правосознанию законов»³³.

Статья 5 окончательного текста декрета воспроизводит эту идею и, следовательно, сохраняет основную революционную мысль первоначального проекта.

Для уяснения отношения декрета к законам (нормам права) свергнутых правительств необходимо разобратся в понятии революционного правосознания. Правосознание — форма общественного сознания, имеющая классовый характер. Каждый класс имеет свое правосознание, т. е. совокупность представлений, взглядов и идей о праве. П. И. Стучка характеризовал правосознание как осознание классом своего интереса. Этим он подчеркнул классовый характер правосознания.

Правосознание является также выражением отношения класса к тем или иным нормам права, правоотношениям и т. д. Победивший в социалистической революции пролетариат посредством своего правосознания выражает свое отношение не только к новому, революционному праву, но и к старому праву.

В прежних общественно-экономических формациях класс, ставший господствующим, санкционирует какую-то часть норм права предыдущей общественно-экономической формации³⁴. В социалистической революции происходит, как мы уже видели, коренная ломка всей старой правовой надстройки, которая была приспособлена к защите интересов эксплуататорских классов и подавлению трудящихся. Однако опыт Октябрьской революции показал, что не все старые нормы права отменяются, что некоторые прежние нормы, не противоречащие интересам трудящихся и новым законам, могут быть санкционированы и

³³ Материалы Народного комиссариата юстиции. Народный суд. Вып. II. М., изд. НКЮ, 1918, стр. 104.

³⁴ Примером может служить буржуазная революция в Англии, когда буржуазия, завоевавшая политическую власть, санкционировала почти все нормы феодального права.

использованы в целях регулирования общественных отношений. Разумеется, после санкционирования они выполняют свои функции в интересах всех трудящихся. Так, например, обстоит дело с общедемократическими конституционными принципами, провозглашенными еще в период буржуазных революций, но неосуществленными вплоть до социалистической революции. Советские конституции не только провозгласили, но и обеспечили на деле их осуществление для трудящихся классов, т. е. для большинства населения.

Если подходить к этому вопросу с точки зрения узконормативного понимания права, то дальше «применения старых законов» в оценке этого явления мы не сможем пойти. Иначе обстоит дело, если рассматривать право как сложное общественное явление в свете классовой борьбы. Формулировку ст. 5 Декрета № 1 о суде — «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию»³⁵ — надо понимать как официальное признание той важной роли, которую революционное правосознание, отвергая или санкционируя в качестве общеобязательной ту или иную норму старого права, играет в момент завоевания политической власти новым классом и непосредственно после этого³⁶.

³⁵ СУ РСФСР, 1917, № 4, ст. 50.

³⁶ Американский юрист Владимир Гзовский, ссылаясь на первый том «Курса советского гражданского права» П. И. Стучки, предусмотренную декретом возможность применения в определенных рамках старых законов объясняет осведомленностью авторов декрета, что в умах людей, ставших советскими судьями, не могло быть определенной концепции права (см.: Vladimir Gsovski. Soviet Civil Law. Vol. I, 1948, p. 156). Это утверждение является явной фальсификацией содержания «Курса». На странице, на которую ссылается Владимир Гзовский, читаем, что рабочему суду нормы права были даны в отрицательной форме. О том, что тогда еще не было «никакого особого революционного правосознания», говорится как о причине, почему по предложению В. И. Ленина было дано примечание к статье 5 Декрета № 1 о суде (см.: П. И. Стучка. Курс советского гражданского права. Т. I. М., Изд-во КА, 1927, стр. 36).

Именно с целью раскрытия материального содержания понятия «революционное правосознание» В. И. Лениным было сформулировано примечание к ст. 5 декрета. «Владимир Ильич не любил фраз без конкретного содержания, — свидетельствует П. И. Стучка. — Его не привлекли ни „революционная совесть“, ни „революционное правосознание“. Но в то время как другие товарищи старались смягчить в декрете слово о „сжигании старых законов“, гениальная мысль Владимира Ильича и тут нашла революционный, да притом вполне конкретный, выход: он предложил к статье внести и примечание, что отмененными признаются все законы, противоречащие декретам нового правительства, а также программам-минимум победивших партий с.-д. и с.-р.»³⁷.

Отрицательная позиция, занимаемая П. И. Стучкой в отношении использования старых норм права в деятельности нового суда, соответствовала взглядам В. И. Ленина. Близость их взглядов проявляется со всей очевидностью, если сопоставить выступления П. И. Стучки против отстаиваемых левыми социалистами-революционерами положений проекта Декрета № 2 о суде с исправлениями, внесенными впоследствии в текст проекта декрета В. И. Лениным. Первоначальный проект декрета, по словам П. И. Стучки, был разработан им в начале декабря³⁸. Текст этого проекта до сих пор обнаружить не удалось, но о его содержании в части отношения к старым законам можно судить по возмущению П. И. Стучки поправками, внесенными в него работниками НКЮ — левыми социалистами-революционерами в виде «ссылки даже на уставы 1864 г.»³⁹. Чтобы помешать принятию декрета в такой редакции, П. И. Стучка вошел в Совет Народных Комиссаров с протестом, который поддержали и другие члены коллегии комиссариата — боль-

³⁷ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 344—345.

³⁸ См.: «Известия», 1918, 16 апреля; П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 280.

³⁹ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 280.

шевики. Протест явился причиной неоднократного обсуждения проекта на заседаниях СНК⁴⁰, и декрет, наконец, был принят со значительными поправками, в том числе — с предложенными лично В. И. Лениным.

В. И. Ленин своими поправками подчеркнул классовую природу революционного правосознания. В ст. 8 части четвертой Декрета № 2 о суде читаем: «Судопроизводство как по гражданским, так и по уголовным делам происходит по правилам судебных уставов 1864 года постольку, поскольку таковые не отменены декретами Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов и Совета Народных Комиссаров и не противоречат правосознанию трудящихся классов»⁴¹.

⁴⁰ Пока еще не удалось восстановить историю принятия декрета во всех подробностях; все же изучение архивных источников позволяет сделать кое-какие уточнения. П. Г. Мишунин утверждал, что проект декрета в СНК обсуждался четыре раза, и критиковал за неточность М. В. Кожевникова, упоминавшего двукратное обсуждение (см.: П. Г. Мишунин. Очерки по истории советского уголовного права. 1917—1918. М., 1954, стр. 55).

В переработанном издании «Истории советского суда» М. В. Кожевников тоже упоминает о четырех заседаниях СНК, на которых обсуждался Декрет № 2 о суде (см.: М. В. Кожевников. История советского суда. 1917—1956 годы. М., Госюриздат, 1957, стр. 29—30).

В действительности вопрос о декрете на СНК ставился пять раз. 15 января 1918 г. СНК по заявлению И. З. Штейнберга, что в Коллегии НКЮ проект был принят единогласно, утвердил Декрет № 2 о суде. На следующем заседании, 16 января, П. И. Стучка выступил с протестом против принятия декрета, ссылаясь на то, что в коллегии не было достигнуто соглашения. СНК постановил: «Предложить тов. Стучке и прочим, имеющим принципиальное возражение против принятого Декрета о суде № 2, внести соответствующее заявление в заседание СНК завтра или в следующее заседание. В связи с этим подвергнуть Декрет № 2 о суде пересмотру» (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 1, лл. 29, 40; см. также: История Советского государства и права. Кн. 1. М., изд-во «Наука», 1968, стр. 192). На заседании 27 января с заявлениями выступили П. А. Красиков и М. Ю. Козловский. 28 января на повестке дня СНК — заявление П. И. Стучки, М. Ю. Козловского и П. А. Красикова, однако принятие решения было отложено до 30 января. Окончательно Совнарком решил вопрос 30 января, когда после прений декрет был утвержден «с принятыми на заседании поправками и изменениями» (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 1, лл. 80—81, 95—96, 99—109).

⁴¹ СУ РСФСР, 1918, № 26, ст. 420.

Термин «правосознание трудящихся классов» принадлежит В. И. Ленину, он им заменил термин «революционное правосознание»⁴². «Правосознание трудящихся классов» в классовом отношении — понятие более четкое.

Поправки В. И. Ленина вытекают из его взглядов на революционную законность и свидетельствуют о его отрицательном отношении к использованию старых законов. Если в первоначальном проекте предписывалось, что «в решениях и приговорах должны быть указаны мотивы отклонения Суда от существующих законов», то последнюю часть фразы В. И. Ленин заменил другой — «мотивы отмены Судом устарелых или буржуазных узаконений»⁴³.

Наконец, в начале 1919 года в процессе разработки проекта Программы РКП(б) В. И. Ленин еще раз вернулся к этому вопросу и, обобщая опыт правового строительства, так оценил задачи марксистской партии в области права в ходе социалистической революции: «Отменив законы свергнутых правительств, партия дает выбранным советскими избирателями судьям лозунг — осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия соответствующего декрета или неполноты его, руководствоваться социалистическим правосознанием, отмечая законы свергнутых правительств»⁴⁴.

В свете ленинских указаний представляют известный интерес исправления, внесенные П. И. Стучкой в текст Декрета № 3 о суде⁴⁵. Текст статьи 3 проекта —

⁴² Ленинский сборник, XXI. М., Партийное изд-во, 1933, стр. 217.

⁴³ Там же.

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 115.

⁴⁵ Имя П. И. Стучки в связи с этим декретом исследователями, за исключением Э. Я. Стумбиной (см.: Э. Я. Стумбина. Роль П. И. Стучки в создании органов советского правосудия. В сб.: «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Рига, изд-во «Звайгзне», 1965, стр. 52), обычно не приводится (см.: П. Г. Мишуни. Очерки по истории советского уголовного права. 1917—1918. М., 1954, стр. 64; История Советского государства и права. Кн. 1. М., изд-во «Наука», 1968, стр. 194). Действительно, разработка проекта декрета была поручена Д. И. Курскому, но на заседании Коллегии НКЮ 12 июля 1918 г.

«Предоставить местным народным судам налагать наказания по пяти лет лишения свободы, руководствуясь революционной совестью и революционным правосознанием» — П. И. Стучка дополнил указанием, что суды руководствуются *«в определении размера наказания декретом Р[абоче]-Кр[естьянского] прав[итель-ства]»*⁴⁶.

Правильность ленинского положения о необходимости слома социалистической революцией буржуазно-помещичьего права подтвердилась практикой первых советских судов.

Положения, инструкции и другие акты о суде, изданные на местах, в большинстве случаев более или менее точно воспроизводят текст статьи 5 Декрета № 1 о суде⁴⁷. Но примечательно, что в тех случаях, когда они отступали от положений декрета, они проявляли более жесткое отношение к старым нормам права: провозглашали отмененными целые отрасли старого права. «Положение о временных революционных судах Новгородской губернии» допускало применение Устава гражданского судопроизводства, а в отношении уголовного права в Положении было записано: «Признанного виновным суд приговаривает к наказанию, не ограничивая себя какими-либо существовавшими законоположениями, в качестве же *необязательного для себя руководства* (курсив мой — А. П.)

после выступления Д. И. Курского декрет был одобрен в «исправленной редакции» (ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 2, лл. 83—84). Исправления и дополнения, как видно из сохранившейся машинописной копии проекта, сделаны рукой П. И. Стучки (ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, л. 53).

⁴⁶ ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, л. 53.

В тексте утвержденного декрета статья 3 сформулирована следующим образом: «Предоставить местным народным судам налагать наказание до 5 лет лишения свободы, руководствуясь декретами Рабочего и Крестьянского правительства и социалистической совестью» (СУ РСФСР, 1918, № 52, ст. 589).

⁴⁷ См.: Материалы Народного комиссариата юстиции. Народный суд. Вып. II. М., изд. НКЮ, 1918, стр. 60—61, 77, 84, 100—101. Вып. III, стр. 44, 77.

суд может пользоваться Уложением о наказ[аниях] и Уголовным уложением»⁴⁸.

В «Наказе Изюмского уездного съезда мировых судей участковым мировым судам и мировому съезду» говорилось: «Все, номинально уцелевшие узаконения, заключенные в 16 томах так наз[ываемого] "Свода законов Российской империи", как показывает самое название, не могут претендовать на нормы права, которые признал бы и которым подчинился бы свободный народ, т. к. все они были призваны в подкрепление политического деспотизма и экономической порабощенности народа»⁴⁹.

Против преувеличения значения старых законов предостерегают и документальные свидетельства о начале практической деятельности народных судов.

В материалах первого заседания временного революционного суда Выборгского района Петрограда и в протоколах заседаний от 21 (8) ноября 1917 г. не встречается даже упоминаний о старых законах⁵⁰. И. А. Ушаков на основе изучения материалов временного революционного суда Выборгского района констатирует, что этот суд совершенно не использовал законов свергнутых правительств⁵¹. То же подтверждается практикой деятельности народного суда в Москве⁵². Очень интересным свидетельством является протокол заседания исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Новодеревенского района Петрограда, где прямо говорится, что «настоящие суды судят не по законам, раньше изданным, а по совести»⁵³. И только в приговорах и решениях сельских народных судов встречаются отдельные ссылки на старые законы⁵⁴.

⁴⁸ Материалы Народного комиссариата юстиции. Народный суд. Вып. II. М., изд. НКЮ, 1918, стр. 43.

⁴⁹ Там же, стр. 34.

⁵⁰ См.: «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 111—115.

⁵¹ См.: И. А. Ушаков. Создание первого народного суда в Петрограде. «Советское государство и право», 1957, № 1, стр. 8.

⁵² См.: А. Р. Кадич. О народном суде. «Пролетарская революция и право», 1918, № 2, стр. 23—30.

⁵³ См.: «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 122.

⁵⁴ См.: Д. Курский. Заметки о народном суде. «Пролетарская революция и право», 1918, № 2, стр. 17—22.

§ 3. О НОРМАХ СОВЕТСКОГО ПРАВА И ЗАКОННОСТИ В СВЯЗИ С СОЗДАНИЕМ СОВЕТСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

После принятия Советом Народных Комиссаров первых декретов о суде необходимо было организовать проведение их в жизнь — создать новую судебную систему и обеспечить ее функционирование как части аппарата пролетарского государства. Реализацией Декрета № 1 о суде заинтересовался В. И. Ленин. 25 ноября в записке, адресованной Петроградскому комитету РСДРП(б), он запрашивал, «проведена ли... в Петроградском Совете резолюция о судах? и что сделано практического?»¹

В первые месяцы Советского государства, в конце 1917 года, слом буржуазной судебной системы проводился Советами на местах, и в этом процессе не было единообразия. Функции упраздненных судов передавались вновь образованным под разными названиями народным судам или следственным комиссиям, военно-революционным комитетам и революционным трибуналам. С января 1918 года начинается планомерное строительство новой судебной системы в соответствии с положениями Декрета № 1 о суде. Оно проходило в борьбе с местническими тенденциями, выразившимися в отстаивании самых разнообразных по названию и полномочиям судов в обход положений декрета². Но уже к июлю 1918 года, согласно подписанному П. И. Стучкой «Отчету народного комиссара

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, стр. 9.

² В НКЮ рассматривалась жалоба на приговор Рославльского революционного народно-административного суда. 8 мая 1918 года за подписью народного комиссара юстиции в комиссариат юстиции Смоленской губернии было направлено отношение следующего содержания: «В Рославле еще 31-го марта 1918 г. функционировал суд, не предусмотренный никаким декретом... Так как подобный порядок не гарантирует правосудия, то Народный комиссариат юстиции просит Вас предложить местному Совдепу: отменить решение образованного им и еще не смененного „революционного народно-административного суда“ и передать дело на рассмотрение одного из судов, образованного по декретам о суде от 24-го ноября 1917 г. или по Декрету о суде № 2» (ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 12, л. 13).

юстиции», «в $\frac{2}{3}$ всей России, не исключая деревни, этот (т. е. народный. — А. П.) суд уже в полном действии»³.

Народный суд в основном комплектовался из представителей рабочих и трудящихся крестьян, не имевших юридического образования и опыта судебной работы⁴. Естественно, что сразу разработать систему норм советского права не представлялось возможным. Чтобы достичь принципиального единства в работе судебных органов, надо было дать развернутое руководство для народных судей в какой-либо иной форме. С этой целью в 1918 году была опубликована книга П. И. Стучки «Народный суд в вопросах и ответах», которая в подзаголовке названа неофициальным руководством для народного суда⁵.

Упомянутая книга была первой работой, в которой рассмотрены принципы организации и деятельности суда, вопросы гражданского и уголовного судопроизводства и которая была призвана заменить отсутствующие к тому времени советские процессуальные законы⁶. Книга не случайно носила характер неофи-

³ «Пролетарская революция и право», 1918, № 1, стр. 33.

⁴ См.: Д. И. Курский. Избранные статьи и речи. Изд. 2-е, М., Госюриздат, 1958, стр. 25, 61—63.

⁵ В предисловии, датированном 30 апреля 1918 года, П. И. Стучка писал, что работа над книгой была им начата еще в декабре 1917 года. Можно предположить, что к началу марта книга была закончена и сдана в печать в Петрограде, так как уже в первой половине апреля П. И. Стучке в Москву сообщают, что в типографии набраны 2 листа. В резолюции П. И. Стучки, датированной 13 апреля, говорится, что он заново заказал печатание в Москве и если затраты на начатую работу в Петрограде не превышают двухсот рублей, то придется ее прекратить (ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 18, л. 2). Книга была напечатана в Москве и появилась в свет в декабре 1918 года. В ходе печатания изменения в рукопись не были внесены.

Книга была переиздана в Харькове (см.: П. Стучка. Народный суд в вопросах и ответах. Харьков, 1919) и в Баку (см.: П. Стучка. Народный суд в вопросах и ответах. Баку, Госуд. изд-во «Азерцентропечать», 1920).

⁶ Д. И. Курский книгу охарактеризовал как «очень популярное изложение процесса в народном суде» (Материалы Народного комиссариата юстиции. Народный суд. Вып. III. М., изд. НКЮ, 1918, стр. 11).

циального руководства. Это вытекало из признанной тогда советскими юристами концепции, что народному суду уставы судопроизводства «обязательны лишь постольку, поскольку они убедительны своим техническим совершенством», а по всем вопросам «чисто техническим», как, например, соби́рание доказательств, способы расследования дела, для судейской изобретательности открывается полный простор⁷.

Книга «Народный суд в вопросах и ответах» содержит и теоретические положения.

Во-первых, в ней дано понимание права, отражающее приобретенный в революции опыт. «Всякое право, — читаем мы, — является известной регламентацией, известным определением взаимоотношений людей данного общества. При изменении этих взаимоотношений должна, следовательно, меняться и вся надстройка в виде правовых норм (правил)»⁸.

Во-вторых, в книге начертан процесс развития революционного правосознания. П. И. Стучка представлял этот процесс следующим образом: общественные отношения регламентируются правом, общественные отношения меняются, и, соответственно, возникает новое правосознание — «внутреннее убеждение». П. И. Стучка отметил несколько ступеней в процессе выработки в народных массах нового отношения к праву. Революционное понимание права идет от

В зарубежной юридической литературе Джон Хазард высказывался об этой книге, как о дополнительном руководстве для судей местных народных судов. Джон Хазард не совсем добро-совестно, на наш взгляд, приписывает автору книги ориентацию на минимум юридических знаний, требуемых для профессионального судьи (см.: John N. Hazard. *Settling Disputes in Soviet Society*. New York, 1960, p. 30). Появление книги П. И. Стучки нельзя рассматривать как проявление пренебрежительного отношения к юридическим знаниям. В ходе социалистической революции буржуазно-помещичьи «профессиональные судьи» были заменены рабочими и крестьянами, которым книга помогала справляться на первых порах с новыми обязанностями и только. Но вместе с тем эта книга имеет серьезную теоретическую основу.

⁷ П. Стучка. Народный суд в вопросах и ответах. М., книгоизд-во «Коммунист», 1918, стр. 3—4.

⁸ Там же, стр. 31.

отдельных лиц к группам, от групп к классу, а потом распространяется на все человечество⁹. Такое отображение процесса распространения нового правосознания в какой-то мере перекликается с учением В. И. Ленина о пролетарском государстве, в котором при переходе к социализму поголовное участие трудящихся в управлении государством невозможно из-за низкого культурного уровня. «Этот низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы»¹⁰. В. И. Ленин считал необходимым привлечь всех трудящихся, все население к управлению государством: «Социалистический характер демократизма Советского, — то есть пролетарского, в его конкретном, данном, применении, — состоит... в том... что создается наилучшая массовая организация авангарда трудящихся, крупнопромышленного пролетариата, позволяющая ему руководить наиболее широкими массами эксплуатируемых, втягивать их в самостоятельную политическую жизнь, воспитывать их политически на их собственном опыте, что таким образом впервые делается приступ к тому, чтобы действительно поголовно население училось управлять и начало управлять»¹¹.

В-третьих, в книге рассмотрен вопрос об отношении народного суда к старым законам. Этот вопрос автор увязывает с революционным правосознанием. Исходя из тезиса марксизма об относительной устойчивости идеологии, П. И. Стучка констатирует, что в правосознании людей долго сохраняются старые законы. Целиком отвергая применение старых уголовных законов, П. И. Стучка полагал, что в переходное время все же возможно применение тех старых гражд-

---

⁹ Следует отметить, что в данном случае П. И. Стучка несколько переоценил роль личности и недооценил значение социально-экономических условий в формировании сознания масс.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 170.

¹¹ Там же, т. 36, стр. 203. См. также т. 34, стр. 304; т. 42, стр. 203—204.

данских законов, которые «отчасти еще соответствуют настоящим взаимоотношениям людей»¹². Но при этом революционное правосознание «должно быть мериллом, насколько каждый данный старый закон... должен считаться отмененным или измененным»¹³.

В-четвертых, рассматривая проблему закона и законности в переходный период, П. И. Стучка считал, что «в революционное переходное время, при отсутствии твердого писаного закона по всем вопросам, было бы лицемерно всюду ссылаться на законность. Поэтому закономерность¹⁴ действия того или иного должностного или частного лица всегда необходимо обсуждать с точки зрения классовой справедливости большинства трудового населения»¹⁵. Несмотря на трудности проведения в жизнь законов в период революционных преобразований, острой классовой борьбы, П. И. Стучка решительно выступал против нигилистического отношения к революционным законам: «Мы отнюдь не анархисты, отрицающие всякий закон, ибо стоим за планомерное строительство, т. е. за возможно широко действующий закон рабочего класса»¹⁶.

18 марта 1918 года П. И. Стучка был назначен народным комиссаром юстиции¹⁷. В течение всего вре-

¹² П. Стучка. Народный суд в вопросах и ответах. М., книгоизд-во «Коммунист», 1918, стр. 29—30, 55.

¹³ Там же, стр. 32.

¹⁴ П. И. Стучка пользовался и другим термином — «правомерность» (см.: П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 178).

¹⁵ П. Стучка. Народный суд в вопросах и ответах. М., книгоизд-во «Коммунист», 1918, стр. 70.

¹⁶ Там же, стр. 29.

¹⁷ На заседании Коллегии НКЮ 28 марта при распределении отделов П. И. Стучке было поручено заведование отделением гражданского права Отдела законодательных предположений и кодификации, а с 16 апреля — также Отделом наказаний, или Тюремным отделом (ЦГАОР, ф. 353, оп. 2, д. 2, лл. 3, 32).

Преследуя цель — достигнуть перелома «не только во всей системе управления местами заключения, но и в самой постановке отбывания наказания», П. И. Стучка считал исключительно важной задачей организацию общественных работ для осужденных (ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 1, д. 1, л. 31).

22 августа 1918 г. СНК принял постановление об отставке П. И. Стучки по личной просьбе.

мени работы на этом посту он регулярно публиковался в газетах «Правда» и «Известия»¹⁸. Статьи, написанные весной — летом 1918 года, дают представление о работе П. И. Стучки над проблемами теории права применительно к задачам, подлежащим решению в области строительства советской юстиции.

В статье «Революционные задачи комиссариата юстиции» П. И. Стучка разъяснял предложенный им уже в 1917 году план работы НКЮ, реализация которого была прервана назначением комиссаром представителя левых социалистов-революционеров. Важнейшей задачей НКЮ П. И. Стучка признал разработку норм советского права и их проведение в жизнь. «Мы стремимся к скорейшему созданию нового писаного права», — заявил П. И. Стучка. Однако он считал, что эта работа потребует определенного времени, так как «не имеет прецедентов, готовых образцов»¹⁹. При создании новых кодексов П. И. Стучка намеревался использовать, но только в незначительной мере, старые нормы права, а в основном — правотворческий материал, который дает народный суд и

---

¹⁸ Всего в течение 1918 года в упомянутых газетах П. И. Стучка опубликовал около 20 статей, из них 12 юридических. Некоторые статьи были посвящены исключительно практическим вопросам деятельности НКЮ. К таким относится статья «Отмена наследования. Проект декрета», написанная в связи с рассмотрением ВЦИК проекта декрета о наследовании, в которой отстаиваются положения предложенного П. И. Стучкой проекта декрета (см.: «Известия», 1918, 21 апреля).

В статье «Наша уголовно-карательная политика» сформулированы некоторые принципы советского государственного управления и конкретно — задачи НКЮ по реорганизации управления местами заключения, подчеркивается роль труда в перевоспитании заключенных: тюрьма должна быть местом трудовой жизни как для арестованных, так и для подсудимых (см.: «Известия», 1918, 11 мая).

С пониманием П. И. Стучкой задач Отдела законодательных предложений и кодификации, с первоначальным планом объединения в этот отдел юридических отделов всех ведомств знакомила статья «Отдел законодательных предположений и кодификации Нар. ком. юст.» (см.: «Известия», 1918, 11 июня). Руководители других комиссариатов этот план не поддержали, и он не был проведен в жизнь.

¹⁹ «Известия», 1918, 16 апреля.

вся текущая жизнь. Речь, конечно, идет не о прецедентном праве, которого в социалистическом государстве не может быть. Слова П. И. Стучки о «правотворческом материале» суда можно истолковать только следующим образом: суд должен дать опыт, который затем обобщается и закрепляется законодательством, цель которого — «провести в жизнь всякую новую меру, а также искоренить все пережитки прежнего порядка в общегосударственном масштабе»²⁰.

Практическим вопросам кодификации уголовного права посвящены статьи «Первые дни деятельности народного суда» и «К 1-му Всероссийскому съезду комиссаров юстиции». П. И. Стучка предлагал «выработать основные принципы квалификации преступлений и проступков» и предоставить народным судам свободу в определении рода и меры наказания²¹. К освещению роли норм уголовного права в деятельности народного суда П. И. Стучка подошел настороженно, несколько не дооценивая их значение. Народный суд, несомненно, играет творческую роль, но это не дает основания считать, что в законе нет необходимости указывать «точную цифру наказания», что указания народному суду должны быть даны «только в общих чертах и в общем направлении» и что в нормах права следует предусмотреть только минимальную меру наказания²². Но, по-видимому, судебная практика не дала еще достаточного материала для определения «точной цифры наказания»²³.

Интересные мысли о праве вообще и правосознании в частности содержит статья «Правосудие нового

---

²⁰ «Известия», 1918, 16 апреля.

²¹ Там же, 25 апреля.

²² Там же, 3 мая.

²³ Работники народных судов требовали предоставления суду максимальной свободы в его деятельности. На Всероссийском съезде губернских и областных комиссаров юстиции председатель Петроградского совета народных судей С. Я. Рапорт заявил, что по уголовным делам совет народных судей «стоит на той точке зрения, что суд должен быть неограничен в своей компетенции» (Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. I. М., изд. НКЮ, 1918, стр. 10).

стройка. II»²⁴. Отстаивая необходимость существования права до полной победы пролетариата, П. И. Стучка определяет право как «понудительно охраняемый порядок». Это определение отличается от другого, данного в книге «Народный суд в вопросах и ответах», аспектом рассмотрения права и еще большей лаконичностью. Подводя первые итоги деятельности народного суда, имеющиеся недостатки П. И. Стучка объясняет еще сохранившимся влиянием буржуазных законов: «Гражданская война, победоносно окончившаяся на городских улицах и в деревнях России, еще не доведена до конца в головах и в сознании пролетариев: они еще слишком часто в плену у буржуазной идеологии»²⁵.

Судьи должны быть «достаточно проникнуты правосознанием трудящихся масс», и те судьи, которые в оценке «устарелых или буржуазных законов» не будут согласны с трудящимися — «классом громадного большинства», будут беспощадно отзывать²⁶.

Революционное правотворчество и законность в социалистическом государстве находятся в тесной связи между собой, поэтому *вопрос о законности П. И. Стучка рассматривал конкретно, в зависимости от наличия новых, т. е. советских, законов, без которых невозможна новая, т. е. революционная, законность.*

Если во время работы над книгой «Народный суд в вопросах и ответах» П. И. Стучка вместо термина «законность» употреблял другой — «закономерность», то летом 1918 года он приходит к пониманию законности как соблюдения и исполнения законов. В статье «Районный сепаратизм» П. И. Стучка вслед за В. И. Лениным говорил о «неукоснительном подчинении декретам центрального Раб[оче]-Крестьянского правительства»²⁷. В борьбу за осуществление закон-

²⁴ В первой части статьи, опубликованной под таким же названием, говорилось об адвокатуре (см.: «Известия», 1918, 23 мая).

²⁵ «Известия», 1918, 7 июня.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, 6 июня.

ности П. И. Стучка считал необходимым вовлечь трудящиеся массы. Говоря о противопоставлении личных интересов государственным, он заметил, что устранить его пояснением о законности или незаконности невозможно. «Тут должны вмешаться сознательные рабочие массы сами. Мы от себя можем еще раз только подтвердить, что будем твердо стоять на почве декретов Рабоче-Крестьянского правительства...»²⁸.

Проследим взгляды П. И. Стучки на отдельные черты законности.

Революционную законность П. И. Стучка рассматривал как соблюдение советских законов прежде всего должностными лицами. 6 июля 1918 года в своем выступлении на II Всероссийском съезде областных и губернских комиссаров юстиции П. И. Стучка говорил: «Пока декрет существует, нам — блюстителям революционной законности — не следует делать отступлений или вести даже агитацию против того, что мы сами же создали. Надо вести борьбу за лучшее в порядке организационном»²⁹.

М. С. Строгович справедливо отмечает, что социалистическая законность в качестве своего необходимого компонента включает строгое соблюдение прав, предоставленных гражданам законом, их охрану и обеспечение³⁰. В этой связи интерес представляет составленное лично П. И. Стучкой и направленное 26 июля 1918 года ВЧК отношение, в котором подчеркивается необходимость соблюдения строгого учета, отказа от формальной неурядицы, в результате которой нарушаются права граждан³¹.

П. И. Стучка далее считал, что от всех граждан, независимо от занимаемых ими должностей, соблюдение законов требуется в одинаковой мере и в привлечении к ответственности за нарушение совет-

²⁸ «Известия», 1918, 6 июня.

²⁹ Материалы Народного комиссариата юстиции. Народный суд. Вып. III. М., изд. НКЮ, 1918, стр. 23.

³⁰ См.: М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности. М., изд-во «Наука», 1966, стр. 17.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 12, л. 37; ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, л. 61.

РОССИЙСКАЯ
РЕВОЛЮЦИОННАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ
СОВЕТА
НАРОДНЫХ КОММИССАРОВ.

Москва, Кремль.

7 Января 1918.

№ 5712

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Совет Народных Комиссаров свое уведомление передать тов. Петра Ивановича Стучку быть председателем Особой Следственной Комиссии для расследования дел о контрреволюционном мятеже левых социалистов-революционеров с.р. против Советской власти с целью дестабилизации.

Управління Делами Совіта

Народних Комісарів:

Председателя Комиссаров:

Делегированного:

Удостоверение о назначении П. И. Стучки председателем Особой следственной комиссии для расследования дела о контрреволюционном мятеже левых социалистов-революционеров.

ских законов не может быть места исключениям и привилегиям³².

В борьбе с буржуазным юридическим мировоззрением большую роль сыграли советские юридические журналы, первый из которых под названием «Пролетарская революция и право» начинает выходить с августа 1918 года. История создания журнала тесно связана с именем П. И. Стучки. На заседании бюро Отдела законодательных предположений и кодификации 25 мая он внес предложение об издании дважды в месяц журнала НКЮ, 19 июня на заседании бюро под председательством П. И. Стучки был решен вопрос о наименовании журнала, в дальнейшем он принимает участие в практической подготовке его издания³³. О роли этого журнала в общественной и политической жизни позволяет судить то обстоятельство, что его изданием интересовались руководители Советского государства. 15 ноября за подписью Председателя ВЦИК в Полиграфический отдел ВСНХ было направлено отношение следующего содержания: «Ввиду крайней важности своевременного выхода в свет изданий Народного комиссариата юстиции (журнала „Пролетарская революция и право“ и других изданий)» ВЦИК просит распоряжения, чтобы эти издания набирались и печатались в типографиях вне очереди³⁴.

В первом номере журнала «Пролетарская революция и право» была помещена статья П. И. Стучки

³² Характерным является составленный лично П. И. Стучкой документ — отношение в Народный комиссариат по продовольствию от 1 августа 1918 года. В ответ на ходатайство Наркомпрода об истребовании из Царицына следственного производства на работника этого комиссариата П. И. Стучка писал: «По законам, как прежним, так и революционным, обвиняемые по преступлениям судятся по месту преступления... Единственным исключением может быть тот случай, когда Президиум ЦИК, НКЮ или СНК по важности дела постановят перевести его в Трибунал при ЦИК, но для этого Народный комиссариат по продовольствию должен представить данные о важности дела» (ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 12, л. 43).

³³ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 1, д. 5, лл. 25—27; оп. 2, д. 125, л. 10.

³⁴ Там же, ф. 1235, оп. 93, д. 200, л. 268.

«Пролетарская революция и суд»³⁵, интересная тем, что в ней впервые в нашей юридической литературе было дано разграничение норм права в зависимости от степени закрепления в них интереса господствующего класса. П. И. Стучка считал, что при разработке системы норм советского права допустимо использование отдельных норм старого права, но при этом следует руководствоваться классовым взглядом на право и решительно отвергать нормы, закрепляющие политику старого строя: «В каждом томе свода законов мы находим правила двоякого рода: правила, определяющие одну техническую сторону данной отрасли, а рядом правила, определяющие самую суть, самое направление деятельности. Особенно ярко это видно в томах свода, которые занимаются чисто техническими вопросами, как, напр[имер], почта и телеграф, пути сообщения и т. д. Никакой закон не изменит предельной быстроты движения поездов и т. д. Но рядом помещены статьи, определяющие железнодорожную политику того или иного строя, который необходимо изменить немедленно же, тогда как просто техническое руководство останется почти без изменения и только упростится или сократится, освобождаясь от лишнего балласта остатков бюрократической эпохи. То же самое мы можем сказать по поводу суда. Законы о составе суда и тома так называемого материального права, которые применяет суд, беспощадно сожжены, но технические производственные правила (и буржуазный юрист их называет законами судопроизводства) в общих чертах могут оставаться в силе, потеряв только прежнюю свою безусловную обязательность»³⁶. К проблеме деления норм права на основные и технические П. И. Стучка возвращается в статье «Пролетарское право» и в книге «Революционная роль права и государства».

---

³⁵ В журнале, кроме того, были помещены статьи А. Г. Гойхбарга «Пролетарская революция и гражданское право», М. Ю. Козловского «Пролетарская революция и уголовное право», рецензия П. И. Стучки на книгу А. Г. Гойхбарга «Новое семейное право» и другие материалы.

³⁶ «Пролетарская революция и право», 1918, № 1, стр. 4.

Под техническими нормами П. И. Стучка подразумевал как санкционированные государством технические нормы в прямом смысле этого слова, так и нормы права подсобного характера, к которым он причислял преимущественно нормы судопроизводства.

На наш взгляд, вполне обоснованной является мысль, что в той или иной отрасли права имеются технические нормы, которым законодатель придает силу закона. Кроме того, каждая отрасль права состоит из таких правовых норм, которые имеют существенное, первостепенное значение и определяют характер каждой отрасли в целом, а также принадлежность ее к данной системе права.

Н. Н. Полянский отрицательно оценил понимание П. И. Стучкой процессуальных норм, как преимущественно технических, не имеющих прежней безусловной обязательности. Такие соображения, писал он, послужили базой для так называемого «упрощенства» в деятельности органов юстиции³⁷.

Но с такой оценкой вряд ли можно согласиться. П. И. Стучка считал процессуальные нормы не имеющими прежней безусловной обязательности потому, что непосредственно после революции допускалось применение старых процессуальных норм, а эти нормы не могли, естественно, быть и не были по-прежнему обязательными. Кроме того, он предвидел, что при разработке новых норм процессуального права можно унаследовать кое-что от буржуазного права. Чтобы не связывать рук народному суду, он именовал их техническими нормами и считал, что будущий устав судопроизводства будет только руководством или пособием.

Наше право сегодня содержит огромное количество санкционированных государством технических норм. Дальнейший прогресс в развитии производства материальной жизни, науки, техники, культуры обуславливает возрастание количества этих норм. В этом

³⁷ См.: Н. Н. Полянский. Первые страницы советской науки о суде. Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1957, № 1, стр. 110.

свете вопрос, поднятый П. И. Стучкой 50 с лишним лет назад, не потерял своего значения.

6 и 9 декабря 1918 года П. И. Стучкой были прочитаны две лекции на тему «Судопроизводство переходного периода» с целью ознакомить практических работников юстиции с изменениями, внесенными в судопроизводство Декретом ВЦИК О народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 года³⁸.

В лекции, прочитанной 6 декабря, говорилось о подсудности, о составе суда, о равноправии граждан перед судом, о возбуждении гражданских и уголовных дел, о подготовке и рассмотрении дел в суде, о доказательствах и их оценке.

В своей лекции П. И. Стучка охарактеризовал деление дел на гражданские и уголовные как пережиток буржуазного судопроизводства, полагая, что это деление не соответствует изменениям, произведенным революцией в области права. «Если мы говорим о гражданских законах, то мы говорим о гражданском праве вообще и это гражданское право есть и у буржуазного права, но с каждым днем остается все меньше и меньше, и то, что теперь входит в гражданское право, уже есть не гражданское право, а есть скорее общественное право, социальное право, и мы по старой привычке называем гражданским правом его, чтобы не производить в переходный момент той ломки понятий, каким мы придаем совершенно иное значение»³⁹.

Следует заметить, что в период ломки общественных отношений еще трудно было предугадать, какие изменения произойдут в области гражданского права, но для П. И. Стучки было очевидно, что гражданское право в таком смысле, в каком оно является в буржуазном обществе — как право частного собствен-

---

³⁸ Курсы для судей и членов юридических отделов были организованы политико-юридическим разрядом Социалистической академии общественных наук. Открытие курсов состоялось 1 декабря. С докладами кроме П. И. Стучки выступили А. Г. Гойхбарг, Д. И. Курский, М. А. Рейснер, А. А. Яблонский и др. (ЦГАОР СССР, ф. 3415, оп. 1, д. 29, л. 13; д. 47, лл. 37—38).

³⁹ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 124, л. 98.

ника, не может сохраниться. Гражданское право должно быть заменено, как он высказывался, «общественным», «социальным» правом, в котором нет уже деления человека на гражданина и частного собственника. Этой мыслью П. И. Стучка предвосхитил исчезновение так называемого частного права и превращение всего права в публичное, исчезновение противопоставления человека обществу. В 20-х годах П. И. Стучка — один из основоположников советского гражданского права как отрасли советского социалистического права, отрасли, принципиально отличной от буржуазного гражданского права.

В лекции П. И. Стучка более подробно по сравнению со статьей «Старый и новый суд» остановился на возможности народного суда вызвать свидетелей по правовым вопросам, т. е. специалистов в области права, которые способны дать советы суду по вопросам права. Выступая против ранее существовавшего формального предположения, что суд знает все законы, П. И. Стучка считал, что народный суд, «который составляется в большинстве не из юристов, также не в состоянии знать все количество новых декретов, и юристы несомненно более знают их... поэтому нам приходится призывать сведущих лиц давать свои заключения, с которыми народный судья может и не согласиться»⁴⁰. В настоящее время народные суды в основном комплектуются из лиц, имеющих юридическое образование, и это исключает необходимость в институте экспертов-юристов в том смысле, как это предлагал П. И. Стучка в 1918 году. Тем не менее при рассмотрении сложных дел у народного суда и сегодня может возникнуть необходимость заслушать заключение ученого-юриста, разрабатывающего проблемы определенной отрасли науки. Для решения поставленного П. И. Стучкой вопроса в таком аспекте необходимы дальнейшие теоретические и социологические исследования.

Гораздо более насыщена теоретическим материалом лекция 9 декабря 1918 года. Говоря об оконча-

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 124, л. 106.

Товарищи, я должен передь вами очень извиниться, что придется завтра уже уехать по непредвиденным обстоятельствам и я не знаю, когда я смогу читать следующую лекцію. И, может быть придется на этом совершенно прекратить чтение лекцій и поэтому я хотѣлъ бы сегодня дать въ заключение то, что я считаю наиболее важнымъ, т.е. ту часть, которая относится къ рѣшенію дѣла.

Для этого мнѣ придется нѣсколько перескочить, но если я вернусь изъ своей поездки скоро и раньше, чѣмъ я предполагаю, то я арсту дополнительно то, что я сегодня пропустила и переизъ въ сложномъ видѣ.

И прошлый разъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ стороны дѣла зашли прямо въ своего дѣла. При этомъ разбирая вкратцѣ какіе виды доказательствъ бываютъ, мы рассматривали при этомъ и то, какіе бываютъ способы опроверженія этихъ доказательствъ и послѣ представленія доказательствъ, идутъ пренія стороны в судѣ удаляются для самого важнаго акта всего процесса, т.е. для производства суда, для рѣшенія дѣла. Конечно можетъ случиться, что это рѣшеніе происходитъ въ самой залѣ заседанія, что тамъ же на мѣстѣ судить это дѣло, не удаляясь въ совѣтательную комнату, но это будетъ исключеніе, если дѣло совершенно безспорное и настолько ясное, что суда въ совѣтніи не нуждается. Обыкновенно судья удаляется въ свою совѣтательную комнату, гдѣ обсуждаютъ вопросъ безъ присутствія постороннихъ лицъ, присутствуютъ можетъ быть только секретарь и кромѣ того тѣ эксперты, свидѣтели лица, которые по дѣятели въ известныхъ случаяхъ по желанію стороны допрашиваются въ совѣтательную комнату. Когда приступаютъ къ рѣшенію дѣла, важнѣе прежде всего приходится задать себѣ вопросъ, доказано ли то, что одна сторона утверждаетъ и что другая сторона опровергаетъ, или нѣтъ. Какъ же рѣшить этотъ вопросъ. Бѣдѣ въ прежнее время для этого была совершенно формальны и три доказательства. Считалось, что одинъ свидѣтель значительнѣе двухъ свидѣтелей и т.д. Уже раньше пренія уголовного судопроизводства не придерживались формальнаго степенія и это степенія даже буржуазная юстиція. Въ буржуазной юстиціи судья въ вопросѣ съ другой стороны неправильно или установленно

тельном выводе, составляющем решение дела, об оценке при этом показаний свидетелей, П. И. Стучка снова возвращается к вопросу об отношении суда к закону, который его занимает в течение всего 1918 года. По сравнению с предыдущими работами («Старый и новый суд», «Народный суд в вопросах и ответах» и др.) в лекции высказаны новые соображения.

П. И. Стучка сопоставляет два противоположных подхода к старым законам Советского государства и так называемого социалистического правительства в Германии после Ноябрьской революции 1918 года. Он подвергает резкой критике путь, избранный немецким правительством, которое провозгласило, что «все законы прусские остаются в силе до тех пор, пока они не будут отменены»⁴¹. Этой позиции П. И. Стучка противопоставляет линию Советского правительства, которой дает следующее разъяснение: «... мы не отказываемся совершенно от бывших законов», так как они хотя и «были сожжены», но остались в сознании людей. Судя по этим словам, П. И. Стучка продолжает отстаивать мысль об отрицании социалистической революцией в целом норм буржуазно-помещичьего права. Кстати, возможность использования в какой бы то ни было форме старых законов П. И. Стучка признает «весьма невыгодной для революционного самосознания» и в подтверждение приводит следующий факт: при просмотре решений окружных народных судов по существу правильные решения дел оказались изуродованными ссылками на старые законы. «Там были ссылки на такие законы, — указывает П. И. Стучка, — которые не могли соответствовать революционному правосознанию»⁴².

П. И. Стучка несколько подробнее разъяснил данное В. И. Лениным понимание материального содержания революционного правосознания. Мерилом проявления революционного правосознания является соответствие его программным требованиям победив-

⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 124, л. 110.

⁴² Там же.

ших партий, и в первую очередь Коммунистической партии, оно должно соответствовать идеям социализма, коммунизма: «Голова складывает в своем складе всякие старые вещи, всякие старые законы и рядом с ними новые законы. Иногда вы не разберете, откуда это происходит — из старого или нового. Тут должно помочь то обстоятельство, что вы социалисты, что вы коммунисты, что вы с этой точки зрения рассматриваете вопрос»⁴³.

Отрицательную оценку дал П. И. Стучка обращению народного суда к бытующим обычаям. Народный суд не может создать общечеловеческих правил для всех веков, таких нет, поэтому «если мы обращаемся к обычаю, так это мы обращаемся к худшему, потому что обычай — это то, что стариной пахнет». И далее: «Все, что вчера казалось правильным, в других условиях изменяет характер и кажется неправильным и несправедливым»⁴⁴.

В лекции, прочитанной П. И. Стучкой 9 декабря, проблема законности рассмотрена в двух аспектах. Во-первых, что нужно понимать под законностью в момент революционного переворота? П. И. Стучка дает ответ: «В революции все законно, что сделано революционно»⁴⁵. Данная формулировка страдает некоторой неточностью: указывается только метод действия, а не цель — интересы революционных классов. Во-вторых, что означает законность в народном суде? «Что касается тех декретов, которые изданы Рабоче-Крестьянским правительством, то ясно, так как они изданы нашими юристами, то до тех пор, пока они не будут отменены, они являются обязательными»⁴⁶. — говорил П. И. Стучка, но одновременно предостерегал от формального подхода к делу. Допустимы несую-

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 124, л. 111.

В статье «Годовщина первого декрета о суде» П. И. Стучка требовал простоты законов, популяризации и распространения их, в результате чего законы «должны слиться с правосознанием революционных широких масс в единое коммунистическое мировоззрение («Правда», 1918, 7 декабря).

⁴⁴ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 124, лл. 111—112.

⁴⁵ Там же, л. 116.

⁴⁶ Там же, л. 112.

ществленные и даже существенные отступления от декретов, но они должны быть мотивированы, чтобы было видно, что «это есть сознательное отношение к данному вопросу». В качестве примера П. И. Стучка приводит случай, когда суд присуждает больше, чем требует истец, так как по делу видно, что человек по непониманию представляет явно неверный расчет. В подобных случаях суд должен руководствоваться одним мерилom — справедливостью.

П. И. Стучка сформулировал понятие преступления по отношению к общественному порядку. Существующий в буржуазном государстве порядок охраняется принудительным аппаратом. В переходный к социализму период порядок охраняется рабоче-крестьянским государством, а после переходного периода — самим обществом. «Под преступлением и проступком, — подытоживает П. И. Стучка, — за которое налагается наказание, понимается нарушение известного порядка»⁴⁷.

§ 4. ПОДГОТОВКА ПРОЕКТА КОНСТИТУЦИИ РСФСР 1918 ГОДА

Необходимость создания конституции Советского государства была продиктована самой жизнью, первыми успехами социалистической революции. Уже в конце декабря 1917 года В. И. Ленин констатировал, что «за несколько недель разрушены почти до основания недемократические учреждения в армии, в деревне, на фабрике»¹. На местах повсюду установилась Советская власть. Советы «покрыли сетью всю страну»². Слом всего старого государственного аппарата и создание новых государственных органов в центре и на местах явилось результатом самодеятельности руководимых большевиками революционных трудящихся масс. Это неизбежно вызвало разнообразие, особенности, пестроту отдельных звеньев государственного аппарата. Конституция должна была обоб-

⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 124, л. 115.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 191.

² Там же, стр. 239.

щит имеющуюся практику, выявить устойчивое, типичное, закрепить его и этим способствовать планомерному строительству государственного аппарата диктатуры пролетариата³.

Разработка проекта конституции была чрезвычайно трудной, ибо конституция социалистического типа создавалась впервые и ее создатели не имели перед собой готовых образцов. Ничего не дало и предпринятое изучение организации и функций центральных государственных органов и местного самоуправления федеративных буржуазных государств⁴, так как опыт буржуазного классового государства не мог быть использован при создании государства нового типа.

Руководящая роль в создании первой Советской Конституции принадлежит лично В. И. Ленину и ЦК РКП(б). В трудах В. И. Ленина были разработаны теоретические основы Советской Конституции. В написанной им по поручению партии программной работе «Очередные задачи Советской власти», посвященной вопросам общей политики в новый период революции, было определено основное направление деятельности советского государственного аппарата. В. И. Ленин являлся автором важнейших декретов и деклараций, принятых в первые месяцы Советской власти, в которых были сформулированы советские конституционные принципы, нашедшие отражение в Конституции РСФСР 1918 года. Исключительно велика роль В. И. Ленина в практической подготовке проекта конституции. В. И. Ленину направлялись предвари-

---

³ Я. М. Свердлов в лекции, прочитанной 22 октября 1918 года слушателям дополнительных курсов администрации и политического руководства, характеризуя положение в области государственного строительства ко времени начала работы над проектом конституции, заявил, что «у нас по существу уже более или менее сложился государственный советский аппарат, но не было еще строгого разграничения функций и труда между отдельными, созданными нами органами». Необходимо было разграничить деятельность Советов, определить их взаимоотношения, внести планомерность во взаимоотношения между различными советскими организациями (ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 55, лл. 23—26).

⁴ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 85, лл. 68—76; д. 86, лл. 45—56.

тельные разработки отдельных частей проекта⁵, он ознакомился со стенограммами работы Комиссии по выработке конституции Советской республики⁶, давал оценку отдельным положениям⁷. Окончательный текст проекта конституции разрабатывался под непосредственным руководством В. И. Ленина — председателя Особой комиссии ЦК РКП(б), рассмотревшей на своих заседаниях два проекта, представленных Комиссией по выработке конституции Советской республики и Народным комиссариатом юстиции РСФСР. Деятельность Комиссии по выработке конституции Советской республики подробно освещена в нашей политической и юридической литературе⁸. Что же касается проекта конституции, подготовленного НКЮ, то большинство исследователей признает его значение⁹, однако история разработки этого проекта почти не исследована. Некоторый материал содержит книга Г. С. Гурвича «История Советской Конституции». Общее представление по этому вопросу дает книга Д. А. Чугаева «Первая Конституция Советского госу-

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 89, л. 3; д. 90, л. 28.

⁶ Такое название комиссии, образованной 1 апреля 1918 года ВЦИК, было дано на заседании ВЦИК (единственное отличие: вместо слова «по» употреблялось — «для»), это название приводится также в протоколе заседания Президиума ВЦИК от 3 апреля 1918 года (ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 31, л. 2; ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 34, д. 4, л. 1), однако в юридической литературе упомянутая комиссия обычно называется Конституционной комиссией ВЦИК.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 86, оп. 1, д. 31, л. 27; ЦГАОР СССР, ф. 6980, оп. 1, д. 6, л. 10.

⁸ См.: Проф. Г. С. Гурвич. История Советской Конституции. М., изд. СА, 1923; Е. Городецкий, Ю. Шаратов. Свердлов. Жизнь и деятельность. М., Госполитиздат, 1961; Советские конституции. Справочник. М., Госполитиздат, 1963 и др.

⁹ См.: С. С. Кравчук. Тридцать лет первой Советской Конституции. М., изд-во «Правда», 1948; С. Л. Ронин. Первая Советская Конституция. М., Юрид. изд-во Мин. юст. СССР, 1948; В. Г. Филимонов. Первая Советская Конституция. М., Госюриздат, 1960.

Некоторыми авторами разработка проекта конституции в НКЮ вообще не упоминается (см., напр.: И. М. Степанов. Развитие Советской Конституции. М., Госюриздат, 1957; Октябрь и социалистическое государство. М., изд-во «Юридическая литература», 1967).

дарства», хотя автором допущен ряд неточностей, в частности неправильно освещены роль П. И. Стучки в разработке данного проекта и его взгляд на Советскую Конституцию. Д. А. Чугаев считает, что вначале, исходя из мотивов, изложенных в статье «Конституция гражданской войны», П. И. Стучка вообще «выступал против Конституции Советского государства», а после того как разработанные М. А. Рейснером «Основные начала Конституции РСФСР» были отвергнуты Конституционной комиссией ВЦИК, П. И. Стучка организовал в НКЮ разработку своего проекта конституции, который «был написан, по поручению Коллегии Народного комиссариата юстиции, профессором Рейснером и его последователем юристом А. Гойхбаргом»¹⁰.

Утверждение Д. А. Чугаева, что П. И. Стучка является решительным противником разработки конституции, не убедительно. Факты свидетельствуют противоположное. В опубликованной в сентябре 1918 года статье П. И. Стучки «Конституция гражданской войны» сказано: «В самый острый период гражданской войны нам пришлось приступить к облечению в письменную форму существующей у нас реально конституции. И вполне естественно возник вопрос о том, возможна ли вообще писаная конституция переходного времени». Приводятся в статье и аргументы, почему пришлось решать этот вопрос, сообщается, что «взял верх тот взгляд, что необходимо изложить в статьях основного закона то, что достигнуто в жизни...»¹¹. В этом же году П. И. Стучка вполне определенно констатировал, что «настал момент приступить к кодификации, к сводке всего пролетарского права переходного времени в систематический сборник», первое место в котором займет Советская Конституция¹².

---

¹⁰ Д. Чугаев. Первая Конституция Советского государства. М., 1949, стр. 157.

¹¹ «Пролетарская революция и право», 1918, № 3—4, стр. 15.

¹² П. Стучка. Пролетарское право. В сб.: «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата», М., Госуд. изд-во, 1919, стр. 218.

Практическая деятельность П. И. Стучки в Народном комиссариате юстиции свидетельствует об исключительно большом значении, придаваемом им кодификации советского права. 12 декабря 1917 года П. И. Стучка подписал постановление об отмене прежнего деления Комиссариата юстиции на департаменты и об установлении нового деления, которым предусматривалось создание Отдела законодательных предположений и кодификации¹³. Хотя, как справедливо отмечает М. П. Ирошников, в период до января 1918 года почти ни один из декретов Советской власти не был разработан этим органом¹⁴, с деятельностью отдела связано начало работы над проблемами Советской Конституции. На Отдел законодательных предположений и кодификации была возложена задача составления проекта Советской Конституции, кодификации того, что «завоевано и записано»¹⁵. С момента образования отдел возглавлял редактор отделения государственного права М. А. Рейснер. Особое внимание работе Отдела законодательных предположений и кодификации уделяет П. И. Стучка как народный комиссар юстиции в 1918 году: он руководит заседаниями бюро, разрабатывает план активизации деятельности отдела. В мае 1918 года за подписью П. И. Стучки было опубликовано «Положение об отделе законодательных предположений и кодификации Народного комиссариата юстиции». В отделе предполагалось сосредоточить разработку законопроектов и кодификацию «действующих законов по всем ведомствам Рабоче-Крестьянского правительства Российской СФСР»¹⁶.

После III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, еще до образования Комиссии по выработке конституции Советской республики, в отделе велась подготови-

¹³ «Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства», 1917, 15 (28) декабря.

¹⁴ См.: М. П. Ирошников. Создание советского центрального государственного аппарата. М.—Л., изд-во «Наука», 1966, стр. 110.

¹⁵ См.: Энциклопедия государства и права. Под ред. П. Стучки. Т. 2. М., Изд-во КА, 1925—26, стр. 439.

¹⁶ «Пролетарская революция и право», 1918, № 1, стр. 67.

тельная работа по составлению проекта конституции¹⁷. Консультант Отдела законодательных предположений и кодификации Г. С. Гурвич на основе материалов устного опроса отдельных делегатов III Всероссийского съезда Советов написал статью «Вся власть Советам», которая дает общее представление об организации и основных направлениях деятельности местных Советов.

1 апреля 1918 года на пленарном заседании ВЦИК было решено в состав Комиссии по выработке конституции Советской республики включить по одному представителю от ряда комиссариатов, в том числе от Народного комиссариата юстиции. 2 апреля по заявлению П. И. Стучки Коллегия НКЮ решила делегировать в состав упомянутой комиссии заведующего отделением государственного права Отдела законодательных предположений и кодификации М. А. Рейснера¹⁸. К работе комиссии в качестве сведущего лица с правом совещательного голоса был привлечен и Г. С. Гурвич¹⁹. Отдел законодательных предположений и кодификации не только передал Комиссии по выработке конституции Советской республики разработанные к моменту ее образования подготовительные материалы к проекту, но в ходе работы комиссии сотрудничал с нею, в частности подготовил обширную справку «Компетенция Советов и съездов Советов», авторы которой, руководствуясь

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 1, д. 4, л. 28; д. 5, л. 18; ф. 6980, оп. 1, д. 3, л. 1.

Г. С. Гурвич впоследствии приводил весьма интересные подробности работы над проектом конституции в Отделе законодательных предположений и кодификации НКЮ: «Когда здесь вскоре после III съезда, но уже по эвакуации правительства из Петербурга в Москву, решили приступить к предварительным занятиям по созданию конституции, то считалось само собою разумеющимся, что, прежде всего, нуждаются в установлении основные начала государственного строя, каковы: источники верховной власти, способы осуществления этой власти, формы соединения народностей Республики в связи с вопросами самоопределения национальностей. Затем должна быть определена конструкция центральных органов власти» (Проф. Г. С. Гурвич. История Советской Конституции. М., изд. СА, 1923, стр. 8—9).

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 2, л. 8.

¹⁹ Там же, ф. 6980, оп. 1, д. 3, л. 2.

практикой, дали перечисление прав местных органов государственной власти²⁰.

В НКЮ следили за работой Комиссии по выработке конституции Советской республики, вопрос этот неоднократно обсуждался коллегией. Это подтверждается заявлением М. А. Рейснера на заседании комиссии 19 апреля о том, что «в коллегии были некоторые недоумения по поводу целого ряда мыслей, целого ряда важных вопросов, которые в конституции никоим образом не могут быть так быстро разрешены, так быстро пропущены»²¹.

Самостоятельная работа НКЮ над проектом конституции начинается в июне. 11 июня 1918 года на заседании коллегии П. И. Стучка выступил с докладом о конституции, после чего постановили: поручить М. А. Рейснеру собрать весь материал по конституции Советской республики²².

Чем же было вызвано подобное решение? Работа Комиссии по выработке конституции Советской республики затягивалась, ее завершению мешали трудности как объективного характера — необходимость в кратчайший срок изучить и обобщить огромный практический материал, так и субъективного — в комиссии, наряду с партией большевиков, были представлены левые социалисты-революционеры и социалисты-революционеры-максималисты, между которыми существовали разногласия по целому ряду вопросов²³, ошибочные взгляды отстаивались «левыми коммунистами». Когда 26 июня в ЦК РКП(б) рассматривался вопрос о Советской Конституции, по словам

²⁰ «Известия», 1918, 22 июня.

²¹ ЦГАОР СССР, ф. 6980, оп. 1, д. 6, л. 24.

²² Там же, ф. 353, оп. 2, д. 2, л. 64.

²³ В состав Комиссии по выработке конституции Советской республики входили: Я. М. Свердлов (председатель), М. Н. Покровский (заместитель председателя), В. А. Аванесов (секретарь), А. И. Бердников (с.-р.-максим.), Д. П. Боголепов, Н. И. Бухарин, Г. С. Гурвич, М. И. Лацис, Д. А. Магеровский (лев. с.-р.), М. А. Рейснер, Э. М. Склянский, А. П. Смирнов, И. В. Сталин, Ю. М. Стеклов, А. А. Шрейдер (лев. с.-р.) (ЦГАОР СССР, ф. 6980, оп. 1, д. 17, л. 1. См. также: Ленинский сборник, XXI. М., Партийное изд-во, 1933, стр. 268).

Я. М. Свердлова, «пришли к тому заключению, что к этому съезду представить всю конституцию в полном виде нам не удастся. Отдельные тт., в том числе т. Ленин, полагали, что нужно этот вопрос снять с порядка дня ввиду того, что конституция в целом не готова. Но мне удалось настоять на том, что отдельные части этой конституции, в частности наиболее разработанная часть о Советах в организационном отношении, и мо[гу]т быть принят[ы] теперь»²⁴.

Есть основание предполагать, что работа над проектом конституции в НКЮ велась по заданию СНК, ибо на заседании СНК 28 июня после сообщения П. И. Стучки о проекте конституции Российской Советской Республики было постановлено: «Обратить внимание всех комиссариатов на необходимость усиленной работы над проектом конституции. Поручить К[омиссариату] юстиции сообщить немедленно в другие комиссариаты все уже разработанное им по этому вопросу»²⁵.

Первоначальная редакция проекта конституции по поручению Коллегии НКЮ была подготовлена в Отделе законодательных предположений и кодификации, о чем свидетельствует надпись на одной из машинописных копий проекта, сохранившейся среди документов Совнаркома, — «Проект отделения государственного права Народного комиссариата юстиции»²⁶.

В дальнейшем проект рассматривался в Коллегии НКЮ, в состав которой в исследуемый период входили народный комиссар П. И. Стучка, его заместитель Д. И. Курский и члены коллегии М. Ю. Козловский, П. А. Красиков и П. А. Чегодаев. Мы не располагаем данными о том, какое конкретное участие в разработке проекта принимали отдельные члены коллегии. Очевидно, в этой работе не участвовал П. А. Красиков, который в июне и в начале июля не присутствовал на заседаниях коллегии²⁷. В то же

²⁴ ЦГАОР СССР, ф. 6980, оп. 1, д. 11, л. 1.

²⁵ Там же, ф. 130, оп. 2, д. 2, л. 82.

²⁶ Там же, д. 90, л. 8.

²⁷ Там же, ф. 353, оп. 2, д. 2, лл. 58—84.

время архивные материалы свидетельствуют о том, что проект разрабатывался не только под руководством П. И. Стучки, но и при его непосредственном участии. Сохранился отпечатанный на машинке первичный вариант второй и третьей глав проекта с исправлениями П. И. Стучки, в соответствии с которыми и была сформулирована окончательная редакция проекта конституции, представленного НКЮ.

Статья 1 первой главы вначале гласила: «Вся власть в пределах РСФС Республики принадлежит рабочим, крестьянам, трудовым казакам, батракам и всем трудящимся»²⁸.

П. И. Стучка уточнил, что речь идет о «беднейших» крестьянах. Это соответствует указаниям В. И. Ленина, что Советское государство «есть диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства»²⁹. П. И. Стучка намеревался дополнить текст статьи, но потом, видимо, передумал, зачеркнул весь текст и написал свою формулировку: «*Вся власть в пределах РСФС Рсбл. (Республики. — А. П.) принадлежит всему рабочему населению страны, объединяющ[емуся] в Советы депутатов Р.*»³⁰

---

²⁸ ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, л. 19.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 314.

³⁰ ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, л. 19.

Данная статья, на которую обратил внимание В. И. Ленин, представляет несомненный интерес, так как в ней удачно отражено единство интересов городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства. Она, очевидно, написана под влиянием В. И. Ленина, который, анализируя мысли К. Маркса о сущности завоевания политической власти пролетариатом, указывал: «Можно, пожалуй, кратко, драстически, выразить все дело так: замена старой („готовой“) государственной машины и парламентов Советами рабочих депутатов и их доверенными лицами. В этом суть! А нерабочее население? (Курсив мой. — А. П.) Кто не работает, тот не должен есть (а не то, что государством управлять)!!» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 230).

В статье «Конституция гражданской войны» П. И. Стучка специально останавливается на формулировке «все рабочее население, объединенное в городских и сельских Советах», считает ее «более правильной и точной, с марксистской точки зрения» («Пролетарская революция и право», 1918, № 3—4, стр. 16).

Исправления были внесены П. И. Стучкой и в текст других статей первой главы, наиболее значительные из них — в статьи 7 и 8. П. И. Стучка вычеркнул часть текста статьи 7, уполномочивающей Советы и их съезды осуществлять власть не только в пределах конституции, но «и в самовольных границах, которые определяются Советами согласно настоящей конституции»³¹. Таким образом, П. И. Стучка выступил против попыток противопоставить местные Советы центру, против их бесконтрольности. Статья 8 первоначально была сформулирована так: «В случае установления в других государствах Советской социалистической федерации РСФСР Республика входит с ними в единый союз на основах всеобщей федерации Советов». Это соответствовало пониманию Советской федерации как союза Советов всех ступеней, из чего вытекало представление о любом советском государстве как о федеративном.

П. И. Стучка предложил другой вариант статьи: «По мере установления в других странах социалистической Советской власти РСФСР Республика входит с ними в единый союз — соц. фед. Сов. Республик»³². Исправлением П. И. Стучка, в противовес расплывчатому пониманию союза на основах федерации, вполне определенно отстаивал понимание социалистической федерации как союза государств. На статью проекта в редакции П. И. Стучки обратил внимание В. И. Ленин, подмечая, что речь может идти не только об установлении Советской власти, но гораздо шире — «советской или иной пролетарской»³³.

Исправления, в основном редакционного характера, были сделаны П. И. Стучкой и в тексте второй и третьей глав³⁴.

В проектах конституции, разработанных Комиссией по выработке конституции Советской республики и Коллегией НКЮ, раздела о суде не было. Среди

³¹ ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, л. 19.

³² Там же.

³³ Ленинский сборник, XXI. М., Партийное изд-во, 1933, стр. 267.

³⁴ ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, лл. 19—20, 23—24.

личных бумаг П. И. Стучки сохранился написанный им набросок о суде³⁵.

П. И. Стучка, в противовес буржуазным теориям разделения власти, исходил из единства законодательной, исполнительной и судебной власти, из полновластия Советов:

«1. Вся полнота верховной власти в пределах Российской С. Фед. Сов. Республики, как законодательная, так и исполнительная, а равно и судебная, принадлежит в центре — Всер. Съезду Р., К. и Кр. Деп., избранному им ВЦИК и представителю последнего Сов. Нар. Ком., а на местах — местным Советам и их представительным органам»³⁶.

Обосновывая специфику системы судебных органов как части государственного аппарата, П. И. Стучка ввел понятие «технического» выделения власти, понимая под этим осуществление судебными органами, которые образуются и подотчетны Советам, единой государственной власти в специфической государственно-правовой форме:

«2. Советы судебную власть технически выделяют и передают в ведение особых судебных установлений, общего или специального характера, предоставляя этим установлениям самостоятельно и окончательно решать все переданные в их ведомства дела в пределах данных им полномочий.

3. Состав судебных установлений, без исключения, состоит из лиц, избираемых и в любой момент свободно отзываемых Советами»³⁷.

Наконец, П. И. Стучка вкратце обрисовал сложившуюся к тому времени систему советских судебных органов:

«4. Судебные установления делятся на: 1) общие — местные народные суды и советы народных судей, 2) временные — окружные народные суды и областные суды и 3) специальные суды: по спорам между трудом и капиталом, основанные на добровольном

---

³⁵ ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, лл. 21, 34.

³⁶ Там же, л. 21.

³⁷ Там же.

соглашении частных лиц третейские суды, всякие примирительные камеры и т. п.»³⁸

В качестве основных принципов организации и деятельности как общих, так и специальных судов П. И. Стучка выделил коллегиальность суда и однообразные правила судопроизводства³⁹.

Дискуссионным является вопрос о том, какие идеи получили отражение в проекте конституции, предложенном НКЮ, каков его характер. Д. А. Чугаев пишет, что П. И. Стучка, М. А. Рейснер и А. Г. Гойхбарг «критиковали Советскую Конституцию с позиции буржуазного права», что проект Комиссии ВЦИК и проект НКЮ являлись полной противоположностью, ибо М. А. Рейснер провел в последнем «все свои основные положения, направленные на отрицание основных принципов Советского государства: диктатуры пролетариата, Советской федерации, демократического централизма и социалистического демократизма»⁴⁰. С. С. Кравчук считает, что в проекте НКЮ ничего не говорилось о диктатуре пролетариата, а федерация строилась без учета особенностей быта и национального состава областей⁴¹.

Г. С. Гурвич придерживался иного мнения, которое тем более интересно, что он являлся непосредственным участником работ Комиссии по выработке конституции Советской республики. Он утверждал, что *между проектами «нет особенно резких принципиальных расхождений»*, за исключением вопроса о федерации, но и в этом вопросе расхождения не бросаются в глаза благодаря формулировке статьи 4 проекта НКЮ⁴².

Последняя точка зрения представляется наиболее обоснованной. Действительно, проект конституции, подготовленный Комиссией по выработке конституции

³⁸ ЦГИА ЛССР, ф. 7380, оп. 1, д. 4, л. 21.

³⁹ Там же, л. 34.

⁴⁰ Д. Чугаев. Первая Конституция Советского государства. М., 1949, стр. 156, 158.

⁴¹ С. С. Кравчук. Тридцать лет первой Советской Конституции. М., изд-во «Правда», 1948, стр. 15.

⁴² Проф. Г. С. Гурвич. История Советской Конституций. М., изд. СА, 1923, стр. 82.

Советской республики, обладал рядом достоинств и как таковой лег в основу Конституции РСФСР 1918 года, в чем большая заслуга членов Конституционной комиссии — большевиков и в первую очередь ее председателя Я. М. Свердлова. Это, однако, не может послужить причиной для противопоставления обоих проектов. Такое противопоставление, допущенное в ряде исследований по истории и проблемам Советской Конституции, было вызвано фактом участия И. В. Сталина — члена Комиссии по выработке конституции Советской республики на первых ее заседаниях⁴³. В обстановке культа личности И. В. Сталина это обстоятельство послужило достаточной причиной отрицания некоторыми исследователями работы, проведенной по созданию проекта вне рамок Комиссии по выработке конституции Советской республики. Толчок этому дал А. Я. Вышинский, который все внимание сосредоточил на исследовании деятельности

---

⁴³ Работа Комиссии по выработке конституции Советской республики проходила как на пленарных заседаниях, так и в подкомиссиях. В архивном фонде комиссии сохранились протоколы 9 пленарных заседаний (5, 10, 12, 19 апреля; 17, 22 мая; 17, 19, 26 июня). По исследованиям Д. А. Чугаева, всего состоялось 12 пленарных заседаний. Вопрос о датах трех остальных, кроме вышеупомянутых, заседаний остается до конца не выясненным. В одном месте книги «Первая Конституция Советского государства» говорится о заседаниях 20, 24 и 27 июня, а в другом — как дата заседания комиссии приводится 25 июня (см.: Д. Чугаев. Первая Конституция Советского государства. М., 1949, стр. 105, 139).

И. В. Сталин участвовал на трех пленарных заседаниях комиссии (5, 12 и 19 апреля). 5 апреля обсуждался вопрос о порядке работы комиссии. 10 апреля был заслушан и обсужден доклад М. А. Рейснера об основных началах Конституции РСФСР, а 12 апреля — доклад И. В. Сталина «О типе Федерации Российской Советской Республики». 19 апреля состоялись прения по представленным М. А. Рейснером и И. В. Сталиным проектам общих положений Конституции РСФСР. Комиссией был принят проект И. В. Сталина, состоящий из четырех пунктов (ЦГАОР СССР, ф. 6980, оп. 1, д. 3, лл. 1—16; д. 4, лл. 1—51; д. 5, лл. 1—36; д. 6, лл. 1—41). Часть первого пункта проекта И. В. Сталина в дальнейшем была объединена с первой статьей проекта конституции, представленного НКЮ, и образовала статью 10 Конституции РСФСР, а остальные пункты соответственно — статьи 9, 11 и 12 (см.: История Советской Конституции. 1917—1956. М., Госюриздат, 1957, стр. 145).

упомянутой комиссии, а за комиссией ЦК РКП(б) под руководством В. И. Ленина признал только «тщательное редактирование» проекта⁴⁴.

Изучение текста проекта конституции, разработанного в НКЮ, при учете взглядов непосредственных авторов проекта, изложенных в ряде статей, позволяет сделать вполне обоснованный вывод об отсутствии отличий принципиального характера между обоими проектами. Конечно, предложенному НКЮ проекту была присуща своя специфика: он содержит ряд спорных положений, так как отражает направления правовой мысли в самом комиссариате, обусловленные разным подходом к решению возникших уже к самому началу социалистической революции наиболее актуальных вопросов общей теории права, как, например, сущность права, процессы его развития и др. Эти разногласия, в том числе между П. И. Стучкой и М. А. Рейснером, проявились в требованиях введения в проект тех или иных положений, но они не дают никакого основания для голословного приписывания проекту разных погрешностей.

Вздорность обвинения в отрицании диктатуры пролетариата доказана уже статьей 1 проекта, написанной П. И. Стучкой, и говорить об этом больше нет надобности⁴⁵.

Иначе был решен вопрос о закреплении в конституции прав и обязанностей граждан. Мысль П. И. Стучки о том, что «хартия вольностей» граждан рабоче-

---

⁴⁴ Первая Советская Конституция. Сборник документов под ред. А. Я. Вышинского. М., Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938, стр. XVII.

⁴⁵ Это подтверждается оценкой, данной статье 10 Конституции РСФСР, основную часть текста которой, как мы далее увидим, составляет инкорпорированная статья 1 проекта НКЮ, в нашей юридической литературе. М. Г. Кириленко, например, пишет: «Важнейшим принципом Советской Конституции стал принцип подлинного социалистического народовластия, выраженного в форме всеобъемлющей системы Советов, являющихся массовой организацией именно тех классов, которые были угнетены капитализмом, то есть рабочих и полупролетариев» (Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Конституции РСФСР 1918 года. М., 1959, стр. 14).

крестьянской республики «в конституции гражданской войны или диктатуры пролетариата ... наиболее интересна»⁴⁶, а также то обстоятельство, что статья «Конституция гражданской войны» в основном посвящена рассмотрению «хартии вольностей», позволяют сделать заключение, что П. И. Стучка придавал большое значение закреплению в Советской Конституции прав граждан, их материальным гарантиям. Но в проекте, предложенном НКЮ, о правах граждан совсем не говорилось; победило мнение М. А. Рейснера, что в Советском государстве вся власть принадлежит рабочему населению страны, а в понятие «вся власть» включены и все права⁴⁷.

Проект отражает и существовавшие между авторами разногласия в вопросе о федерации. В результате исправлений и дополнений, внесенных П. И. Стучкой, в проекте (статья 8) было дано ленинское понимание федерации: субъектами Советской федерации признавались советские республики⁴⁸. В статьях 5 и 12 нашли отражение взгляды М. А. Рейснера на федерацию: ленинскому национально-территориальному принципу он противопоставил территориальный принцип, субъектами Советской федерации считал отдельные Советы⁴⁹.

---

⁴⁶ «Пролетарская революция и право», 1918, № 3—4, стр. 16.

⁴⁷ См.: М. Рейснер. Пролетарская конституция. «Вестник народного просвещения союза коммун Северной области», 1918, № 6—8, стр. 37—38.

Аналогичные мысли высказал и А. Г. Гейхбарг, который писал о намерении «декларативную форму провозглашения известных прав заменить нормами относительно неотъемлемых общественных прав» (А. Г. Гейхбарг. О Советской конституции. «Пролетарская революция и право», 1918, № 3—4, стр. 4).

⁴⁸ В «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» говорилось о Советской Российской республике как о федерации «Советских национальных республик» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 221).

⁴⁹ Отличие между советской и буржуазной федерациями М. А. Рейснер видел только в величине субъектов: «Советский строй распространил союзный принцип с крупных территориальных единиц ... на мелкие ... Поэтому у нас и получилась не республика кантонов, штатов или вообще областных государств, а республика Советов — всех без различия» (М. Рейснер. Пролет-

Нельзя, таким образом, согласиться с утверждением, что в проекте НКЮ вообще отрицались принципы Советской федерации, но, конечно, наряду с правильными положениями, он содержал и ошибочные.

Не соответствует действительности и утверждение С. С. Кравчука, что в рассматриваемом проекте игнорировались особенности быта и национального состава областей. В статье 4 первой главы вполне определенно записано: «Местные и Окружные Советы в тех случаях, когда этого требуют хозяйственные и этнографические условия, могут образовывать особые областные Союзы на Областных Съездах»⁵⁰.

Достоинством разработанного в НКЮ проекта конституции следует считать именно наличие в нем идеи диктатуры пролетариата и федерации социалистических советских республик, весьма тщательно разработанных глав об органах государства, о бюджете республики, о гербе и флаге РСФСР.

Оказал ли проект, представленный НКЮ, влияние на разработку окончательного текста конституции?

С целью выяснения этого вопроса нами изучались поправки В. И. Ленина к проекту, сравнивались тексты обоих проектов и окончательный текст Конституции РСФСР 1918 года, учитывались также мнения, высказанные в нашей юридической литературе.

В ходе работы над проектом Конституции РСФСР

тарская конституция. «Вестник народного просвещения союза коммун Северной области», 1918, № 6—8, стр. 38; см. также: М. Рейснер. Советская власть и федерация. «Известия», 1918, 17 апреля).

О федерации «территориально-хозяйственных организмов (местных Советов)» писал также А. А. Молочков (см.: А. Молочков. Поступательный прогресс. «Пролетарская революция и право», 1918, № 5—6, стр. 17; см. также стр. 20).

Следует отметить, что к тому времени были сделаны лишь первые шаги в изучении теоретических проблем советской социалистической федерации. Вопрос о членах Российской Федерации и в утвержденном тексте Конституции РСФСР 1918 года изложен не вполне четко (см.: О. И. Чистяков. Становление Российской Федерации (1917—1922). Изд-во Московского университета, 1966, стр. 95—96).

⁵⁰ «Пролетарская революция и право», 1918, № 3—4, стр. 53.

В. И. Ленин изучил проект конституции, представленный НКЮ, и сделал в его тексте свои пометки к статьям 1, 8, 12, 14 и к пунктам второму, пятому и седьмому статьи 18⁵¹. Данный проект был рассмотрен на заседании комиссии ЦК РКП (б), где было заслушано также выступление П. И. Стучки. Так как протоколы комиссии ЦК РКП(б) до сих пор не обнаружены, нет возможности выяснить подробности обсуждения этого вопроса, в результате которого по указанию В. И. Ленина ряд положений из разработанного в НКЮ проекта был включен в текст окончательной редакции проекта, разработанного комиссией ЦК РКП(б)⁵².

Во-первых, статья 1 почти дословно инкорпорирована в текст статьи 1 «Общих положений» проекта Конституции РСФСР. После утверждения Конституции V съездом Советов она стала статьей 10, которая гласит: «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах»⁵³.

Во-вторых, в соответствии с пометкой В. И. Ленина к статье 12 — «разработать с обязательной гарантией равноправия и прав меньшинств»⁵⁴ — было позаимствовано содержание пунктов десятого и двенадцатого статьи 27 проекта НКЮ и «Общие положения» дополнены статьями 11, 12 и 13 (после утверждения — статьи 20, 21, 22 Конституции РСФСР).

---

⁵¹ См.: Ленинский сборник, XXI. М., Партийное изд-во, 1933, стр. 267—268; Декреты Советской власти. Т. 2, М., Госполитиздат, 1959, стр. 546—549.

⁵² Д. А. Чугаев, признавая на деле отдельные факты использования комиссией ЦК РКП(б) материалов проекта конституции, разработанного в НКЮ, тем не менее без доказательств утверждает, что влияние этого проекта на содержание принятой V съездом Советов Конституции РСФСР является только распространной в печати легендой (см.: Д. Чугаев. Первая Конституция Советского государства. М., 1949, стр. 158).

⁵³ История Советской Конституции, 1917—1956. М., Госюриздат, 1957, стр. 145.

⁵⁴ Ленинский сборник, XXI. М., Партийное изд-во, 1933, стр. 267.

В-третьих, в разработанном НКЮ проекте конституции (пункт тринадцатый статьи 18) к компетенции центральной власти РСФСР было отнесено «общее, социальное и уголовное законодательство, общее положение о судебном устройстве и судопроизводстве, а также провозглашение амнистий»⁵⁵. В проекте Комиссии по выработке конституции Советской республики говорилось об «основании судебных установлений»⁵⁶. Окончательно этот вопрос был решен в духе положений проекта НКЮ. Среди «предметов ведения» Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета были упомянуты «общегосударственное законодательство, судопроизводство и судопроизводство, гражданское, уголовное законодательство и пр.», отдельным пунктом было выделено «право амнистии, общей и частичной»⁵⁷. В соответствии с текстом пункта «б» статьи 13 предложенного НКЮ проекта был дополнен пункт второй статьи 100 проекта Конституции РСФСР⁵⁸. Эти пункты вошли неизмененными в утвержденный текст конституции⁵⁹.

В-четвертых, разработанный в НКЮ проект в отличие от другого проекта содержал специальную главу (одинадцатую) «О гербе и флаге РСФС Республики», состоящую из двух статей:

«84. Герб РСФС Республики состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-накрест рукоятками книзу, окруженных венцом из колосьев.

85. Торговый морской и военный флаг РСФС Республики состоит из полотнища красного (алого) цвета, в левом углу которого у древка, наверху, помещены желтые буквы: РСФСР»⁶⁰. Эта глава с незна-

---

⁵⁵ «Пролетарская революция и право», 1918, № 3—4, стр. 56.

⁵⁶ Там же, стр. 42.

⁵⁷ Там же, стр. 80.

⁵⁸ Там же, стр. 54, 89.

⁵⁹ См.: История Советской Конституции. 1917—1956. М., Госюриздат, 1957, стр. 151, 155.

⁶⁰ «Пролетарская революция и право», 1918, № 3—4, стр. 67.

чительными дополнениями была включена в текст Конституции РСФСР 1918 года⁶¹.

В-пятых, проект имел некоторое влияние на решение вопроса о включении Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа в текст конституции. Г. С. Гурвич по воспоминаниям участников этих событий восстановил следующий эпизод работы над проектом конституции: «От взора т. Ленина не укрылось, что самое ценное и существенное в декларации — это перечень революционных мероприятий, уже частью осуществленных к тому времени, частью намеченных к исполнению. Не могло укрыться и то, что проект НКЮ, очень скупой на декларативного характера заявления, не мог, однако, отказаться от заимствования этого, именно, перечня, что им было сделано, впрочем, в крайне неудачной форме. Все это, естественно, привело к отысканию того первоисточника, в котором перечень этот был приведен впервые с неподражаемой яркостью и непосредственностью. „Январскую Декларацию включить в июльскую Конституцию!“ — сказал т. Ленин»⁶².

Следовательно, разработанный в НКЮ проект сыграл весьма положительную роль в создании первой Советской Конституции, и в этом немалая заслуга принадлежит П. И. Стучке.

Принятие Конституции РСФСР 1918 года явилось стимулом для теоретических исследований в области конституционного права, разработки проблем революционного правопонимания. В ходе подготовки проекта в печати своими предложениями делились члены Комиссии по выработке конституции Советской рес-

---

⁶¹ См.: История Советской Конституции. 1917—1956. М., Госюриздат, 1957, стр. 157—158.

Заимствование из проекта конституции НКЮ описания герба и флага Республики признавал и Г. С. Гурвич (см.: Проф. Г. С. Гурвич. История Советской Конституции. М., изд. СА, 1923, стр. 91).

⁶² Проф. Г. С. Гурвич. История Советской Конституции. М., изд. СА, 1923, стр. 90—91.

публики⁶³. В целях разъяснения Конституции РСФСР выступили со статьями и брошюрами видные деятели Коммунистической партии⁶⁴.

Многое для изучения проблем Советской Конституции и ее популяризации в рассматриваемый период сделал П. И. Стучка. В оценке положений Конституции РСФСР 1918 года П. И. Стучка придерживался мнения В. И. Ленина.

«Советская конституция... — учил В. И. Ленин, — первая конституция, провозгласившая государственной властью — власть трудящихся», она «отражает идеалы пролетариата всего мира»⁶⁵. Отличительной чертой конституции В. И. Ленин считал ее соответствие действительности: в закреплении действительно сложившейся организации государственной власти — опыта «борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров»⁶⁶ — и в реализации провозглашенных прав и свобод трудящихся⁶⁷.

После принятия Конституции РСФСР 1918 года П. И. Стучка опубликовал статью «Конституция гражданской войны». Вкратце констатируя, что конституция излагает «организацию власти пролетариата и трудящегося крестьянства, не занимающего наемного труда», «фактически создавшуюся советскую организацию», П. И. Стучка переходит к разъяснению данной в конституции «хартии вольностей». Провозглашенные в конституциях свободы всегда являются свободами для определенного класса. П. И. Стучка, ссылаясь на данную К. Марксом в «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» характеристику буржуазной конституции, показывает на примере Франции, чем становится так называемая свобода печати в буржу-

---

⁶³ М. И. Лацис, например, писал о реорганизации ВЦИК и ВСНХ (см.: «Известия», 1918, 4 апреля; 6 апреля); Ю. М. Стеклов — о необходимости обобщения практики Советов (см.: «Известия», 1918, 4 апреля).

⁶⁴ См.: Н. Глебов. Наш основной закон. Разъяснение Конституции РСФСР. М., Изд-во ВЦИК, 1918; Н. Крупская. Конституция РСФСР. М., Изд-во ВЦИК, 1918 и др.

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 534.

⁶⁶ Там же, т. 37, стр. 147.

⁶⁷ См. там же, т. 36, стр. 535—536; т. 37, стр. 63.

азных условиях для рабочего класса. «В противоположность буржуазному лицемерию, — писал П. И. Стучка, — конституция советской республики говорит лишь о вольностях рабочего класса (трудящегося населения в городе и деревне), но она дает обеспечение этих свобод на деле, а не только на словах. Ибо она не только обещает обеспечение этих свобод, но одновременно и дает способ действительного обеспечения их»⁶⁸.

В работе «Конституция РСФСР в вопросах и ответах»⁶⁹, представляющей популярное изложение содержания первой Советской Конституции, затронуты и теоретические вопросы. Опираясь на ленинские идеи, П. И. Стучка отметил, в качестве одного из принципов Советской Конституции, совпадение писаной и неписанной конституции, признак, который он в дальнейшем рассматривал как присущий социалистическому праву вообще. Различая при буржуазном строе неписанную и писаную конституции, т. е. действительное соотношение общественных сил и его письменное изложение, П. И. Стучка признает за первой решающее значение. Дуализм, присущий буржуазному праву, устраняется только после социалистической революции, когда при создании писаной конституции «реальное соотношение сил соответствует письменному его изложению»⁷⁰.

К проблеме писаной и неписанной конституции П. И. Стучка возвращается в статье «Советская Кон-

---

⁶⁸ «Пролетарская революция и право», 1918, № 3—4, стр. 16.

⁶⁹ Книга выдержала 12 изданий, последнее вышло в 1930 году; первое издание было перепечатано в Перми (см.: П. Стучка. Конституция РСФСР в вопросах и ответах. Изд. Перм. отд. Госуд. изд-ва, 1920) и в Тбилиси (см.: П. Стучка. Конституция в вопросах и ответах. Тифлис, изд. Госиздата ССР Грузии, 1922); переведена на итальянский (см.: P. Stučka. La Costituzione della Repubblica Socialista Federale dei Sovieti di Russia in domande e risposte. Milano, 1920) и чешский языки (см.: P. Stučka. Sovětská ústava. Praha, 1924).

⁷⁰ П. Стучка. Конституция РСФСР Республики в вопросах и ответах. Москва—Петроград, книгоизд-во «Коммунист», 1919, стр. 9.

ституция»⁷¹ (1919 г.) и в брошюре «Записки о Советской Конституции» (1921 г.). Реальную конституцию составляют фактические отношения власти. В Советской Конституции в статьях изложены соотношения сил классов России, поэтому она представляет запись реальной, фактической конституции⁷².

П. И. Стучка, как активный участник разработки конституции, прекрасно знал ее социально-политическое содержание, ее ленинские принципы и доходчиво разъяснял их широким трудящимся массам.

§ 5. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО В СОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ В 1919 ГОДУ И ЕГО ПРОБЛЕМЫ В ТРУДАХ П. И. СТУЧКИ

Деятельность П. И. Стучки на посту председателя Советского правительства Латвии¹ в 1918—1919 гг. в нашей юридической литературе получила глубокое и всестороннее освещение². В данной работе мы коснемся лишь той стороны его деятельности, которая связана с революционным правотворчеством в Советской Латвии.

Решительная ломка старого права была провозглашена датированным 17 декабря 1918 года Манифестом Советского правительства рабочих, безземельных

⁷¹ См.: П. Стучка. За Советскую власть в Латвии. 1918—1920. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 238—239.

⁷² См.: P. Stučka. Piezīmes par Padomju Konstitūciju. Maskavā, ККР СК Latv. aģ. un prop. nod., 1921., 7., 9., 15. lpp.

¹ Советское правительство Латвии было образовано 4 декабря ЦК СДЛ по соглашению с Советами рабочих депутатов Риги, Лиепай и Валки и просуществовало до 13 января 1920 года.

² См.: G. Kļava. Padomju varas revolucionārā likumdošana Latvijā 1919 gadā. Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки. Т. 34. Рига, 1960, стр. 63—90; В. Миллер. Петр Иванович Стучка — председатель Советского правительства Латвии. В сб.: «П. Стучка — революционер, мыслитель и государственный деятель». Рига, изд-во «Звайгзне», 1965, стр. 40—53; В. О. Миллер. П. И. Стучка о советской государственности Латвии. В сб.: «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Рига, изд-во «Звайгзне», 1965, стр. 59—73; В. О. Миллер. Создание советской государственности в Латвии. Рига, изд-во «Зинатне», 1967, стр. 197—317; П. П. Кокис. Философские проблемы в трудах П. И. Стучки. Рига, изд-во «Зинатне», 1967, стр. 179—185. 214—216.

и стрелков Латвии: «Мы отменяем все законы, распоряжения и учреждения, навязанные трудящимся Латвии как феодальным немецким дворянством, так и царистским, истинно-русским самодержавием, как германским империализмом, так и русской буржуазией. Все эти органы старой власти заменяет диктатура пролетариата — Советская власть вооруженных рабочих. Именем этой диктатуры мы объявляем в Латвии свободу Советской власти и закон пролетарской революции»³.

Положения Манифеста об отмене старых норм права обосновывались и разъяснялись в статьях и выступлениях П. И. Стучки. Если провозглашение Советской власти в статье «Провозглашение Латвии Советской Республикой» П. И. Стучка охарактеризовал как проведение красной черты между прошлым и будущим, то отрицание старого мира в области правовой он мыслил как замену буржуазного права «законом пролетарской революции»⁴. Замену старого права новым он понимал не как формальный акт отмены старых законов и издания новых, а как революционный процесс. Так, выступая на митинге трудящихся города Валки 22 декабря 1918 года, П. И. Стучка говорил: «Отменяются также все законы, положения и распоряжения, изданные прежними правительствами и правителями Латвии. Вместо отмененных законов вступает в силу закон пролетарской революции. Этот закон будет обязательным для всех, включая и людей, у которых все еще не выходят из головы старые законы, хотя сами своды законов давно уж брошены в печь и сожжены»⁵.

Решительный разрыв Советского правительства Латвии со старым правом можно объяснить, во-первых, тем, что в Советской России уже полностью отказались от применения старых законов, что и получило закрепление в Декрете ВЦИК О народном суде

³ Советская Латвия в 1919 году. Документы и материалы. Т. I. Рига, Изд-во АН ЛССР, 1959, стр. 150.

⁴ П. Стучка. За Советскую власть в Латвии. 1918—1920. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 69—70.

⁵ Там же, стр. 74.

П. И. Стучка с группой членов Советского правительства Латвии в 1919 году.

Из фондов Государственного музея революции Латвийской ССР

РСФСР от 30 ноября 1918 года, запрещавшем ссылки на законы свергнутых правительств⁶. Во-вторых, к концу 1918 года в РСФСР были изданы нормативные акты по всем важнейшим отраслям права. Советское правительство Латвии, объявив утратившими силу старые нормы права, признало обязательными на территории Латвии декреты РСФСР, изданные до 25 декабря 1918 года, что было сделано Декретом Советского правительства Латвии о вступлении в силу декретов РСФСР в Латвии от 8 января 1919 года.

Декреты РСФСР П. И. Стучка расценивал как важнейшее средство проведения социалистических преобразований. Учитывая тесные исторические, экономические и политические связи Латвии с Россией,

⁶ См.: G. Kļava. Padomju varas revolucionārā likumdošana Latvijā 1919. gadā. Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки. Т. 34. Рига, 1960, стр. 64; В. О. Миллер. Создание советской государственности в Латвии. Рига, изд-во «Зинатне», 1967, стр. 287.

для обобществления всей крупной собственности в Латвии П. И. Стучка считал достаточным объявить в силе декреты Советского правительства Российской Федерации и провести их в жизнь⁷.

В-третьих, опыт проведения в жизнь первых декретов о суде в Советской России свидетельствовал об отрицательном отношении масс к старым законам, что было прекрасно известно П. И. Стучке как первому народному комиссару юстиции РСФСР. В статье «Наша программа», полемизируя с латышскими меньшевиками, позаимствовавшими у юридических социалистов идею о проведении революции правовым путем, П. И. Стучка подчеркивает, что «революция путем судебного процесса, на основе существующего права немыслима»⁸.

Полная отмена старых законов в Латвии облегчалась тем обстоятельством, что существовала однопартийная система, тогда как после победы Октябрьской революции в руководящих государственных органах Советской России (в составе ВЦИК II, III и IV созывов, в СНК с декабря 1917 по март 1918 года)⁹ были представлены мелкобуржуазные партии, которые всячески тормозили мероприятия по слову старого права.

Нормотворческая деятельность государственных органов Советской Латвии была исключительно активной. В официальных изданиях¹⁰ до падения Риги, т. е. до 22 мая 1919 года, было опубликовано более 400 различных актов Советского правительства и правительственных учреждений. Складывалась система социалистического права, в которой различались такие отрасли, как государственное, административ-

⁷ См.: П. Стучка. За Советскую власть в Латвии. 1918 — 1920. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 90.

⁸ Там же, стр. 95.

⁹ См.: А. Х. Махненко. Многопартийная система и народный (национальный) фронт в странах народной демократии. В сб.: «Конституционное право социалистических стран». М., Изд-во АН СССР, 1963, стр. 151—152.

¹⁰ См.: «Latvijas Sociālistiskās Padomju Republikas Dekrētu un Rīkojumu Krājums», 1919., Nr. 1.—7.; «Известия Социалистического Советского правительства Латвии», 1919, № 1—75.

ное, бюджетное и финансовое, земельное, трудовое, гражданское, уголовное, процессуальное право¹¹. Правотворческую деятельность Советского правительства Латвии облегчило наличие законодательства и опыта революционного правотворчества РСФСР.

Вклад П. И. Стучки в нормотворческую деятельность государственных органов Советской Латвии выражался как в непосредственном участии в разработке проектов законодательных актов, так и в разработке некоторых теоретических проблем.

П. И. Стучка возглавил избранную I съездом Советов объединенной Латвии Конституционную комиссию. Материалы деятельности комиссии не сохранились, однако творческий вклад П. И. Стучки в разработку проекта выявляется путем сопоставления текста Конституции ССРЛ 1919 года с высказываниями П. И. Стучки в его трудах.

В Конституции ССРЛ 1919 года высший орган государственной власти республики назывался съездом Советов рабочих депутатов объединенной Латвии, а местные органы государственной власти — Советами рабочих депутатов¹². В своем выступлении на съезде П. И. Стучка пояснил, что «безземельные и стрелки фактически те же рабочие, только в других условиях»¹³. Еще ранее, разъясняя положения Конституции РСФСР 1918 года, П. И. Стучка утверждал, что к выборам допускается «только класс занимающихся производительным и общепольным трудом, т. е. рабочий класс в самом широком смысле слова»¹⁴. Следовательно, есть основание полагать, что названия органов государственной власти были предложены П. И. Стучкой.

¹¹ См.: G. Kļava. Padomju varas revolucionārā likumdošana Latvijā 1919. gadā. Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки. Т. 34. Рига, 1960, стр. 64—65, 82, 91; В. О. Миллер. Создание советской государственности в Латвии. Рига, изд-во «Зинатне», 1967, стр. 288—289.

¹² См.: Советская Латвия в 1919 году. Документы и материалы. Т. I. Рига, Изд-во АН ЛССР, 1959, стр. 253—254.

¹³ П. Стучка. За Советскую власть в Латвии. 1918—1920. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 114.

¹⁴ П. Стучка. Конституция РСФСР Республики в вопросах и ответах. Москва—Петроград, книгоизд-во «Коммунист», 1919, стр. 56.

Эти названия содержатся и в резолюции «По вопросу о Латвии» XVII конференции СДЛ (18—19 ноября 1918 г)¹⁵. Названия органов государственной власти в Конституции Советской Латвии отражали специфическую особенность Латвии того периода — наличие количественно довольно обширной прослойки пролетариата в деревне. В деревне диктатуру пролетариата поддерживали сельскохозяйственные рабочие, безземельные крестьяне, исполщики-арендаторы и малоземельные крестьяне, причем в политической жизни села наибольшую роль играл сельский пролетариат. То, что отличало сельский пролетариат от городского (условия труда, бытовые условия и т. д.), несомненно слабее того, что их объединяло.

П. И. Стучка участвовал в разработке структуры Советского правительства Латвии. Еще до I съезда Советов объединенной Латвии он предлагал следующую схему построения Совета народного хозяйства: «Во главе всего хозяйства и у нас станет Совет Народного Хозяйства, но он будет состоять из всех экономических отделов Советского правительства, а не из особо выбранных профессиональных представительств. Председатель Совнархоза — он же председатель Советского правительства, что уничтожит параллелизм в руководстве и работе. Совнархоз состоит из совета производства и совета обмена. В первом имеются отделы: промышленности, труда, земледелия и государственного строительства. Во втором — продовольствия, финансов, путей сообщения и внешнего обмена (торговли). Их возглавляют комиссары, при них совещательный и технический аппарат»¹⁶. Эта структура была воспроизведена и в Схеме организации Советского правительства объединенной Латвии с единственным отличием — отдел сообщения был отнесен к Совету производства¹⁷.

¹⁵ См.: Советская Латвия в 1919 году. Документы и материалы. Т. I. Рига, Изд-во АН ЛССР, 1959, стр. 114.

¹⁶ П. Стучка. За Советскую власть в Латвии. 1918—1920. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 91.

¹⁷ См.: Советская Латвия в 1919 году. Документы и материалы. Т. I. Рига, Изд-во АН ЛССР, 1959, стр. 259.

22 февраля 1919 года на заседании Совета народного хозяйства по докладу П. И. Стучки был принят Устав Совета народного хозяйства Латвии. П. И. Стучка участвовал также в разработке проектов уставов Совета производства и Совета обмена¹⁸. Он являлся также автором проектов и других важных нормативных актов¹⁹.

В своей теоретической работе *П. И. Стучка отстаивал пролетарский интернационализм как важнейший принцип социалистического права*. Принцип пролетарского интернационализма составлял основу Конституции и других законодательных актов. 7 марта Советское правительство приняло разработанный П. И. Стучкой Декрет о языке, употребляемом в официальных бумагах, которым было провозглашено равноправие языков²⁰. Этот принцип проявился в признании имеющими силу декретов РСФСР. Он же лег в основу резолюции I съезда Советов объединенной Латвии «Об отношениях с Россией». Слова резолюции, что «Латвия с Советской Россией должны жить в самом тесном братском союзе», выражали сокровенные чаяния трудового народа Латвии. П. И. Стучка позднее писал: «Когда появилось объявление о созыве VII съезда (съезд проходил с 5 по 9 декабря 1919 г. — А. П.), наши товарищи в уцелевшей Советской Латвии ни на минуту не усомнились, что и они должны быть представлены на Всерос[сийском] съезде Советов, и они немедленно приступили к выборам своих делегатов. Это лишь в центре кто-то возбудил вопрос: могут ли представители независимых советских республик участвовать на съезде Советов РСФСР? Удобно ли это и целесообразно? Ведь условия федерации еще не подписаны и даже не составлены. Для нас этих сомнений никогда не возник[ало]. Праздные слова о федерациях и союзных договорах, нужные лишь для республик и областей, где пролетариат еще не играет решающей

¹⁸ «Tautsaimniecība», 1919., Nr. 1., 32. lpp.: ЦГАОРСС ЛССР, ф. Р 5, оп. 1, д. 1, л. 1.

¹⁹ ЦГАОРСС ЛССР, ф. 12, оп. 1, д. 36, л. 3; ПА ЦК КПЛ, ф. 31, оп. 1, д. 62, л. 19.

²⁰ ЦГАОРСС ЛССР, ф. 12, оп. 1, д. 36, л. 3.

роли, где приходится еще бороться с предрассудками буржуазной идеологии!»²¹.

П. И. Стучка раскрыл подлинный демократизм и гуманизм социалистического права. Целью таких законодательных актов, как Декрет Советского правительства Латвии о ликвидации дворянского и других сословий и отмене чинов и орденов в Латвии и Конституция Социалистической Советской Республики Латвии, П. И. Стучка считал предоставление свободы трудящимся. В статье «Советские работники» он призывал работников государственного аппарата к самодисциплине, предупреждал от нарушений прав граждан. В этой связи П. И. Стучка высказал мнение о необходимости «опубликовать разъяснение Правительства, которое действительно давало бы известные гарантии остальным гражданам»²².

П. И. Стучка с самого начала деятельности Советского правительства *указывал на важность организационной работы по проведению в жизнь советских законов.* «Так как наши законы выражают тот порядок, к которому мы идем, — писал П. И. Стучка, — то недостаточно их написать и отпечатать. Их надо популяризировать и пропагандировать в широких массах... У рабочего класса должна быть ясность в отношении любого распоряжения Советского правительства. Декреты, которые не будут сознательно приняты пролетариатом, останутся на бумаге — кто же станет их выполнять и претворять в жизнь, если не сам рабочий класс»²³.

П. И. Стучка опубликовал целый ряд статей, разъясняющих положения конкретных нормативных актов: в статье «Советы народного хозяйства» разбирается Устав Совета народного хозяйства Латвии, в статье «Снабжение армии и населения» — Декрет Советского правительства Латвии о создании Совета снабжения, в статье «Социальное обеспечение или соци-

²¹ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 6, л. 32.

²² П. Стучка. За Советскую власть в Латвии. 1918—1920. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 256.

²³ Там же, стр. 96—97.

альное страхование?» — Декрет Советского правительства Латвии о социальном обеспечении трудящихся и т. д.²⁴

Под напором иностранной вооруженной интервенции Советская власть в Латвии пала. Но ее опыт, в том числе и опыт революционного правотворчества, вооружил трудящиеся массы в борьбе за восстановление Советской власти. Знаменательны слова П. И. Стучки, произнесенные 19 августа 1919 года, т. е. уже после падения Риги, на заседании ЦИК Латвии: «Мы, возвратившись в Латвию, продолжим работу с того места, где мы ее оставили 22 мая. Будем ли то мы или другие, наша работа будет продолжена. Ее продолжат массы, которые учились и работали в школе революции»²⁵. (Пер. мой. — А. П.)

§ 6. ПЕРВЫЕ ШАГИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СУЩНОСТИ ПРОЛЕТАРСКОГО ПРАВА

В середине 1918 года довольно отчетливо сложилась система нового права — были изданы законодательные акты, содержащие нормы по всем отраслям права, началась подготовка проектов советских кодексов, первый из которых был утвержден 16 сентября 1918 года («Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве»).

В процессе социалистической революции все ошутимее раскрывалась сущность нового исторического типа права, и Коммунистическая партия ориентировала теоретиков права на его изучение в целом.

По предложению В. И. Ленина к первой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, с целью популяризации успехов Советской власти, было решено подготовить сборник статей «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». Статьи для сборника были написаны в основном осенью 1918 года, но издание задержалось, и только в 1919 году, уже ко

²⁴ П. Стучка. За Советскую власть в Латвии. 1918—1920. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 145—150, 164—175, 218—222.

²⁵ ПА ЦК КПЛ, ф. 83, оп. 1, д. 1, л. 24.

второй годовщине революции, сборник был выпущен.

Сборник статей «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата» состоит из пяти отделов, содержащих сведения о достижениях социалистической революции в разных областях жизни¹.

В отделе, посвященном праву, были опубликованы статьи: «Пролетарское право» П. И. Стучки, «Пролетариат и гражданское право» А. Г. Гойхбарга, «Пролетарская революция и уголовное право» М. Ю. Козловского, «Народные суды» Д. И. Курского и «Революционные трибуналы в практике российской пролетарской революции» Н. В. Крыленко.

В статьях П. И. Стучки и М. Ю. Козловского говорилось о праве, рожденном социалистической революцией, как о пролетарском праве. Идея пролетарского права явилась существенным достижением марксистско-ленинской правовой науки. Буржуазные ученые, отрицавшие классовый характер права, проповедовали теорию «единого потока», согласно которой право развивается эволюционно, без революционных перемен. Этим антинаучным взглядам была противопоставлена идея пролетарского права, в которой нашел отражение революционный переворот в праве, совершенный Октябрьской революцией, проявилось откровенное признание его классового характера. Представляет интерес вопрос о термине «пролетарское право», которого ранее не знали в марксистской литературе. В работах К. Маркса и В. И. Ленина говорилось о праве в переходный период от капитализма к коммунизму, была раскрыта сущность пролетарского права, но сам термин не употреблялся. Он появляется в советской юридической литературе в 1918 году в работах П. И. Стучки и М. Ю. Козловского².

---

¹ Названия отделов следующие: 1. Политическая диктатура пролетариата. 2. Экономическая диктатура пролетариата. 3. Пролетариат и культура. 4. Пролетариат и право. 5. Пролетарская революция среди капиталистического строя.

² Сам термин родился не сразу, а выработывался в результате постепенного осмысления процессов социалистической рево-

Сейчас трудно установить, кто первым употребил термин «пролетарское право». П. И. Стучка впоследствии разъяснил, что статью «Пролетарское право» для сборника «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата» он писал по заданной ЦК партии теме³. Из этого можно сделать предположение, что термин «пролетарское право» исходил из ЦК РКП(б).

Статьи П. И. Стучки, М. Ю. Козловского и А. Г. Гойхбарга, опубликованные в упомянутом сборнике, были первыми в нашей юридической литературе, написанными с целью осветить вопросы о характере и перспективах развития пролетарского права в целом и отдельных его отраслей с юридической точки зрения, представляющими тем больший интерес, что рукописи всех статей до их напечатания были просмотрены В. И. Лениным⁴.

Статью «Пролетарское право», как вспоминает П. И. Стучка, ему по возвращении в Москву⁵ пришлось написать за исключительно короткий срок — 10 дней⁶, однако она заслужила положительную оценку В. И. Ленина. П. И. Стучка писал. «Я не знаю, остались ли следы (заметки и т. п.) его (В. И. Ленина. — А. П.) мнения в письменной форме,

---

люции. Сначала в работах П. И. Стучки появились термины «пролетарский суд» и «пролетарское правосознание» (см.: «Известия», 1918, 7 июня), а потом название «пролетарское» распространилось и на право.

³ См.: П. Стучка. Мой путь и мои ошибки. «Советское государство и революция права», 1931, № 5—6, стр. 71.

⁴ См. там же.

⁵ С 6 по 23 сентября 1918 года П. И. Стучка находился в Берлине, где в качестве представителя РКП(б) принимал участие на партийной конференции и совещаниях германской Независимой социал-демократической партии (подробнее об этом см.: «Правда», 1918, 24 ноября).

⁶ Судя по высказываниям П. И. Стучки, статья была написана в начале октября 1918 года.

«Пролетарское право» было издано в 1919 году на латышском языке в переводе Д. К. Стучка, однако заглавие было переведено неточно — как «Пролетарская законность» (см.: P. Stučka. Proletariāta likumība. Rīgā, 1919.).

но на словах он выразил неожиданно лестный для меня отзыв на мою статью...»⁷

Статья П. И. Стучки «Пролетарское право» по своему характеру — сводная и исключительно разнообразная по количеству охватываемых вопросов. Автор повторяет в ней выводы, изложенные в ранее опубликованных статьях, в которых обобщался опыт Октябрьской революции в области строительства народных судов и создания нового права. *акерис*

Статья состоит из четырех частей. В первой центральным является вопрос об отношении пролетарской революции к праву. П. И. Стучка констатирует, что пролетарская революция отрицает буржуазное право и создает новое, пролетарское — право переходного периода от капитализма к коммунизму. Пролетарское право в своем развитии проходит две стадии: право переходного времени, или право диктатуры пролетариата, и право социалистического общества. «Переходный период требует особого права переходного времени, — поясняет П. И. Стучка, — отчасти потому, что самый строй меняется не в один миг, отчасти же потому, что старый строй продолжает жить в головах людей как традиция прошлого»⁸.

Частью проблемы «пролетарская революция и право» у П. И. Стучки является отношение революции к нормам предшествующего исторического типа права. Как последовательный диалектик, П. И. Стучка не отрывал работу разрушительную от правосозидательной. Отвергнув старые законы, левозэсеровские попытки рецепции старых норм права под видом переработки их в новые кодексы, П. И. Стучка счел необходимым «закрепить в статьи действительные завоевания пролетарской революции», «творить новые, действительно революционные законы»⁹.

⁷ П. Стучка. Мой путь и мои ошибки. «Советское государство и революция права», 1931, № 5—6, стр. 71; см. также: Энциклопедия государства и права. Под ред. П. Стучки. Т 2. М., Изд-во КА, 1925—26, стр. 439.

⁸ П. Стучка. Пролетарское право. В. сб.: «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». М., Госуд. изд-во, 1919, стр. 212.

⁹ Там же.

Во второй части статьи рассмотрен народный суд в системе нового государственного аппарата. П. И. Стучка еще раз возвращается к отстаиваемому им уже ранее в теории (статья «Старый и новый суд») и на практике (в набросках к проекту конституции) принципу единства законодательной, исполнительной, судебной власти как характерной черты социалистического государства и особой судебной власти как к техническому разделению труда.

П. И. Стучка видел в народном суде творческую силу, участвующую в созидательной работе пролетарской революции. Правотворческая роль народного суда не выражается в применении старых прецедентов, а обусловлена тем, что ему неоткуда и нечего позаимствовать. «Всякое позаимствование, — утверждает П. И. Стучка, — ведет к сознательной или бессознательной контрреволюции»¹⁰.

Логическим следствием из этого тезиса является третья часть статьи, где П. И. Стучка показывает, как в советском законодательстве проявилось отрицательное отношение пролетарской революции, которая «старых законов... признавать не могла», к сохранившим, первоначально, силу буржуазным нормам права. Целесообразность формулировки статьи 5 Декрета № 1 о суде и примечания к ней подтверждена практикой и выражается в полном отрицании буржуазного права. Пересказав содержание восьми важнейших декретов, изданных в течение первого года революции, начиная с Декрета о земле, П. И. Стучка констатирует, что «в результате камня на камне не осталось из всего буржуазного права»¹¹.

Разработка новых законов осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, для этого необходимо время. Во-вторых, «взаимоотношения людей в переходное время не отличаются постоянством, и говорить

---

¹⁰ П. Стучка. Пролетарское право. В сб.: «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». М., Госуд. изд-во, 1919, стр. 215.

¹¹ Там же, стр. 218.

о закреплённом на письме праве переходного момента можно только со значительными оговорками»¹².

Считая назревшей необходимость проведения кодификации пролетарского права переходного времени, П. И. Стучка в четвертой части статьи, посвященной этому вопросу, важной чертой нового исторического типа права признает закрепление в нем складывающихся в обществе новых отношений. Пролетарское право, по его мнению, «есть прежде всего упрощение, популяризация нашего нового общественного строя»¹³.

П. И. Стучка предпринял попытку наметить примерную систему пролетарского права; он писал о «систематическом сборнике», «кодексе» пролетарского права, намечая в нем следующие части: Советская Конституция; права и обязанности граждан как российских, так и чужестранцев; социальное право (семейное право, имущественные права, правила о труде); договорное право; международное право. Хотя само деление на отрасли довольно далеко от нашего сегодняшнего понимания вопроса, но проблема была поставлена, причем поставлена впервые¹⁴.

В кодификации П. И. Стучка рекомендовал прежде всего разделить все нормы на основные и технические. Основные нормы права в «кодексе» пролетарского права — наиболее существенные, которые нужно знать широким массам, обязательные для всех. Основное право дополняется дальнейшими узаконениями —

¹² П. Стучка. Пролетарское право. В сб.: «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». М., Госуд. изд-во, 1919, стр. 215.

¹³ Там же, стр. 220.

¹⁴ Вопрос о системе советского права в нашей юридической литературе еще долгие годы оставался спорным. В начале 30-х годов Е. Б. Пашуканис, например, признавал лишь систематизацию советского права и отвергал возможность создания системы права переходного периода в смысле «формально-логической юридической системы» (см.: Е. Пашуканис. За марксо-ленинскую теорию государства и права. М.—Л., Госуд. соц.-эконом. изд-во, 1931, стр. 25—28). Неясность формулировок Е. Б. Пашуканиса послужила А. Я. Вышинскому достаточным основанием, чтобы приписать и П. И. Стучке мысли об отрицании возможности создания системы советского социалистического права (см.: Акад. А. Я. Вышинский. Вопросы теории государства и права. М., Госюриздат, 1949, стр. 77).

техническими инструкциями, руководствами, в которых «обязательны лишь самые общие места»¹⁵. К таким П. И. Стучка отнес, среди всего прочего, «правила о судопроизводстве», «примерную инструкцию об уголовных преступлениях и наказаниях, об отбывании наказаний...»¹⁶.

¹⁵ П. Стучка. Пролетарское право. В сб.: «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». М., Госуд. изд-во, 1919, стр. 219.

Впоследствии, когда кодификация была уже проведена, П. И. Стучка, возвращаясь к положениям, высказанным в статье «Пролетарское право», писал: «Мы, к сожалению, не пошли по указанному пути, а перепутали в одном кодексе общие начала и технические правила, объявляя их одинаково обязательными. От этого пути действительно пора отступить» (П. Стучка. Классовое государство и гражданское право. М., изд. СА, 1924, стр. 72—73).

¹⁶ П. Стучка. Пролетарское право. В сб.: «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». М., Госуд. изд-во, 1919, стр. 219.

Эту часть статьи «Пролетарское право», кстати, весьма близкую по содержанию к другой — «Пролетарская революция и суд», П. И. Стучка в дальнейшем цитировал в книге «Революционная роль права и государства» с вполне определенной целью — опровергнуть легенду, «что мы будто бы всегда были против законов вообще и кодексов в особенности» (П. Стучка. Революционная роль права и государства. Изд. 3-е, М., Изд-во КА, 1924, стр. 98).

Положения статьи «Пролетарское право» в извращенном виде использовались белогвардейскими эмигрантами для дискредитации советских законов как якобы необязательных (см.: Н. Н. Алексеев и Н. С. Тимашев. Источники права. В сб.: «Право Советской России». Вып. I. Прага, 1925, стр. 20; А. В. Маклецов. Уголовное право. Указ. сборник, вып. II, стр. 148; Leo Zaitzeff. Die allgemeinen Grundsätze des Sowjetrechts. «Deutsche Juristen-Zeitung», 1926, N. 24, S. 1774).

К сожалению, и Н. Н. Полянский, игнорируя сам факт цитирования, а также цель цитирования П. И. Стучкой статьи «Пролетарское право» в книге «Революционная роль права и государства», пишет, что «книга написана в предвидении кодификации советского права», и пересказывает содержание статьи «Пролетарское право». Действительно, книга «Революционная роль права и государства» написана в предвидении кодификации, но кодификации 20-х годов, а критикуемые Н. Н. Полянским высказывания относятся к предвидению П. И. Стучкой кодификации 1918 года! Разница очевидна, и только недоразумением можно объяснить окончательный вывод Н. Н. Полянского: «Изложенные в 1918 (подразумевается статья «Пролетарская революция и суд»,

Такова в общих чертах предложенная П. И. Стучкой позитивная программа, представляющая наибольший интерес в статье «Пролетарское право». Заслуга П. И. Стучки в том, что он не только пытался дать общую характеристику пролетарского права, но и наметил практический план его дальнейшей разработки.

Следующим важным шагом в формировании марксистско-ленинского правопонимания было данное в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР общее определение права. Этот документ был опубликован за подписью П. И. Стучки в декабре 1919 года¹⁷. В юридической литературе по сей день остается спорным вопрос об авторстве этого документа. В большинстве случаев автором признается М. Ю. Козловский¹⁸. М. И. Блум, в свою очередь, считает П. И. Стучку «одним из основных ... авторов» этого документа¹⁹. Видимо, эти разногласия вызваны недостаточным изучением истории документа. Есть основание считать Руководящие начала в какой-то степени коллективно разработанным документом, первоначальная редакция которого была подготовлена М. Ю. Козловским. Проект Руководящих начал подвергся детальному обсуждению на ряде заседаний Коллегии НКЮ под пред-

---

а о «Пролетарском праве» вообще не идет речи. — А. П.) и 1921 гг. эти положения автора были затем воспроизведены и в 3-м издании его книги, вышедшей в 1924 г., когда уже составленные кодексы были в действии и когда такого рода соображения были определенно вредными, как способные подрывать силу и авторитет закона» (Н. Н. Полянский. Первые страницы советской науки о суде. Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1957, № 1, стр. 110).

¹⁷ Начиная с 7 июня 1919 года, П. И. Стучка, находясь в Москве, наряду с обязанностями председателя Советского правительства Латвии, выполнял также обязанности заместителя народного комиссара юстиции РСФСР, являлся председателем Особой междуведомственной комиссии, образованной СНК РСФСР 21 октября 1919 года (ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 2, д. 18, л. 1; ф. 153, оп. 1, д. 5, лл. 1—2).

¹⁸ См.: П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 21; В. Иванов. У истоков советского уголовного законодательства. «Советская юстиция», 1967, № 3, стр. 11—12.

¹⁹ См.: сб. «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Рига, изд-во «Звайгзне», 1965, стр. 192

седательством П. И. Стучки²⁰, с участием членов коллегии М. Ю. Козловского, П. А. Красикова, Л. А. Саврасова и Н. А. Черлунчакевича. На заседании коллегии 25 июля 1919 года были приняты с поправками введение и девять первых статей, 8 августа — следующие до статьи 23, 13 августа — до статьи 26. На заседании коллегии 11 ноября для участия в дальнейшем обсуждении проекта было решено пригласить Д. И. Курского. Однако он по какой-то причине явиться не мог и прислал письменное заявление, которое было обсуждено на заседании коллегии 25 ноября, решившей принять за основу «наказа» уже обсужденный коллегией проект М. Ю. Козловского. 2 декабря вопрос рассматривался в последний раз, причем было постановлено: «Принять весь проект со сделанными поправками; внести особую статью об условном наказании, поручив ее редакцию тт. Козловскому и Черлунчакевичу и подписать т. Стучке при его согласии, без представления в коллегию»²¹.

В рукописи «Третий год советской юстиции» Руководящие начала П. И. Стучка расценивал как важный момент кодификации пролетарского права переходного времени: «Самая трудная задача в этом отношении уже начата; на днях будут опубликованы руководящие начала сов[етского] уголовного права, явля[ю]щиеся общою частью сов[етского] уголовного уложения. В коротеньких тезисах тут будет изложено то, что коренным образом отличает советского криминалиста от буржуазного»²².

В Руководящих началах была сделана первая попытка дать с марксистских позиций официальное опре-

---

²⁰ В 1919 году Д. И. Курский, народный комиссар юстиции, был мобилизован партией и назначен комиссаром главного полевого штаба и членом Реввоенсовета (см.: М. Л. Шифман. Дмитрий Иванович Курский. Изд-во Московского университета, 1956, стр. 14). Во второй половине 1919 года во время его отсутствия заседаниями Коллегии НКЮ руководил заместитель наркома П. И. Стучка.

²¹ ЦГАОР СССР, ф. 353, оп. 2, д. 3, л. 216; см. также лл. 208—215.

²² ПА ЦК КПЛ, ф. 55, оп. 4, д. 16, л. 14.

деление права: «Право — это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой»²³.

Изложение определения права в нормативном акте — беспрецедентный случай. Какую цель этим преследовали авторы Руководящих начал, чье это предложение, — сегодня точно установить не представляется возможным. Вряд ли такой целью являлось использование формы официального документа для придания большего веса определению. Гораздо вероятнее, что авторы имели в виду сосредоточить внимание судебных работников на классовой природе права вообще и принципиальном отличии советского уголовного права от буржуазного.

В Руководящих началах, наряду с определением права в целом как системы (порядка) общественных отношений, дается определение буржуазного права «как системы норм (правил, формул), организованной силой поддерживавших равновесие интересов общественных классов в угоду господствующим классам (буржуазии и помещиков)»²⁴. Возможно, что причиной такого расхождения могло быть то обстоятельство, что эти определения были написаны разными авторами, но, что гораздо вероятнее, авторы Руководящих

---

²³ СУ РСФСР, 1919, № 66, ст. 590.

Первоначальный проект Руководящих начал, представленный М. Ю. Козловским, вероятнее всего, не содержал определения права, и оно было сформулировано на одном из заседаний Коллегии НКЮ. На это указывают пояснения П. И. Стучки, что при редактировании Руководящих начал в коллегии «перед нами... предстала необходимость формулировать свое, так сказать, „советское“ понимание права...» (П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 58). А. К. Стальгевич еще при жизни П. И. Стучки писал о нем как об авторе этого определения (см.: А. Стальгевич. Основные вопросы марксистской теории права. «Советское государство и революция права», 1930, № 7, стр. 176; см. также: А. К. Стальгевич. Развитие науки советского социалистического права. «Труды Высшей школы МООП СССР». Вып. 19. М., 1968, стр. 98).

²⁴ СУ РСФСР, 1919, № 66, ст. 590.

дящих начал стремились отразить факт отмены норм буржуазного права в Октябрьской революции.

В советской юридической литературе Руководящие начала рассматриваются как замечательный памятник правотворчества первых лет социалистической революции, содержащий «принципиальные положения об отношении пролетариата к буржуазному праву, о содержании и форме пролетарского права и об общих задачах советского уголовного права»²⁵. Этот акт не обходят вниманием и буржуазные авторы за рубежом. Руководящие начала характеризуются ими как провозглашение основных идей марксизма²⁶, как официальное выражение руководящих принципов правосудия²⁷ и т. д. Но в вопросе об определении права в поисках сенсации они явно грешат против истины. Рудольф Шлезингер, например, сделал «открытие», что большевики дают такое определение права, которое охватывает отношения не только между руководящими и управляемыми классами, хотя их основной интерес по-прежнему сосредоточен на изменениях, внесенных революцией в эти отношения²⁸. Несостоятельность утверждения очевидна. Цель класса и определение права — не одно и то же. Достаточно отметить, что цель пролетариата — слом всей системы правоотношений, выгодной свергнутым эксплуататорским классам, охватывающей отношения как между классами, так и в рамках того или иного класса.

Владимир Гзовский, в свою очередь, «открыл», что включенное в Руководящие начала предложенное

---

²⁵ История Советского государства и права. Кн. 1. М., изд-во «Наука», 1968, стр. 599. См. также: С. Я. Булатов. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1959, № 4, стр. 126—132; В. Г. Смирнов и М. Д. Шаргородский. Основные проблемы учения о преступлении. Сорок лет советского права. Т. I. Л., Изд-во Ленинградского университета, 1957, стр. 481—504.

²⁶ См.: Н. А. Freund. *Russia from A to Z*. Sydney. London, 1945, p. 163.

²⁷ См.: Rudolf Schlesinger. *Soviet Legal Theory*. New York, 1945, p. 73.

²⁸ См. там же, стр. 74.

П. И. Стучкой определение права представляет собой перефразировку в марксистской терминологии определения Рудольфа Иеринга²⁹.

Суждение Владимира Гзовского персонифицирует собой характерный для буржуазных ученых прием (составляющий методологическую основу и вошедшей ныне в моду за рубежом конвергенции) — ограничение изучения какого-нибудь предмета или процесса отдельными явлениями, сознательно уклоняясь от углубления в его сущность. В данном случае речь идет о классовой сущности права, и в этой части, как видно из содержания «Лекций по историческому материализму»³⁰, П. И. Стучка решительно отмежевывается от Р. Иеринга. «Защищенным властью интересам общества» Р. Иеринга он противопоставляет «интересы господствующего класса». «Кроме того, — продолжает П. И. Стучка, — мы подчеркиваем, что здесь речь идет об „общественных отношениях“, т. е. о взаимоотношениях между людьми, поскольку они относятся к интересам господствующего класса или соответствуют им. Наконец, мы еще подчеркиваем, что здесь речь идет не об отдельных отношениях, а о целой системе, или порядке, отношений, которая на все эти отношения налагает определенный характер.

---

²⁹ Vladimir Gsovski. Soviet Civil Law. Vol. I, 1948, p. 166.

Это не первая попытка приписать П. И. Стучке апологетику определения права Р. Иеринга (см., напр.: М. А. Чельцов-Бебутов. Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков, Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924, стр. 7—8), по этому поводу сам он, ссылаясь на изложенные в речи «Задачи союзов молодежи» идеи В. И. Ленина, счел нужным объяснить: «Меня упрекали в последнее время, что я находился под влиянием социологической школы права (Муромцева, Коркунова, отчасти и Иеринга и др.). Это естественно было так: но брал я у них только результат их исследований, а отнюдь не буржуазно-классовые атрибуты их науки» (П. Стучка. Мой путь и мои ошибки. «Советское государство и революция права», 1931, № 5—6, стр. 69).

³⁰ Подробнее о «Лекциях по историческому материализму» П. И. Стучки см.: П. П. Кокис. Философские проблемы в трудах П. И. Стучки. Рига, изд-во «Зинатне», 1967, стр. 19—136.

Вы видите ясно, что, на наш взгляд, такого „права и справедливости“ не было, когда еще не было классов, и не будет, когда падут классовые противоречия и сами классы»³¹. (Пер мой. — А. П.)

Определение права, содержащееся в Руководящих началах, верно раскрывало классовое содержание права и, несмотря на присущие ему недостатки (в нем не раскрыта специфика правовых отношений, не отражена роль государства в установлении права и не указаны функции права в обществе в смысле закрепления и регулирования общественных отношений в интересах господствующего класса), являлось исходной точкой для дальнейших теоретических исследований П. И. Стучки по вопросу о содержании и форме права. П. И. Стучка не преклонялся слепо перед ним. Впоследствии он писал, что это определение было основано лишь на революционном чутье, а не на глубоко изучении вопроса, но оно не было лишено рационального зерна.

Творческий вклад П. И. Стучки в разработку марксистско-ленинской общей теории права в начальный период ее развития в СССР — *обобщение опыта отношения социалистической революции к праву, обоснование пролетарской сущности рожденного Октябрьской революцией нового исторического типа права.*

---

³¹ P. Stučka. Lekcijas par vēsturisko materiālistu. Maskavā, KKP CK Latv. aģ. un prop. nod., 1920., 47.—48. lpp.

Глава вторая

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ П. И. СТУЧКОЙ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА (1921 — 1925)

§ 1. НОВАЯ ОБСТАНОВКА И НОВЫЕ ЗАДАЧИ ПРАВОВОЙ НАУКИ

В 1921 году начался новый этап в развитии Советского государства — этап мирного строительства. Гражданская война закончилась, однако положение страны оставалось тяжелым — народное хозяйство было сильно разрушено. X съезд РКП(б) по докладу В. И. Ленина вынес постановление о замене продовольственной разверстки натуральным налогом. Постановление положило начало новой экономической политике¹.

В период военного коммунизма в области экономической, по меткому выражению В. И. Ленина, «действовали по-военному»: в городе была строгая централизация в управлении промышленностью, предприятия подчинялись главкам, распределяющим сырье и готовую продукцию, а в деревне действовала продразверстка. Все силы трудящихся были направлены на одержание победы на фронтах гражданской войны, и политика военного коммунизма была временной мерой, избранной партией и Советским правительством в специфических условиях нависшей угрозы завоеваниям Великой Октябрьской социалистической революции.

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 3-е, М., Политиздат, 1967, стр. 537.

Окончание гражданской войны требовало отказа от политики военного коммунизма и перехода к новой экономической политике, основные принципы которой были разработаны В. И. Лениным.

Сущность новой экономической политики заключалась в укреплении союза рабочего класса с крестьянством на хозяйственной основе². X Всероссийская конференция РКП(б) важным рычагом новой экономической политики признала товарообмен: «Правильные взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством, создание вполне устойчивой формы экономического союза обоих этих классов на период перехода от капитализма к социализму невозможны без установления систематического товарообмена или продуктообмена между промышленностью и земледелием»³. Целью новой экономической политики являлось построение основ социализма в нашей стране⁴.

Использование экономических стимулов, категорий хозяйственного расчета, материальной заинтересованности требовало более разносторонних методов правового регулирования. Правовые формы проведения политики военного коммунизма в новых условиях оказались неприемлемыми. Полемизируя с В. П. Милутиным, который считал, что законодательство периода гражданской войны представляет «до известной степени стройную систему» перехода к коммунизму, В. И. Ленин отметил: «Та стройная система, которая создавалась, она диктовалась потребностями, соображениями и условиями военными, а не экономическими»⁵.

Признавая необходимость переработки и дальнейшего совершенствования советского законодательства, В. И. Ленин обратил особое внимание на его роль

---

² См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 2-е, М., Госполитиздат, 1962, стр. 342—343.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е, ч. 1, Госполитиздат, 1953, стр. 574.

⁴ См.: 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М., Политиздат, 1967, стр. 12.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 79.

в проведении политики партии в новых условиях. Выступая на X съезде РКП(б), В. И. Ленин указывал, что задача съезда — «установить только принципиальную линию», а ответ на вопрос, каковы пределы допуска обмена, «мы получим от нашего законодательства»⁶. И далее: «Детально разработает формы проведения налога в жизнь и проведет соответствующий закон ВЦИК и Совет Народных Комиссаров»⁷.

В. И. Ленин выдвинул задачу систематизации и кодификации норм советского права. В речи на IV сессии ВЦИК IX созыва В. И. Ленин о представленных к утверждению проектах Кодекса гражданских законов РСФСР и Основ судостроительства РСФСР говорил: «Вы знаете, что при той политике, которую мы ведем твердо и относительно которой у нас не может быть колебаний, вы знаете, что это — вопрос для широкой массы населения самый важный»⁸. Одни проекты новых кодексов, согласно постановлению IX съезда Советов, разрабатывались целиком в НКЮ, другие — совместно с экономическими наркоматами⁹. Сущность кодификационной работы В. И. Ленин видел в развитии нового исторического типа права. При разработке Кодекса гражданских законов РСФСР В. И. Ленин предостерегал от подражания западным образцам, требовал «вырабатывать новое гражданское право», «расширить применение государственного вмешательства в „частноправовые“ отношения... применять не *corpus juris romanum* к „гражданским правоотношениям“, а наше революционное правосознание»¹⁰.

Интересны замечания В. И. Ленина по проекту уголовного кодекса, в частности мысль, высказанная по конкретному вопросу, — о терроре, но содержащая характеристику советской уголовной политики в

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 62.

⁷ Там же, стр. 70.

⁸ Там же, т. 45, стр. 248.

⁹ См.: Д. И. Курский. Избранные статьи и речи. Изд. 2-е, М., Госюриздат, 1958, стр. 122.

¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 398; см. также стр. 411—412.

целом: «открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение»¹¹. Разработка кодексов, отвечающих задачам строительства основ социализма, и обеспечение их проведения в жизнь — значительное событие в развитии советского права в первые годы нэпа.

Переход к новой экономической политике и задачи, поставленные В. И. Лениным и Коммунистической партией в области развития советского права в условиях мирного строительства социализма, оказали непосредственное влияние на практическую и теоретическую деятельность П. И. Стучки. В годы Октябрьской революции и гражданской войны практическая деятельность П. И. Стучки достигла своей вершины. Разработка им теоретических проблем права носила тогда побочный характер. Теперь, в новых экономических и политических условиях, П. И. Стучка по-прежнему принимает активное участие в осуществлении выдвинутых партией и революционной практикой задач, в том числе в области правового строительства; он по-прежнему отдает предпочтение практической творческой работе, вместе с тем самое пристальное внимание уделяет теоретическим проблемам советского права, последовательно применяя в советской правовой науке ленинские идеи, принципы и методологию.

Практическая деятельность П. И. Стучки в 1921—1922 гг. протекает преимущественно в Заграничном бюро ЦК КПЛ и Коммунистическом Интернационале. Как член ВЦИК IX созыва, он принимает участие в кодификационной работе¹². П. И. Стучка — член

---

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 190.

¹² П. И. Стучка, выступая на заседании IV сессии ВЦИК IX созыва 25 октября 1922 года, критиковал недостатки проекта Кодекса гражданских законов РСФСР. Основная цель — написать кодекс так, чтобы он в первую очередь относился к рабочим и крестьянам, чтобы он был понятен народному суду и обыкновенному обывателю. Говоря о допуске частнокапиталистических отношений, П. И. Стучка предупреждал, что судья не должен «смотреть назад на старые пояснения сената и на старые законы,

П. И. Стучка и В. П. Милютин.
Из фондов Государственного музея революции Латвийской ССР

Конституционной комиссии ЦИК СССР¹³ и Комиссии Президиума ВЦИК по пересмотру Конституции РСФСР¹⁴. Он выполняет ряд заданий ЦК РКП(б)¹⁵.

В то же время П. И. Стучка занимается и теоретической работой: пишет книги «Революционная роль права и государства» и «Учение о государстве и о Конституции РСФСР». Начиная с 1923 года он возглавляет Верховный Суд РСФСР. Работа в Верховном Суде дала богатый материал и побудила к написанию ряда теоретических исследований о законности и применении норм права. Несмотря на занятость партийной и советской работой, П. И. Стучка неустанно уделяет внимание популяризации марксизма-ленинизма.

П. И. Стучка принимает практическое участие в подготовке к изданию на латышском языке работ К. Маркса и В. И. Ленина. В 1924 году он закончил перевод с немецкого языка на латышский первого тома «Капитала» К. Маркса¹⁶.

но всегда объяснять недостающее из существа революции и т. д.» (IV сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва. «Бюллетень», № 3, 1922, 27 октября, стр. 16).

¹³ П. И. Стучка был назначен членом подкомиссии по выработке уголовного, материального и процессуального, законодательства (19 апреля 1924 года) и участвовал в разработке Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 72, лл. 1—2; д. 21, л. 5).

¹⁴ В 1924 году П. И. Стучка являлся членом подкомиссии «О местных органах власти». Переработка текста конституции связана и с именем П. И. Стучки — сохранился предварительный проект конституции с его отметками и исправлениями (ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 22, лл. 2—10, 13).

¹⁵ В 1923 году отдел агитации и пропаганды ЦК РКП(б) привлек П. И. Стучку к работе комиссии по разработке основного закона о печати (ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 13, лл. 6, 12, 25, 30). В личном архиве П. И. Стучки обнаружены рукописные наброски отдельных частей проекта. Если сравнить их с текстом окончательного проекта Положения о печати РСФСР, то становится очевидным, что в нем нашли отражение многие предложения П. И. Стучки (ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 13, лл. 1, 18—21, 23, 28).

¹⁶ См.: К. Markss. Kapitāls. I sējums. Maskavā, grāmatu apgādniecība «Prometejs», 1924.

В январе 1924 года партия, советский народ и трудящиеся всего мира потеряли своего великого вождя и учителя — В. И. Ленина. Но Коммунистическая партия, выпестованная В. И. Лениным, осталась верной ленинским заветам. После смерти В. И. Ленина партия усилила работу по распространению ленинских идей среди трудящихся. Пленум ЦК РКП(б), состоявшийся 29 и 31 января 1924 года, призвал партийные организации сосредоточить основное внимание на изучении истории партии «в связи с исключительной ролью в ней руководящих идей тов. Ленина»¹⁷. II съезд Советов СССР принял постановление об издании сочинений В. И. Ленина, предусматривающее срочное издание как избранных сочинений, так и полного собрания сочинений¹⁸.

К изданию избранных произведений В. И. Ленина на латышском языке приступило Центральное издательство народов СССР. В состав редакционной коллегии издания вошли: П. И. Стучка, К. Красынь, В. Кноринь и Р. Баузе. В 1925 году впервые были изданы на латышском языке произведения В. И. Ленина, написанные в период революции 1905 года¹⁹. В предисловии редакционная коллегия изложила основную задачу издания: теоретически вооружить трудящихся, дать им возможность с позиций ленинизма оценить достижения и ошибки в революционной борьбе. Латвийским рабочим и работницам, говорилось в предисловии, еще предстоит завоевать политическую власть, и написанное В. И. Лениным

---

¹⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е, ч. 1, Госполитиздат, 1953, стр. 811.

¹⁸ Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. 1917—1936 гг. Т. III. М., Госюриздат, 1960, стр. 37.

¹⁹ См.: N. Ļeņina (V. Uljanova) rakstu izlase. III sējums. 1905. gads. Maskavā, SPRS tautu centr. izd-ba, 1925.

Подготавливались к печати и другие тома избранных произведений В. И. Ленина, три тома были намечены к изданию в 1926 году, однако работа была прервана, и только в 30-х годах было осуществлено издание избранных произведений В. И. Ленина на латышском языке.

о давно минувших событиях дает богатый материал для понимания многих современных событий²⁰.

Личность вождя, его роль в проведении Октябрьской революции, в развитии марксистской философии — эти вопросы постоянно занимали П. И. Стучку. Еще при жизни В. И. Ленина в книге «Учение о государстве и о Конституции РСФСР»²¹ на фоне борьбы взглядов на государство и революцию П. И. Стучка показал историческую заслугу В. И. Ленина в решении проблемы соотношения государства и пролетарской революции.

П. И. Стучка тяжело переживал смерть В. И. Ленина²². Но это не ослабило его силы, он стал страстным распространителем и проводником ленинизма. Ленинской теме П. И. Стучка посвятил ряд газетных²³ и журнальных²⁴ статей, написал три книги из серии «Ленинизм в вопросах и ответах»²⁵. В ряде статей П. И. Стучка исследовал ленинскую

---

²⁰ См.: N. Ļeņina (V. Uljanova) rakstu izlase. III sējums. 1905. gads. Maskavā, SPRS tautu centr. izd-ba, 1925., 12. lpp.

²¹ Глава книги «Учение о государстве и о Конституции РСФСР» — «Государство и революция» — была опубликована также отдельной статьей (см.: «Советское право», 1922, № 1, стр. 5—23).

²² См.: P. Stučka. Ļeņins miris! «Cīņa», 1924., Nr. 50.

²³ В «Правде» была опубликована статья П. И. Стучки «Наш Ильич» (1924), в газетах «Кривияс циня», «Циня» и в журнале «Циняс биедрс» — «Ленин умер!» (1924), в газете «Кривияс циня» и в журнале «Яуни цели» — «Ленин как отец крестьянской революции» (1925).

²⁴ Статья П. И. Стучки «Ленин и экономизм» была напечатана в девяти журналах (1924), «Ленин и аграрный вопрос» — в журналах «Под знаменем марксизма» (1924) и «Циняс биедрс» (1925).

²⁵ См.: П. Стучка. Ленинизм и государство (Политическая революция). М., изд-во «Прометей», 1924; П. Стучка. Ленинизм и крестьянство (Аграрная революция). М., изд-во «Прометей», 1925; П. Стучка. Ленинизм и национальный вопрос (Национальная и пролетарская революции). М., изд-во «Прометей», 1926.

диалектику в государственно-правовых вопросах²⁶. П. И. Стучка участвовал в организации и проведении ленинских докладов в Коммунистической академии²⁷.

Ленинизм П. И. Стучка понимал как новый этап в развитии марксизма. Отвергая противопоставление ленинизма марксизму, он одновременно признавал новое качество философии ленинизма. «Но ленинизм не следует и отождествлять с марксизмом, — писал П. И. Стучка, — ибо период империализма и всемирной революции накладывает свою печать и на теорию и тактику революций XX столетия, и Ленину принадлежит слава и честь, что он эту революцию возвел в теорию и эту теорию одновременно проводил в практику. Тысячи периода Маркса превратились в миллионы эпохи Ленина; марксизм перерос в ленинизм, оставаясь в то же время марксизмом. Теория Ленина не есть просто марксизм в условиях российских, это — ленинизм в масштабе международном»²⁸.

Новое качество философии ленинизма проявляется и в ленинской теории государства, причем П. И. Стучка особо отметил «мысли Ленина о государстве в связи с нэпом», данную им схему диктатуры пролетариата²⁹.

---

²⁶ См.: П. Стучка. Ленин и власть Советов. «Власть Советов», 1924, № 1, стр. 3—10; П. Стучка. Ленин и революционный декрет. Революция права. Сборник I. М., Изд-во КА, 1925, стр. 33—39; P. Stučka. Ļeņins un CCCP. Darba kalendārs 1925. gadam, 32.—40. lpp.

²⁷ 6 марта 1924 года П. И. Стучка прочитал доклад «Ленин о государстве» на заседании секции общей теории права и государства академии. Текст этого доклада пока обнаружить не удалось и о содержании его приходится судить по словам В. И. Вегера, что доклад был посвящен центральным проблемам теории и практики государства в трактовке В. И. Ленина и что разбирались основные положения книги «Государство и революция» (ААН СССР, ф. 350, оп. 1а, д. 29, лл. 1, 18).

²⁸ П. Стучка. Ленинизм и государство (Политическая революция). М., изд-во «Прометей», 1924, стр. 5—6.

²⁹ См.: Н. Ленин. О пролетарском государстве. М., Госуд. изд-во, 1924, стр. 307, 310.

П. И. Стучка придавал большое значение глубокому изучению студентами трудов В. И. Ленина. По предложению подотдела пропаганды ЦК РКП(б)³⁰ П. И. Стучка и В. И. Вегер составили хрестоматию о пролетарском государстве по сочинениям В. И. Ленина — пособие для совпартшкол и комвузов³¹.

В феврале 1924 года отдел агитации и пропаганды ЦК РКП(б) совместно с научно-политической секцией Государственного ученого совета приступили к подготовке программ учебных курсов по ленинизму. Выполняя поручение отдела агитации и пропаганды ЦК РКП(б), П. И. Стучка подготовил тезисы лекций «Ленин и теория государства» и «Ленин, буржуазная демократия и пролетарская диктатура»³². П. И. Стучкой был представлен также список тем для научных разработок под общим названием «Ленин о праве и государстве», а в 1927 году он участвовал в составлении учебной программы «Государственное и хозяйственное право СССР в связи с учением Маркса и Ленина о государстве»³³.

Теоретические работы П. И. Стучки в первой половине 20-х годов отличаются разносторонностью тематики и научной глубиной. Понимая всю сложность и важность практического правового строительства, П. И. Стучка стремился вооружить советских и партийных работников верным компасом — революционной правовой теорией. Важной предпосылкой для успешного осуществления практической и «ударной» задачи создания наиболее целесообразных для данного момента законов П. И. Стучка считал теоретическую разработку проблем советского права и в особенности — марксистско-ленинской общей теории

---

³⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 80, л. 1.

³¹ См.: Н. Ленин. О пролетарском государстве. М., Госуд. изд-во, 1924.

³² ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 28, лл. 1, 4; ПА ЦК КПЛ, ф. 55, оп. 7, д. 3, лл. 15—16; ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 1, д. 25, лл. 11, 98.

³³ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 18, л. 38; д. 28, лл. 12—14; д. 49, лл. 1—7.

права как ведущей отрасли подлинно революционной юридической науки³⁴.

В 1921—1925 гг. началось оживление в правовой науке. Появились юридические журналы³⁵, монографии, брошюры и статьи по конкретным

---

³⁴ Создание марксистско-ленинской общей теории права как учебного курса юридической науки в значительной мере связано с преподаванием этого предмета в высших учебных заведениях.

Вплоть до 1921 года курсы лекций по общей теории права с марксистско-ленинских позиций в университетах не читались. Причиной тому было засилье старой профессуры в университетах после Октябрьской революции. Н. В. Крыленко впоследствии отмечал, что было время, когда считали, что следует закрыть на пять лет юридические факультеты, где, «несмотря на факт установления в стране пролетарской диктатуры, продолжали осуществлять свою диктатуру буржуазные профессора» (Ф. Ксенофонов. Государство и право. М., Юрид. изд-во НКЮ, 1924, стр. 5). Еще в первой половине 1918 года преподавание общественных наук в Московском университете было всецело в руках старой профессуры. Начавшаяся в середине сентября 1918 года практическая деятельность Социалистической академии общественных наук была сосредоточена в учебно-просветительной секции: лекции читались по 4 разрядам, в том числе и политико-юридическому. Однако педагогическая работа в САОН была прервана весной 1919 года гражданской войной (ААН СССР, ф. 350, оп. 1, д. 619, лл. 3—4). 20 августа 1919 года постановлением отдела высших учебных заведений Наркомпроса было предусмотрено объединение всех существующих в Москве факультетов общественных наук в факультет общественных наук 1-го Московского государственного университета (АМГУ, ф. 16, оп. 1, д. 1, л. 2). Реорганизация задерживалась вследствие трудностей, вызванных гражданской войной. Не хватало марксистски подготовленных кадров, и в записке М. Н. Покровского, направленной В. И. Ленину в марте 1921 г., высказано предложение использовать на преподавательской работе формирующегося факультета общественных наук 1-го Московского государственного университета меньшевиков. В. И. Ленин ответил: «Я очень сомневаюсь и думаю, лучше передадим в Политбюро ЦК» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 90, 374).

³⁵ В 1922 году начали издаваться журналы «Еженедельник советской юстиции», «Право и жизнь» и «Советское право». В 1925 году вышел первый сборник «Революция права», а с 1927 года под таким же названием стал выходить журнал (вначале — раз в три месяца, затем — раз в два месяца). Кроме того, юридические статьи публиковались в основанных в течение рассматриваемого периода общественно-политических журналах: «Коммунистическая революция» (1920), «Вестник Социалистической академии» (1922), «Под знаменем марксизма» (1922) и др.

отраслям юридической науки, по общей теории права³⁶ и отдельным ее проблемам: методологии изучения права³⁷, понятия права³⁸, социалистического правосознания и нравственности³⁹, социалистической

---

³⁶ См.: П. Стучка. Революционная роль права и государства. Общее учение о праве и о государстве, I. Общее учение о праве. Госуд. изд-во, 1921; И. Подволоцкий. Марксистская теория права. Очерк. Москва—Петроград, Госуд. изд-во, 1923; Вл. Вегер. Право и государство переходного времени. Хрестоматия. М., изд. Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1924; Н. В. Крыленко. Беседы о праве и государстве. М., изд-во «Красная новь», 1924; Е. Пашуканис. Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий). М., изд. СА, 1924; Р. Бабун. Общее учение о праве и государстве. Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925; И. Д. Ильинский. Введение в изучение советского права. Ч. I, Л., Госуд. изд-во, 1925; М. Рейснер. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.—М., Госуд. изд-во, 1925.

Большое количество статей по общей теории права содержала «Энциклопедия государства и права», опубликованная в 1925—1927 гг.

³⁷ См.: Д. Курский. Ближайшие задачи изучения советского права. «Советское право», 1922, № 1, стр. 3—4; Д. Магеровский. Советское право и методы его изучения. «Советское право», 1922, № 1, стр. 24—35; И. Разумовский. Социология и право. М., изд. СА, 1924; Ф. Ксенофонов. Государство и право (Опыт изложения марксистского учения о существовании государства и права). М., Юрид. изд-во НКЮ, 1924; С. Я. Вольфсон. Кельзен, Ленц и Ко. Минск, изд. Исполбюро Пролетстуда БГУ, 1925; Ф. Д. Корнилов. Юридический догматизм и диалектический материализм (Критический набросок). Саратов, изд. Общегор. клуба РКП(б), 1925; И. Разумовский. Проблемы марксистской теории права. М., Изд-во КА, 1925.

³⁸ См.: И. Войтинский. Общественная организация и право. «Советское право», 1922, № 3, стр. 19—29; И. П. Разумовский. Понятие права у К. Маркса и Фр. Энгельса. «Под знаменем марксизма», 1923, № 2—3, стр. 68—97.

³⁹ См.: Г. Гурвич. Право и нравственность с точки зрения материалистического понимания истории. «Труды Белорусского государственного университета в Минске», 1922, № 1, стр. 49—67; Г. М. Португалов. Революционная совесть и социалистическое правосознание Петербург, Госуд. изд-во, 1922; Г. С. Гурвич. Нравственность и право. М., изд. СА, 1924; М. А. Чельцов-Бебутов. Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков, Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924; Д. Дембский. Нравственность и право с точки зрения исторического материализма. Изд-во «Пролетарий», 1925; И. Ильинский. Право и быт. Л.—М., Госуд. изд-во, 1925.

законности⁴⁰, а также по истории правовой мысли⁴¹.

Основополагающее значение для советской правовой науки и в особенности для общей теории права имели труды П. И. Стучки, Н. В. Крыленко, Д. И. Курского и Е. Б. Пашуканиса. Отстаиваемое в них научное понимание права встретило отчаянное сопротивление сторонников буржуазных доктрин права. В начале 20-х годов продолжалась острая борьба между марксистско-ленинскими и буржуазными взглядами на право, но в поведении противников марксистско-ленинских взглядов наметилась тенденция: вместо открытого отстаивания буржуазных концепций — протаскивание их под видом марксистских или совместимых с марксизмом⁴².

На этот факт обратил внимание П. И. Стучка и призвал усилить борьбу с буржуазной идеологией в области права. А для этого нужно с марксистских позиций разработать коренные проблемы науки права. «Но, если мы своим молодым теоретикам-марксистам не дадим одновременно нового теоретического понимания права, — писал П. И. Стучка, — то они по-прежнему будут искать аналогий и теоретических обобщений только в буржуазном мировоззрении»⁴³.

⁴⁰ См.: А. Сольц и С. Файнблит. Революционная законность и наша карательная политика. М., изд-во «Московский рабочий», 1925.

⁴¹ См.: Проф. В. И. Бошко. Очерки развития правовой мысли. Харьков, Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925; А. М. Попов. Основные течения марксистской юридической мысли. Новочеркасск, Сев.-Кав. краев. отд. Госуд. изд-ва, 1925.

⁴² В 1928 году А. К. Стальгевич, проанализировав развитие советской правовой мысли, пришел к выводу, что проблемы права переходного периода многими теоретиками права освещались с позиций различных направлений буржуазного правопонимания. «Отражение и своеобразное развитие» в советской литературе нашли такие буржуазные доктрины права, как психологическая теория права (И. Д. Ильинский, М. А. Рейснер, Е. А. Энгель и др.), нормативизм (И. С. Войтинский, С. А. Котляревский, Д. А. Магеровский и др.), теория социальных функций (А. Г. Гойхбарг, С. И. Раевич и др.) (см.: А. К. Стальгевич. Пути развития советской правовой мысли. М., Изд-во КА, 1928, стр. 9—14, 20—22, 28).

⁴³ «Советское право», 1922, № 2, стр. 138.

П. И. Стучка отстаивал необходимость революции в теории права⁴⁴ — замену буржуазного правовопонимания пролетарским, марксистско-ленинским, разработку на основе диалектико-материалистической методологии откровенно классового учения о праве, утверждение этой методологии в советской правовой

---

⁴⁴ В 20-х годах для обозначения процессов в области права в ходе социалистической революции в работах П. И. Стучки и целого ряда других советских юристов того периода употреблялся термин «революция права». Автором термина являлся П. И. Стучка, который в напечатанной в конце 1919 года статье «Низвержение права» писал о революции права как о сломе буржуазного права (см.: П. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., Госюриздат, 1931, стр. 227—228). Понимая революцию «как отрицание прошлого» (см.: П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 280), П. И. Стучка различал несколько аспектов революции права.

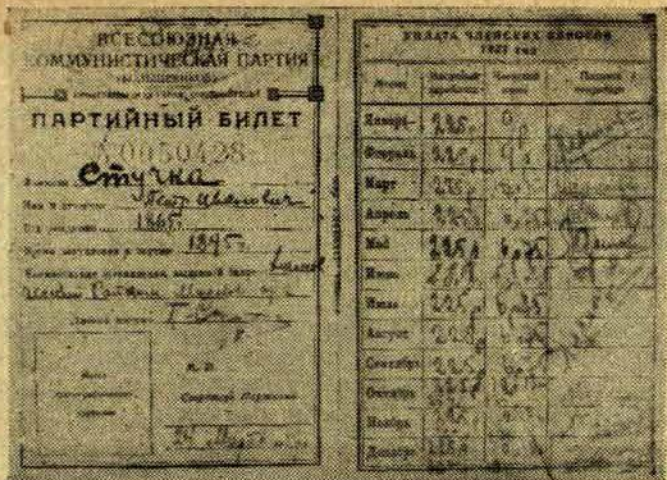
Во-первых, это уничтожение буржуазно-помещичьих норм права и создание норм нового, пролетарского, социалистического права.

Во-вторых, это слом системы правоотношений, выгодных эксплуататорским классам, создание новой системы правоотношений путем проведения в жизнь программных требований партии, норм нового пролетарского права (см. там же, стр. 282, 345).

В-третьих, революция в области правосознания — искоренение буржуазного и формирование социалистического правосознания у трудящихся. Буржуазная идеология не отдает без борьбы своих позиций, и В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость повседневной борьбы с ней. «Нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, — писал В. И. Ленин, — надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее — как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божьей матери, не по велению лозунга, резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 101).

П. И. Стучка писал о «революции права... в теории», «революции... в идеологии права», «революции в области правовопонимания» (П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 288—289, 325).

Процессы, происходившие в науке о праве, можно было назвать революцией права, поскольку под правом подразумевается и наука о праве.

Партийный билет П. И. Стучки.

Из фондов Государственного музея революции Латвийской ССР

науке⁴⁵ и вооружение партийных кадров и широких слоев трудящихся марксистско-ленинскими знаниями в области государства и права.

Далее попытаемся, если не полностью, то в какой-то мере, показать творческую деятельность П. И. Стучки в проведении революции в теории права с появления его книги «Революционная роль права и государства» до объединения марксистов-правоведов вокруг разработанной П. И. Стучкой теоретической платформы, изложенной в сборнике «Революция права».

⁴⁵ Прделанный им в течение 1921—1923 гг. труд по изучению основных проблем общей теории права, в том числе предмета и системы науки, П. И. Стучка позднее охарактеризовал как этап этой революции: «Мы отмечаем три этапа развития государственно-правовых вопросов: во-первых, работа Ленина „Государство и революция“ — Октябрьская революция; во-вторых, декрет о суде, и лишь начиная с моей „Революционной роли права и т. д.“ и работы т. Пашуканиса „Общая теория права и марксизм“ идет революция в теории права» (П. Стучка. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., Госюриздат, 1931, стр. 3—4).

§ 2. КНИГА «РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОЛЬ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА» И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

В июне 1921 года П. И. Стучка завершил работу над книгой «Революционная роль права и государства». По признанию самого П. И. Стучки, к написанию этой книги побудило то обстоятельство, что в учебный план двухгодичного общеобразовательного курса Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова был внесен особый предмет — общее учение о праве и государстве. П. И. Стучка обратился в ЦК РКП(б) с предложением написать учебник по теории и практике советского права. Вопрос рассматривался на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 31 января 1921 года, где было постановлено: «Поручить т. Стучке написать такой учебник в течение 2—3 месяцев»¹. Работа над рукописью потребовала четырех с половиной месяцев. Первое издание книги быстро разошлось, в 1923 году вышло второе, а в 1924 году — третье издание. Вокруг книги развернулась оживленная полемика, сначала в рецензиях и статьях², потом — в монографиях по общей теории права, изданных в первой по-

¹ ПА ЦК КПЛ, ф. 55, оп. 7, д. 3, л. 3.

² Б. Пинсон о книге «Революционная роль права и государства» отзывался как о чрезвычайно ценном вкладе в марксистскую литературу (см.: «Под знаменем марксизма», 1922, № 4, стр. 124). Основные положения книги были подвергнуты критике в последующих рецензиях (Вегер. П. Стучка. Революционная роль права и государства. «Советское право», 1922, № 1, стр. 135—137; М. Рейснер. Общая теория права тов. П. И. Стучки. «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 173—181). Положительными были рецензия В. В. Адоратского на первое издание книги (см.: «Печать и революция», 1923, № 2, стр. 186—187) и другая (под инициалами И. Б.), помещенная в газете-бюллетене «Книгоноша», на второе издание книги, где последняя охарактеризована как талантливая работа, но только для подготовленных; в рецензии И. Б. упоминается об отставаемом П. И. Стучкой определении права, о его взглядах на правотворческую роль революции. Констатируется, что «в области исследования природы государства автор развивает революционную классовую теорию государства тов. Ленина» («Книгоноша», 1923, 8 сентября).

ловине 20-х годов³. П. И. Стучка ответил на эти выступления рядом статей и рецензий⁴.

Книга «Революционная роль права и государства» написана под непосредственным влиянием трудов В. И. Ленина и особенно — его капитальной работы «Государство и революция». Следуя В. И. Ленину, П. И. Стучка намеревался в какой-то мере осуществить в области общей теории права то, что было сделано В. И. Лениным в области теории государства. Работа «Государство и революция» открыла марксистам глаза на роль и значение государства в переходный к коммунизму период, констатировал П. И. Стучка и предложил: «Не мешало бы нам то же самое проделать и с вопросом о праве»⁵.

В. И. Ленин в предисловии к первому изданию книги «Государство и революция» так охарактеризовал основные направления своего исследования: «Мы рассматриваем сначала учение Маркса и Энгельса о государстве, останавливаясь особенно подробно на забытых или подвергшихся оппортунистическому искажению сторонах этого учения. Мы разберем затем специально главного представителя этих искажений,

³ См.: И. Подволоцкий. Марксистская теория права. Очерк. Москва—Петроград, Госуд. изд-во, 1923, стр. 163—187; А. Кауль. Октябрьская революция, пролетарская диктатура и советское право. В сб.: «Основы и практика советского права». Петроград, 1923, стр. 19—21; Н. В. Крыленко. Беседы о праве и государстве. М., изд-во «Красная новь», 1924, стр. 12—41; Е. Пашуканис. Общая теория права и марксизм. М., изд. СА, 1924, стр. 29—42; М. А. Чельцов-Бебутов. Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков, Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924, стр. 7—9; Ф. Д. Корнилов. Юридический догматизм и диалектический материализм. Саратов, изд. Общегор. клуба РКП(б), 1925, стр. 16, 48—55 и др.

⁴ См.: П. Стучка. В защиту классового понятия права. Pro domo sua. «Советское право», 1922, № 2, стр. 136—138; П. Стучка. В защиту революционно-марксистского понятия классового права. «Вестник Социалистической академии», 1923, № 3, стр. 159—169 (В сокращенном виде статья помещена в книге: П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 335—342); П. Стучка. И. Подволоцкий. Марксистская теория права. Очерк. 1923 (ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 18, лл. 106—107).

⁵ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 3.

Карла Каутского... Мы подведем, наконец, главные итоги опыта русских революций 1905 и особенно 1917 года»⁶.

П. И. Стучка ставил перед собой следующие задачи: изложение общего учения о праве; обобщение того, что сделала в области права Октябрьская революция; дать бой буржуазной науке о праве и правоопортунистическим извращениям марксизма, ибо «юридическая область по сие время осталась нетронутой марксистами, если не считать так называемых „юридических социалистов“, т. е. самых зловредных из всех представителей буржуазного мировоззрения, хотя бы идущих под знаменем Маркса и Энгельса»⁷. Прямое влияние В. И. Ленина легко угадывается в содержании книги. Если по внешнему оформлению, последовательности изложения вряд ли можно говорить о каких-то параллелях между обеими работами, то таковые очевидны в постановке вопросов и в методологии изучения надстроечного явления.

В. И. Ленин книгой «Государство и революция» прежде всего намеревался восстановить истинное учение марксизма о государстве, а для этого нужно было дать читателю представление о взглядах К. Маркса и Ф. Энгельса в совокупности и развитии и доказать искажение их «каутскианством»⁸. В то же время работа В. И. Ленина носит не только итоговый, но и в меньшей мере истоковый характер, знаменуя собой начало нового этапа развития марксистской теории государства и права⁹. В этой работе В. И. Ленин обобщил опыт политической борьбы рабочего класса после К. Маркса и Ф. Энгельса и поднял на новую высоту учение марксизма о государстве. П. И. Стучка, ограничивая свой труд юридическими рамками¹⁰,

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 4.

⁷ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 3.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 6.

⁹ См.: А. И. Денисов. Выдающееся теоретическое исследование. «Советское государство и право», 1967, № 8, стр. 3.

¹⁰ Это, в частности, П. И. Стучка признал и сам в письме к В. И. Ленину от 21 июля 1921 года. «Я хотел Вас также просить просмотреть в рукописи мою работку „Революционная роль права“, но, не застав Вас, сдал в печать и готовлю немецкий

также исходит из революционного опыта, излагая взгляды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина на общество, общественные отношения, классы и классовую борьбу, государство и право.

Материалистически-диалектический подход к вопросам государства у В. И. Ленина является для П. И. Стучки образцом того, как нужно подходить к решению проблем права. Книга «Революционная роль права и государства» построена согласно требованиям диалектической логики. Сначала дается общая постановка вопроса и определяется научная позиция автора, потом подвергаются изучению «все... стороны, все связи и „опосредствования”»¹¹ права, при этом изучается не только право, но и взгляды на право¹². Право рассматривается П. И. Стучкой как категория классового общества, обусловленная в конечном счете экономическими отношениями, но категория активная, оказывающая обратное влияние на экономический базис общества.

Первым в книге ставится вопрос: что такое право? Отвергая буржуазную доктрину естественного права, П. И. Стучка обосновывает исторический, классовый характер права. «Общечеловеческое право великой французской революции» на деле оказалось буржуазным правом, таким же естественным для одного класса — буржуазии, как феодальное право для феодалов и обычное право для крестьян.

Выясняя, почему ни одна буржуазная школа права не смогла дать ответа на вопрос, что такое право, П. И. Стучка подчеркивает коренное различие между

перевод», — сообщил П. И. Стучка. И далее: «Боюсь, не слишком ли она вышла юридической, но без этого нельзя было обойтись. Это общая часть, которая должна составить введение к системе советского гражданского права, пожалуй, еще трудно уловимого» (ПА ЦК КПЛ, ф. 55, оп. 4, д. 16, л. 9).

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 290.

¹² Первое издание книги «Революционная роль права и государства» включает следующие главы: 1. Что такое право? 2. Общественные отношения и право. 3. Классовый интерес и право. 4. Организованная власть господствующего класса и право. 5. Право — революция. 6. Право и закон. 7. История нашего правопонимания. 8. Разграничение отраслей права. 9. Исторические заметки о советской организации власти.

буржуазной и марксистско-ленинской концепциями права¹³. Буржуазные школы права, порою подойдя довольно близко к пониманию того или иного признака права, игнорировали его классовую сущность. Для марксистско-ленинской правовой науки прежде всего характерно признание классового характера права. «Только классовое понимание права вносит необходимую определенность, без которой юриспруденция есть только простая техника словесности»¹⁴. П. И. Стучка разъясняет, что классовое, т. е. марксистско-ленинское, понимание права означает признание классовой борьбы, выражение в праве интереса победившего класса, закономерную смену одного типа права другим — более высоким. Как пример классового подхода к пониманию права П. И. Стучка приводит определение права, данное в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР. Во время работы над первым изданием книги П. И. Стучка еще полностью придерживался этого определения. Он считал, что оно содержит выявленные К. Марксом признаки права¹⁵. «Возможна, конечно, стилистически более совершенная формулировка понятия (термины „определение понятия“, „формулировка понятия“ и „формулировка понимания“ в данном случае употреблялись как тождественные. — А. П.) права, — писал П. И. Стучка, — но в общем и целом я ее считаю и ныне вполне приемлемою, ибо она содержит те главные признаки, какие входят в понятие всякого права вообще и не только советского»¹⁶.

¹³ В книге последовательно проводится ленинский принцип партийности науки, марксистско-ленинская наука противопоставляется буржуазной, пролетарское право — буржуазному.

¹⁴ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 13.

¹⁵ П. И. Стучка приводил в качестве «тонкого определения понятия права» следующее высказывание К. Маркса: «И, таким образом, из разрозненных экономических движений рабочих повсеместно вырастает политическое движение, то есть — движение класса, стремящегося осуществить свои интересы в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего общества» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 282—283).

¹⁶ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 9.

П. И. Стучка впервые в нашей юридической литературе с марксистских позиций дал анализ важнейших признаков права.

По П. И. Стучке, право — это социальное явление¹⁷, имеющее своим содержанием общественные отношения¹⁸. Подобная трактовка проблемы содержания права была направлена против идеалистических доктрин права, ищущих содержание права в нравственной идее, воле законодателя и в других абстракциях.

Специфику права как социального явления П. И. Стучка видел *в системе (или порядке) общественных отношений*, охраняемой организованной силой господствующего класса. Это определение верно указывало на социальное и классовое содержание права, однако не вскрывало специфики права как особого социального явления. Определение права как системы общественных отношений встретило сильную оппозицию среди правоведов того времени. В. И. Вегер обвинил П. И. Стучку в экономизме. «Вульгаризируя Маркса, — писал В. И. Вегер, — экономический фетишист (подразумевается П. И. Стучка. — А. П.) отождествляет общественные отношения с производственными, превращая право в экономику»¹⁹. Вслед за В. И. Вегером против П. И. Стучки выступил М. А. Рейснер, который приписал марксизму признание права лишь как идеологического явления, одного из «подвидов общего вида идеологий»²⁰. «Стучка стремился установить, что право есть непосредственно

---

¹⁷ Отстаивая выдвинутую ранее в статье «Старый и новый суд» и в других работах мысль, что право и закон — понятия нетождественные, что закон не охватывает всего права, П. И. Стучка писал: «Право это — основное явление, а закон — только вспомогательное средство, излагающее обязательно типичное в праве...» (П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 91).

¹⁸ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 21.

¹⁹ «Советское право», 1922, № 1, стр. 136.

²⁰ «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 173.

Еще в своих дореволюционных работах М. А. Рейснер объявил «пробелом» исторического материализма «отсутствие соци-

сами общественные отношения»²¹, — утверждал М. А. Рейснер.

Насколько необоснованными были обвинения П. И. Стучки в «экономизме», видно из того, что в книге «Революционная роль права и государства» П. И. Стучка говорит о праве не только как о «системе общественных отношений», но и как о законе, и даже фикции и иллюзии в правовой области. В противовес такому широкому подходу к праву, М. А. Рейснер, видя в праве только идеологию, отвергал определение права как системы общественных отношений. Когда П. И. Стучка говорит о праве как о законе, о правосознании, М. А. Рейснер с ним соглашается, находя в этом восстановление «учения об идеологиях». Но, «отвергнув идеологическое учение о праве, а вместе с тем и одно из основных положений исторического материализма (? — А. П.)», т. е. своим выходом за пределы сферы идеологии, П. И. Стучка, по мнению М. А. Рейснера, опростил теорию К. Маркса, доходя до ее вульгаризации²².

Если отбросить терминологические условности, то обнаруживается, что первые критики «экономизма» П. И. Стучки представляли идеалистическое направление правовой мысли, истинная цель их — протащить в советскую общую теорию права антимарксистские положения.

Обвинения в «экономизме» раздавались и со стороны И. П. Подволоцкого (1923 г.)²³, Н. В. Крыленко

альнопсихологической теории» (см.: М. А. Рейснер. Государство. Ч. II—III, М., 1912, стр. 9). Этот выдуманный им недостаток он вообразил устранить путем эклектического соединения марксизма с психологической теорией права, что, в сущности, означает отказ от марксизма или его извращение.

²¹ «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 178.

²² Там же, стр. 175, 177.

²³ И. П. Подволоцкий критиковал П. И. Стучку, придерживаясь понимания права как системы принудительных норм (см.: И. Подволоцкий. Марксистская теория права. Очерк. Москва—Петроград, Госуд. изд-во, 1923, стр. 186; см. также стр. 166—170).

(1924 г.)²⁴, Е. Б. Пашуканиса (1929 г.)²⁵, А. Я. Вышинского (1938 г.)²⁶. Измышления первых критиков П. И. Стучки воспроизводились и в ряде работ пос-

---

²⁴ См.: Н. В. Крыленко. Беседы о праве и государстве. М., изд-во «Красная новь», 1924, стр. 23, 33.

²⁵ В первой половине 20-х годов Е. Б. Пашуканис по своим взглядам был близок П. И. Стучке. В докладе «Общая теория права и марксизм», прочитанном на заседании секции общей теории права и государства Социалистической академии 25 октября 1923 года, Е. Б. Пашуканис отверг критику М. А. Рейснера и И. П. Подволоцкого в адрес П. И. Стучки. Полемизируя с И. П. Подволоцким, он отметил, что право, норма права, существует для теоретического исследования «только тогда, когда оно наблюдается в жизни, а следовательно, в социальных отношениях...» (ААН СССР, ф. 350, оп. 1а, д. 16, л. 6). Соглашаясь с пониманием права как системы общественных отношений, Е. Б. Пашуканис шел несколько дальше П. И. Стучки, утверждая, что в действительности право существует в самих общественных отношениях (чего никогда не говорил П. И. Стучка) и что «право, как понятие, есть не что иное, как абстракция, есть абстрактная форма общественных отношений» (там же, л. 13). Впоследствии Е. Б. Пашуканис нашел слабую сторону во взглядах П. И. Стучки — в признании, что «право фигурирует уже не как специфическое социальное отношение, но как все вообще отношения, как система отношений...» (Е. Б. Пашуканис. Общая теория права и марксизм. Изд. 3-е, Изд-во КА, 1929, стр. 43). В 1932 году Е. Б. Пашуканис в принципе отверг концепцию П. И. Стучки, хотя по форме эта критика напоминает критику ранних взглядов самого Е. Б. Пашуканиса, или, точнее, отстаиваемых им в 1923 году неверно понятых мыслей П. И. Стучки (см.: Учение о государстве и праве. Под ред. Е. Пашуканиса. Партийное изд-во, 1932, стр. 38).

²⁶ А. Я. Вышинский, критикуя «рейснеризм», как оппортунизм и т. п. (см.: Проф. А. Я. Вышинский. Вопросы права и государства у К. Маркса. М., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 15—17), тем не менее, не стесняясь, почти дословно повторил обвинения В. И. Вегера и М. А. Рейснера о сведении П. И. Стучкой права к экономике (см.: Основные задачи науки советского социалистического права. М., Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938, стр. 32). Использование А. Я. Вышинским аргументов критиков взглядов П. И. Стучки с идеалистических позиций для критики этих же взглядов с противоположных, материалистических, позиций только с еще большей очевидностью выявило внутреннюю несостоятельность критики.

ледных лет, в том числе С. Ф. Кечекьяна²⁷, М. С. Строговича²⁸, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского²⁹.

Характерно, что во всех этих случаях речь идет только об отстаиваемом П. И. Стучкой определении права, а не о его взглядах в целом.

Позднее определение права как системы общественных отношений явилось предметом нападков на П. И. Стучку и со стороны буржуазных авторов³⁰.

Первые ответы П. И. Стучки критикам содержат богатую аргументацию, доказывающую беспочвенность выдвинутых в его адрес обвинений³¹.

---

²⁷ С. Ф. Кечекьян в работе «Правоотношения в социалистическом обществе» П. И. Стучке уделил следующие строки: «Определение права как системы общественных отношений, данное П. И. Стучкой в 1919 г., ошибочно именно потому, что оно приводит к отождествлению права с производственными отношениями. Несмотря на то, что П. И. Стучка в этом определении с большой силой подчеркивает классовый характер права, его определение неприемлемо» (С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 7).

²⁸ См.: сб. «Вопросы общей теории советского права». М., Госюриздат, 1960, стр. 390.

²⁹ О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский в книге «Вопросы теории права» заявляют, что их определение права «основано на тех же посылах, что и общее определение понятия права, данное в 1938 году». Ясно, что после этого авторам остается только пересказать все старые обвинения против П. И. Стучки, что они и делают. «Но право не сливается с регулируемым им общественными отношениями», — правильно утверждают авторы и тут же делают «открытие», что П. И. Стучка доказывал как раз обратное и «именно поэтому советская юридическая наука со всей решительностью отвергла то определение права, которое предлагал в свое время П. И. Стучка, утверждавший, что „правом является... система общественных отношений“» (О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. М., Госюриздат, 1961, стр. 57).

³⁰ Г. Кельзен определение П. И. Стучки толкует следующим образом: «Это значит, что право идентифицируется с обществом, а общество — с экономикой». (Пер. мой. — А. П.) Последовательное отстаивание этого взгляда якобы должно привести к отрицанию существования права вне экономики (Hans Kelsen. The Communist Theory of Law. London, 1955, p. 62—63). См. также: Max Laserson. Die russische Rechtsphilosophie. «Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie», 1933, Bd. XXIV, N. 3, S. 357.

³¹ Понимание П. И. Стучкой категорий базиса и надстройки подробнее рассмотрено в следующем параграфе.

Прежде всего следует уточнить, что сведение права к экономике означает отрицание его воздействия на развитие экономики; П. И. Стучка же изучал право не только со стороны его обусловленности экономическим развитием, но и подчеркивал творческую роль права в обществе. Он неоднократно обращал внимание на исследование им права как революционного фактора, ссылаясь на наличие в своей книге специальной главы «Право — революция»³², на лейтмотив книги в целом — изучение обратного воздействия надстройки (права) на базис (производственные отношения): «Ведь исходя именно из этого последнего понимания права, я и написал целую книжку о „революционной роли права“»³³.

Соотношение права и экономики П. И. Стучка рассматривал с точки зрения формы и содержания. В подтверждение тезиса, что «отношение» и «взаимоотношение» людей «всегда предполагает известное волевое взаимоотношение людей», П. И. Стучка цитировал слова К. Маркса: «Содержание этого юридического или волевого отношения дано самим экономическим развитием»³⁴.

П. И. Стучка не отождествлял право как систему общественных отношений с общественными отношениями в целом. С признаком системы он связывал качественные изменения: «В обществе феодальном, напри[ме]р, уже очень рано встречаются единичные капиталистические отношения производства, но они в систему феодальных общественных отношений, феодального правопорядка еще не входят. Эти фактические отношения людей были социальными, общественными, но не были юридическими. Такими они становятся лишь с тех пор, как они вошли в правовую систему (количество превратилось в качество), и

³² См.: «Советское право», 1922, № 2, стр. 137.

³³ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 18, л. 106.

³⁴ «Вестник Социалистической академии», 1923, № 3, стр. 164—165.

Единственное несоответствие официальному переводу приведенной цитаты: употребление слова «развитие» вместо «отношение» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 94).

лишь с точки зрения этого правопорядка»³⁵. Трудности понимания и правильной оценки взаимодействия права как разновидности общественных отношений и материальных общественных отношений, как нам представляется, обусловлены отсутствием у П. И. Стучки точной терминологии³⁶. Если систему общественных отношений рассматривать как новое качество по отношению к материальным общественным отношениям, то речь о ней может идти только как о специфической разновидности общественных отношений. В пользу такого суждения говорит и следующее высказывание П. И. Стучки: «А система сама по себе уже является объединением в единое целое. Маркс иногда тут пользовался даже сравнением с организмом. А порядок предполагает известные нормы, бесознательные или сознательно установленные»³⁷.

П. И. Стучка изучал право в развитии, в аспекте соответствия правовых институтов уровню развития материальных общественных отношений, и набросал в общих чертах верную картину этого развития.

В первобытном обществе «не знают частной собственности» и «собственный труд — основа первоначальной

---

³⁵ «Вестник Социалистической академии», 1923, № 3, стр. 163—164.

³⁶ П. И. Стучка придерживался термина «система общественных отношений», как соответствующего марксизму. «Я к этой проблеме, — писал он, — хотел бы процитировать два места из К. Маркса: 1) об экономике: „Капитал не есть вещь, а общественное отношение между лицами, осуществляемое — (vermittelt) вещами“, и 2) о праве: „Формальное осуществление (Vermittlung) отношения капитала“ (значит, общественного отношения) — договор между рабочим и капиталистом» (ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 18. л. 107). Приведенные мысли К. Маркса, однако, не могут служить подтверждением правильности термина, ибо П. И. Стучка неточно переводил «Капитал». В первой цитате речь идет об открытии Э. Уэйкфилда: «Он открыл, что капитал не вещь, а общественное отношение между людьми, опосредствованное вещами» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 775). То обстоятельство, что речь идет об открытии Э. Уэйкфилда, особой роли не играет, так как К. Маркс с ним соглашается; гораздо важнее другое — оказывается, речь идет об опосредствовании! То же самое относится и ко второй цитате (см. там же, стр. 407).

³⁷ «Вестник Социалистической академии», 1923, № 3, стр. 164.

чального присвоения». Существующие в этом обществе нравы и обычаи — «технические приемы, подсказанные опытом и инстинктом... Нет закона, нет права, а существует весьма прочное и тесное общество, которое нормируется разве только законами природы»³⁸. Эти высказывания имели принципиальное значение. Некоторые правоведы, считавшие себя марксистами, признавали существование права не только в классовом, но и в бесклассовом обществе³⁹.

Ссылки при этом на Ф. Энгельса заключали в себе опасность не только неверного толкования взглядов основоположников марксизма по этому конкретному вопросу, но и отрицания классового характера права. Ф. Энгельс употреблял такие термины, как «право на невесту», «материнское право», «право наследования по отцовской линии»⁴⁰, но пользовался словом «право» для обозначения принципов организации семьи, традиций и т. д., а не права в юридическом

---

³⁸ В отрицании наличия права в доклассовом обществе нашел свое выражение последовательно классовый взгляд на право. Это, в частности, признает и Дж. Хазард (см.: *Soviet Legal Philosophy*. Cambridge, Harvard University Press, 1951, p. XXIV).

³⁹ В. И. Вегер, критикуя взгляды П. И. Стучки, первобытное, или родовое, общество характеризовал как правовую организацию и в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» нашел подтверждение тому, что «семейная власть и семейное право старше любого государства» («Советское право», 1922, № 1, стр. 136). М. А. Рейснер, ссылаясь на эту же работу Ф. Энгельса, в отрицании П. И. Стучкой наличия права в бесклассовом обществе обнаружил поправку к взглядам К. Маркса и Ф. Энгельса, или, другими словами, ревизию их взглядов. «Первобытный коммунизм, — иронизировал М. А. Рейснер, — согласно открытию тов. Стучки, есть „доправное состояние“» («Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 180). М. А. Рейснер высказывания П. И. Стучки преподносил как простое переименование правовых норм и отношений, а употребление термина «технические правила» — как приравнение права «едва ли не к правилам улучшенного куроводства» (там же, стр. 180). Сторонником М. А. Рейснера в этом вопросе показал себя и М. А. Чельцов-Бебутов (см.: М. А. Чельцов-Бебутов. Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков, Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924, стр. 8).

⁴⁰ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 55, 59.

смысле. П. И. Стучка, правильно понимая это, *первым дал верное толкование высказываний Ф. Энгельса: «когда Энгельс говорил о „Mutterrecht“, то едва ли он понимал право в том же смысле, как Маркс, когда он говорил о „буржуазном праве“»*⁴¹.

Первобытные «людские обычаи и норобы» отличались своей простотой — «проще правил простого куроводства», и в этой связи, как в полемике с М. А. Рейснером пояснил П. И. Стучка, им употреблялся термин «технические правила». Можно также предположить, что упомянутым термином П. И. Стучка хотел подчеркнуть и бесклассовый характер первобытных социальных норм. Но, как бы то ни было, считать этот термин удачным для характеристики социальных норм первобытного общества нельзя⁴².

Разложение первобытного коммунизма начинается с возникновения мелкой частной собственности на землю. Это, по словам П. И. Стучки, первый фазис в развитии частной собственности.

Второй фазис развития частной собственности начинается с выделения семьи в отдельный двор и с появления значительного количества прибавочного труда, приведшего к захвату крупными землевладельцами земли в форме рабовладельческих латифундий или крепостнического хозяйства, а завершается он феодальной земельной собственностью.

⁴¹ «Вестник Социалистической академии», 1923, № 3, стр. 168.

Аргументацией П. И. Стучки воспользовались и другие авторы. В. И. Бошко в своей оценке спора между П. И. Стучкой и М. А. Рейснером почти дословно приводил слова П. И. Стучки (см.: Проф. В. И. Бошко. Очерки развития правовой мысли. Харьков, Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925, стр. 3).

⁴² См.: «Вестник Социалистической академии», 1923, № 3, стр. 168.

Е. Б. Пашуканис впоследствии, игнорируя значение для разработки науки общей теории права правильной интерпретации П. И. Стучкой взглядов Ф. Энгельса, признал, что Ф. Энгельс термины «право» и «закон» употреблял условно, но повторил вслед за М. А. Рейснером: «Это не значит, однако, что в бесклассовом обществе мы имеем дело только с чисто техническими правилами. Такое соображение выдвинул П. И. Стучка в споре с Рейснером» (Учение о государстве и праве. Под ред. Е. Пашуканиса. Партийное изд-во, 1932, стр. 30).

Третий фазис — капиталистическая собственность на землю и все средства производства. Здесь фактические отношения скрыты за юридическими формами: «И факт несомненный, что вся эта система банков и прочих коммерческих институтов, их юридическая и политическая структура (торговые, вексельные и всякие иные права, дипломатические, консульские и проч[ие] отношения) действительно составляют нарост над самыми естественными и простыми отношениями, их совершенно затемняющий»⁴³.

Переходный период от капитализма к коммунизму, начавшийся Октябрьской революцией, П. И. Стучка определял как последний фазис отмены частной собственности на средства производства. Переходная эпоха «вместо прежнего искусственного осложнения вносит естественное упрощение. Но имея свою форму государства, советский строй, она имеет и свой собственный характерный общественный строй, а равно и свое советское право»⁴⁴.

По сравнению с нашими современными знаниями развития форм собственности, фазисы ее развития, начертанные П. И. Стучкой, выглядят бледно, но все же отражают исторически преходящий характер частной собственности и вытекающих из нее социальных явлений, в том числе права частной собственности.

Вслед за К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным при изучении права П. И. Стучка исходил из классовой борьбы, классового интереса, подчеркивал, что право соответствует интересам господствующего класса. «Основным признаком той системы общественных отношений, — писал П. И. Стучка, — которая охватывается понятием „право“, мы отметили ее соответствие интересу господствующего класса»⁴⁵. П. И. Стучка выступал против вульгарного понима-

---

⁴³ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 27.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 29.

ния интереса класса как «простой суммы отдельных интересов». Этот интерес отличается от интересов индивидов и юридических коллективов. Руководствуясь ленинским определением класса, П. И. Стучка интерес класса считал «моментом, накладывающим отпечаток на всю совокупность борьбы данного класса. Это тот фокус, в котором отражается весь жизненный интерес данного класса. Этот интерес существует объективно, помимо воли самих членов класса, и степень сознания классом своего интереса — явление чисто историческое»⁴⁶.

Термин «воля», в котором преобладает субъективное начало, П. И. Стучка употреблял в отношении отдельных индивидов, а говоря о классе, старался избегать его. В марксистской литературе вопрос о воле в то время не был разработан, буржуазные авторы рассматривали волю как индивидуальное психическое явление, и это отпугивало П. И. Стучку. И когда В. И. Вегер пониманию права как общественного явления противопоставлял понимание права как волевого явления, находя волю «движущей передаточной силой... общественного процесса» и «исходным пунктом классовой борьбы»⁴⁷, П. И. Стучка, отвечая ему, проводил параллель между подобными взглядами и положениями психологической школы права, предлагал изучать классовую борьбу в связи с интересами классов: «Самый класс и его борьба определяются его „интересом“, его ролью в производстве и распределением средств производства»⁴⁸.

Прямое отрицание классовости права в советской юридической литературе в 20-х годах встречалось лишь в виде отдельных исключений⁴⁹, чаще встречалось отрицание косвенное. Это относится в частности к навязываемой М. А. Рейснером теории клас-

⁴⁶ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 34.

⁴⁷ «Советское право», 1922, № 1, стр. 136.

⁴⁸ Там же, № 2, стр. 136—137.

⁴⁹ См., напр.: С. Драницын. Конституция Российской Социалистической Федеративной Республики в ответах на вопросы. Петербург, Госуд. изд-во, 1922, стр. V—IX.

сово-плюрального права как единственной марксистски правильной теории⁵⁰.

«Но против второй части своего определения, что право есть система отношений, „соответствующая интересам господствующего класса“, — читаем у М. А. Рейснера, — сам тов. Стучка возражает и достаточно полно и убедительно»⁵¹. Далее М. А. Рейснер перечислял отдельные положения из книги «Революционная роль права и государства», якобы подтверждающие, что право защищает не только интересы

⁵⁰ Это условное обозначение предложено нами для отражения специфики концепции М. А. Рейснера, суть которой заключается в признании имеющимся налицо в классовом обществе у каждого класса своего права наряду с правом общим, примиряющим классовые противоречия. Этот взгляд достаточно ясно отражен в брошюре «Право и революция», написанной М. А. Рейснером в период между Февральской и Октябрьской революциями. Считая право продуктом душевных переживаний человека, М. А. Рейснер признал наличие у каждого класса «мерки для справедливости», «своего права». Различные интересы различных классов примиримы, и «как только революция утихает ... начинается работа примирения ... справедливости, выгодной для стоящих наверху, и справедливости, в которую верят и которой требуют трудящиеся» (Проф. М. Рейснер. Право и революция. Петроград, 1917, стр. 22). В результате примирения вырабатывается общая для всех справедливость, или право. «Примирить по-новому правду пролетария и капиталиста, правду помещика и крестьянина», — утверждал М. А. Рейснер, — можно только «твердым, писаным законом (но все же примирить! — А. П.)» (там же, стр. 28). После Октябрьской революции М. А. Рейснером вначале отстаивались отдельные элементы конструкции: понимание права как правосознания; множественность справедливости (см.: Проф. М. А. Рейснер. Государство буржуазии и РСФСР. Москва—Петроград, Госуд. изд-во, 1923, стр. 104); выступление против права господствующего класса в рецензии «Общая теория права тов. П. И. Стучки». В развернутом виде конструкция была дана в 1925 году в книге «Право. Наше право. Чужое право. Общее право», где признается наличие в момент проведения новой экономической политики пролетарского, крестьянского и буржуазного права плюс еще одно право — «громадный аппарат умиротворения и примирения». К последнему, по-видимому, относится фраза, что происходит «юридически некоторый компромисс трех классовых систем права» (М. Рейснер. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.—М., Госуд. изд-во, 1925, стр. 222, 224). Если свести к одному знаменателю всю эту употребляемую М. А. Рейснером терминологию, то получится, что право, с его точки зрения, в конечном счете — надклассовое явление.

⁵¹ «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 179.

господствующего класса, но оно создается и угнетенными против «интересов господствующего класса». В качестве такового упомянуто рабочее законодательство как право рабочего класса в буржуазном обществе и провозглашенное немецкими социалистами «своим особым правом». Любопытен в этом отношении следующий «аргумент» М. А. Рейснера, в дальнейшем позаимствованный И. П. Подволоцким. «Ход нашей революции до октября, а отчасти и после него, — пишет М. А. Рейснер, — прекрасно показывает наличность не только „двоевластия“, но и самого настоящего правового дуализма, когда у буржуазии оказывается одно право, а у пролетариата — другое»⁵². Таким образом, добавив к двоевластию, о чем писал П. И. Стучка⁵³, и правовой дуализм, М. А. Рейснер считал опровергнутым отстаиваемое П. И. Стучкой марксистское понимание классового характера права.

И. П. Подволоцкий в правовом дуализме обвинил П. И. Стучку, приписывая ему отрицание классового характера права. «Тов. Стучка, правда очень неопределенно, как будто бы признает существование одновременно двух систем права, или права двух классов»⁵⁴, — читаем у И. П. Подволоцкого. Далее он ставит П. И. Стучке два вопроса: в руках какого класса после Февральской революции находилась государственная власть? какая тогда была система права? Сам же и отвечая на вопросы, И. П. Подволоцкий изложил свой взгляд на характер государственной власти и развития права в период между Февральской и Октябрьской революциями, основные положения которого следующие: государственная машина тогда находилась в руках капиталистов, а классовые организации пролетариата являлись «государственной властью в потенции». Применительно к праву эта же мысль была выражена следующим образом: «О существовании двух прав в то время, когда господствуют определенно капиталистические отношения, когда прави-

⁵² «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 179.

⁵³ См.: П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 38.

⁵⁴ И. Подволоцкий. Марксистская теория права. Очерк. Москва—Петроград, Госуд. изд-во, 1923, стр. 183.

тельство находится в руках класса капиталистов, конечно, смешно и говорить»⁵⁵.

Критика в адрес П. И. Стучки по поводу отстаивания им классовости как важнейшего признака права и его ответы на нее не требуют подробного разбора, ибо уже сам факт критики свидетельствует о положительной роли, сыгранной П. И. Стучкой. Иначе обстоит дело с проблемой права во время назревания и проведения социалистической революции. В статье «В защиту революционно-марксистского понятия классового права» П. И. Стучка писал о переходном времени двоевластия, «когда могут быть параллельно в силе права, относящиеся к интересам двух различных классов»⁵⁶. Отвечая И. П. Подволоцкому, он напомнил о серьезности проблемы двоевластия и права в революционные моменты⁵⁷. Ошибался или был прав П. И. Стучка, когда допускал в момент революции одновременное существование систем права двух классов?

Начнем с вопроса о характере двоевластия. После Февральской революции одновременно существовали две власти, или две диктатуры, — диктатура буржуазии и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства⁵⁸. Наряду с государственным аппаратом буржуазии, в лице Советов стал складываться аппарат государства нового типа, который и осуществлял революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства⁵⁹. В. И. Ленин 10 апреля 1917 года констатировал: «Республика Советов рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов, объединенных Всероссийским Учредительным собранием народных представителей или Советом советов и т. п., — вот что уже входит в жизнь у нас теперь, в данное время...»⁶⁰.

⁵⁵ И. Подволоцкий. Марксистская теория права. Очерк. Москва—Петроград, Госуд. изд-во, 1923, стр. 184—185.

⁵⁶ «Вестник Социалистической академии», 1923, № 3, стр. 161.

⁵⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 18, л. 107.

⁵⁸ См.: История КПСС. Т. 2. М., Политиздат, 1966, стр. 690.

⁵⁹ См.: Акад. И. И. Минц. История Великого Октября. Т. I. М., изд-во «Наука», 1967, стр. 816.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 162—163.

В какой степени двоевластие связано с наличием двух систем права, до сих пор в нашей юридической литературе не исследовано. Приведем несколько примеров, подтверждающих, что у П. И. Стучки для подобного суждения было достаточно оснований.

Один случай описывает сам П. И. Стучка, правда, в качестве иллюстрации отношения Временного правительства к царским законам. Дворец балерины Кшесинской был революционным путем захвачен народом и предоставлен в пользование Центрального Комитета и Петроградского Комитета РСДРП(б). Кшесинская обратилась в суд с иском о выселении захватчиков, и хотя «процесс был безнадежно проигран юридически» и суд иск удовлетворил, «дворец у ПК (Петроградского Комитета РСДРП(б). — А. П.) все-таки остался»⁶¹.

Другой пример — «Приказ № 1 от 1 марта по гарнизону Петрограда» Петроградского Совета, которым предписывалось избрание комитетов во всех воинских частях, подчинение воинских частей Совету и избранным комитетам, уравнивание солдат в правах со всеми гражданами⁶².

Интересным примером является также осуществление решениями Московского, Харьковского и других Советов пункта программы-минимум РСДРП(б) о введении восьмичасового рабочего дня⁶³.

Эти и другие факты деятельности Советов предопределяют вывод, что, хотя господствующим правом между Февральской и Октябрьской революциями оставалось буржуазное право, одновременно складывалась система революционного, в зачатке пролетарского, права как в форме правоотношений, так и в виде актов Советов, соответствующих программным требованиям партии большевиков, отражающих инте-

---

⁶¹ См.: П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 74—75.

⁶² См.: Акад. И. И. Минц. История Великого Октября. Т. I. М., изд-во Наука, 1967, стр. 588.

⁶³ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия вторая. Т. VII. М., изд-во «Наука», 1967, стр. 37.

ресы трудящихся. Классовая борьба проявлялась и в форме столкновений двух правовых систем, и во многих случаях, как это видно на примере дела о дворце Кшесинской, фактическое соотношение классовых сил обеспечило возникновение и охрану выгодных пролетариату правоотношений, хотя они и противоречили нормам буржуазного права. С другой стороны, Советы обладали достаточной властью для обеспечения проведения в жизнь норм права, содержащихся в их актах⁶⁴. Но такая ситуация возможна только временно, в конце концов события должны привести к торжеству либо буржуазной, либо новой (пролетарской) системы права. Временную ситуацию П. И. Стучка не возводил в закономерность. Как правило, право соответствует интересам господствующего класса.

Следующий рассматриваемый П. И. Стучкой признак права — *охрана его организованной силой господствующего класса*, которая обусловлена интересом господствующего класса в праве⁶⁵. Под организованной силой господствующего класса П. И. Стучка понимал «в первую голову — государство», являющееся

⁶⁴ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия вторая. Т. VII. М., изд-во «Наука», 1967, стр. 44—45.

⁶⁵ Этот признак права также некоторыми юристами оспаривался с разнообразной мотивировкой. В. И. Вегер отвергал его косвенным путем: сначала возникает право, а потом — государство как «самая сильная правовая организация», но, раз возникнув, государство является правотворцем, и «государственное право (противопоставляемое В. И. Вегером существовавшему до возникновения государства какому-то иному праву. — А. П.), как наиболее универсальное, господствует над всеми правовыми отношениями» («Советское право», 1922, № 1, стр. 136).

М. А. Рейснер от этого признака отказался вообще, ссылаясь на следующие аргументы: право не всегда защищает интересы господствующего класса; убеждать можно и без организованной силы (см.: «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 179) .

П. И. Стучка, отстаивая изложенные в книге «Революционная роль права и государства» мысли, разъяснил: государство издает законы, «но это еще не есть, по крайней мере, все право...» («Советское право», 1922, № 2, стр. 137), а основа охраны права государством состоит в том, что «она соответствует, т. е., по крайней мере, не противоречит интересу этого класса» («Вестник Социалистической академии», 1923, № 3, стр. 163).

монополистом в деле охраны права, однако термин «государство» счел целесообразным не включать в определение права, учитывая существование переходных моментов от негосударства к государству, периодов двоевластия и, наконец, специфику международного права.

П. И. Стучка не ограничивает связи между государством и правом какой-нибудь одной формой, а допускает возможность существования разнообразных, меняющихся форм этих связей. Он говорит о функции государства по охране, обеспечению права, так как «право, вошедшее в сознание людей и превратившееся в его вторую природу... проводится в жизнь в громадном большинстве случаев без всякого принуждения»⁶⁶, по-видимому, имея в виду прежде всего советское право. Для осуществления советского права необходима повседневная разъяснительная и воспитательная работа, пропаганда права и т. д. П. И. Стучка предложил создать откровенно классовый аппарат политического воспитания, цель деятельности которого — углублять классовое сознание рабочих и других масс трудящихся. В процессе строительства социализма, как предугадал П. И. Стучка, классовые противоречия в нашем обществе будут постепенно исчезать, принуждение все более будет заменяться убеждением. «По мере успокоения внутреннего и внешнего фронта, — писал П. И. Стучка, — по степени вхождения в жизнь нового курса в дисциплине масс, принуждение отмирает и усиливается момент убеждения...»⁶⁷. Следовательно, хотя это определение не было совершенно, оно верно давало диалектико-материалистическое классовое понимание права в его органической связи с государством.

В. И. Ленин в книге «Государство и революция» обратил внимание на отношение пролетарской революции к политической и юридической надстройке, а

---

⁶⁶ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 39.

⁶⁷ Там же, стр. 51.

также на необходимость исследования революционных процессов в отдельных частях надстройки при переходе общества от капитализма к коммунизму. Ленинские положения применялись П. И. Стучкой для выяснения воздействия права на развитие экономического базиса и общества в целом. Этой проблеме посвящена глава «Право — революция».

Рассмотрение вопроса о соотношении права и революции П. И. Стучка начинает с критики попыток деятелей Февральской буржуазно-демократической революции в России и Ноябрьской революции в Германии использовать нормы старого права для узаконения революционных преобразований. По существу то же самое делали так называемые юридические социалисты в теории, отделяя политическую революцию от социальной и провозглашая последнюю правовым процессом.

Объяснить «объективный дуализм между действующим „положительным“ правом класса угнетателей и „революционным отрицательным“ правом класса, ныне угнетенного»⁶⁸, по мнению П. И. Стучки, можно только с революционной классовой точки зрения. П. И. Стучка, исходя из учения марксизма-ленинизма об обратном воздействии надстройки на развитие базиса, об активной роли права, одним из первых в нашей юридической литературе обосновал тезис о революционной роли права восходящего класса.

А. Я. Вышинский приписал П. И. Стучке и его последователям лишение права его активной, творческой роли⁶⁹. Подобное утверждение беспочвенно. Проследим вкратце, как П. И. Стучка в книге «Революционная роль права и государства» на историческом фоне раскрывает активную роль права.

«Первое право явилось именно результатом революционных сотрясений», — указывает П. И. Стучка. Оно возникает путем закрепления в интересах фактически господствующего класса социального факта

⁶⁸ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 57.

⁶⁹ См.: Основные задачи науки советского социалистического права. М., Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938, стр. 32.

грабежа и насилия в юридическую норму, но оно явилось актом революционным, установившим «как общее правило, отрицание первобытного коммунизма и его замену обществом, основанным на почве частной собственности»⁷⁰.

Римское право в период своего возникновения сыграло революционную роль. Такую же революционную роль оно сыграло в XI в., когда послужило «облачением» для предшественников «призрака» капитализма. Революционным, в смысле ломки феодальных и утверждения капиталистических отношений, П. И. Стучка называет и кровавое законодательство Англии XV в.

Совершенно иная по своей сущности революционная роль советского права. Право восходящих эксплуататорских классов, которое определенное время играло известную революционную роль, формировалось на почве сложившихся новых общественных отношений в недрах старого общества и содействовало лишь их упрочению и закреплению. Нормы пролетарского права не застают готовых новых социалистических общественных отношений и поэтому зачастую содержат только программу социальных фактов. Частное проявление этой закономерности — встречавшаяся иногда непосредственно после Октябрьской революции необходимость повторять декреты. «Первые декреты часто лишь подготавливали почву, выставляли программу, — писал П. И. Стучка, — а в социальные факты превратились лишь в единичных случаях. А когда эти факты учащались, повторение декрета в примененной к условиям форме уже сделалось действительно общереволюционным фактором»⁷¹.

Главу «Право — революция» П. И. Стучка заканчивает примечательными словами: «Не следует слишком преувеличивать значения права и закона, как революционного фактора, но еще в меньшей степени преуменьшать эту роль»⁷².

---

⁷⁰ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 62.

⁷¹ Там же, стр. 77.

⁷² Там же.

Своей книгой П. И. Стучка возглавил борьбу против нигилистического отношения к праву, наблюдавшегося даже среди некоторой части коммунистов в первые годы Советской власти.

В книге *«Революционная роль права и государства»* дана последовательная марксистско-ленинская критика буржуазных доктрин права. Кроме содержащегося в каждой главе критического разбора взглядов представителей буржуазной правовой науки по тому или иному вопросу, книга содержит отдельную главу «История дореволюционного правопонимания», в которой дан критический очерк развития правовой мысли эксплуататорских классов.

Сущность любой теории или школы права определяется прежде всего местом, которое занимает, и ролью, которую играет в обществе тот класс, интересы которого данная теория выражает. Прогрессивный класс является носителем прогрессивных правовых идей, а реакционный класс — почитателем реакционных идей. Идеи восходящих эксплуататорских классов со временем становятся реакционными, как и сами эти классы, что отчетливо продемонстрировала эволюция теории естественного права.

Теория естественного права XVII—XVIII вв. не представляла ничего иного как «только правовую, т. е. политическую, программу восходящего класса буржуазии», следовательно, она отражала формирующееся правосознание буржуазии. В результате победы буржуазной революции правосознание буржуазии было воплощено в нормах буржуазного права. Теория естественного права получила свое воплощение в буржуазном праве. Дуализм между теорией и положительным правом исчез, но продолжал существовать «между писанным законом и действительным правом буржуазной демократии». Лозунг «назад к естественному праву», появившийся в конце XIX в., свидетельствует уже о пропасти, образовавшейся между отживающим свое время буржуазным строем и будущим социальным строем. В этих условиях

теория естественного права стала уже реакционной.

П. И. Стучка разоблачил и реакционную сущность психологической теории права Л. И. Петражицкого. Насколько она далека от марксизма, можно судить уже по ее популярности в кадетских кругах царской России. Теория, выражающая интересы либеральной буржуазии, не может быть примирена с марксизмом.

Значительное внимание П. И. Стучка уделял разоблачению реакционной сущности и других «новейших» буржуазных теорий (Р. Иеринга, Р. Штаммлера, Л. Гумпловича). Особенно он ополчился против так называемых юридических социалистов, в частности — А. Менгера. Разоблачение буржуазного правопонимания П. И. Стучка рассматривал как важную предпосылку утверждения марксистско-ленинского, подлинно научного правопонимания.

Второе издание книги «Революционная роль права и государства» было дополнено заключительной главой «Право и правоведение». П. И. Стучка призвал советских правоведов заново определить предмет и методологию правоведения. Правоведение относится к общественным наукам, наиболее близка к политической экономии и социологии, и с учетом их достижений должно вести исследование правовой формы. Разграничение этих наук по предмету изучения П. И. Стучка намечал следующим образом: предмет экономических наук — отношения производства и распределения по их существу, социологии — общество в целом и законы его развития, а правоведения — «формы общественных отношений». Правоведение, в свою очередь, делится на теорию и технику; первая из них непосредственно изучает правовую форму во всем многообразии, вторая — «средство и способ формулировки и осуществления права». Весьма важны были указания П. И. Стучки относительно метода изучения права. «Настоящий юрист, для которого весь предмет права заключается в готовых статьях, нормах закона, является чистейшим догматиком, — писал он. — ... мы право ищем в общественных отно-

шениях. Наш метод определяется применением диалектики к изучению этих отношений»⁷³.

Значение книги «Революционная роль права и государства» имеет смысл рассматривать в нескольких аспектах.

*Прежде всего следует отметить, что данная работа представляет собой первый целостный труд по общей теории права, систематическое изложение ведущих проблем общей теории права на основе марксизма-ленинизма*⁷⁴.

Этой книгой П. И. Стучка способствовал утверждению марксистско-ленинских идей в науке права. Взгляды классиков марксизма-ленинизма на право нигде до этого не были систематизированы. Говоря о юридической литературе, П. И. Стучка пояснил: «Я, когда писал свою книжку, я ни в одной не нашел определения классового характера (права — А. П.), ни у одного марксиста заграничного, кроме тех слов, которые были известны у нас в России»⁷⁵.

Намеченный П. И. Стучкой круг проблем, относящихся к науке общей теории права, как и предложенная им примерная система науки, способствовал разработке проблем общей теории права в нашей стране. Можно только согласиться с мнением Г. Я. Клявы, что книга П. И. Стучки «Революционная

---

⁷³ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Изд. 2-е, изд. СА, 1923, стр. 151—152.

⁷⁴ В 1923 году П. И. Стучка писал, что он «дал или пытался дать цельную концепцию, целостное понимание права» (П. Стучка. Революционная роль права и государства. Изд. 2-е, изд. СА, 1923, стр. 8).

Г. Я. Клява констатирует, что «этой книгой было положено начало разработке вопросов марксистско-ленинской общей теории права как особой отрасли советской правовой науки» (сб. «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Рига, изд-во «Звайгзне», 1965, стр. 109).

Роль книги в развитии общей теории права вынуждены признать и некоторые буржуазные ученые (см.: Soviet Legal Philosophy. Cambridge, Harvard University Press, 1951, p. XXI—XXII; Hans Kelsen. The Communist Theory of Law. London, 1955, p. 62).

⁷⁵ ААН СССР, ф. 350, оп. 1а, д. 19, л. 41.

роль права и государства» способствовала появлению в 1923 и 1924 гг. ряда монографических исследований других авторов по общей теории права⁷⁶.

Ценность книги состоит также в том, что П. И. Стучка, основываясь на учении марксизма о классовом характере идеологии, опираясь на указания В. И. Ленина об отражении в происходящей в теории государства борьбе взглядов борьбы различных классов между собой⁷⁷, последовательно отстаивал тезис о классовом, партийном характере всякой науки права, о непримиримости марксистско-ленинского правопонимания с буржуазным.

Мысль П. И. Стучки о коренном отличии марксистско-ленинской науки о праве от буржуазной уловил один из основоположников школы нормативизма Г. Кельзен, который в книге «Коммунистическая теория права» пишет: «Так же, как Ленин, который псевдонауке о государстве, развитой буржуазными учеными, противопоставил настоящую науку, свою доктрину государства, Стучка противопоставил буржуазной доктрине права, которую он считает ненаучной, действительно научную доктрину, свою марксистскую доктрину права»⁷⁸. (Пер. мой. — А. П.) Но, разумеется, эта мысль оказалась не по душе такому правоверному идеологу буржуазии, как Г. Кельзен, и он в своей книге ее опровержению посвятил целый параграф «Научный характер юриспруденции и признание классового характера права», в котором пытается доказать, что буржуазная наука все же является наукой, хотя и не признает классового характера права, т. е. не стоит на откровенно классовых позициях. Для этого Г. Кельзен ссылается на якобы присущую буржуазной юриспруденции объективность: мол, некоторые буржуазные ученые не только оправдывают капиталистическую систему, но и выступают против нее

---

⁷⁶ См.: сб. «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Рига, изд-во «Звайгзне», 1965, стр. 110.

⁷⁷ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

⁷⁸ Hans Kelsen. The Communist Theory of Law. London, 1955, p. 71.

(эту констатацию Г. Кельзен ничем не подтверждает и не может подтвердить, так как таких буржуазных ученых не существует). Явно извращая мысли П. И. Стучки, Г. Кельзен приписывает ему отрицание научного характера буржуазной науки из тех соображений, что она стоит на точке зрения класса, враждебного рабочему классу. Г. Кельзен пытается доказать, что с этих позиций и советская юриспруденция тоже не может быть объективной наукой, ибо она стоит на точке зрения рабочего класса, враждебного классу капиталистов⁷⁹. Но П. И. Стучка вполне определенно писал, что наука о праве «может сделаться наукою, лишь став на классовую точку зрения (безразлично, на точку ли зрения рабочего или враждебного ему класса, но классовую)». П. И. Стучка дал вполне обоснованный ответ на вопрос, почему это невозможно для буржуазной науки: «Может ли она это? Нет, она не может. Ибо, внося революционную (классовую) точку зрения в понятие права, она „оправдала“ бы, сделала бы законною и пролетарскую революцию»⁸⁰.

Наконец, следует подчеркнуть, что *книга «Революционная роль права и государства» оказала решающее влияние на формирование марксистско-ленинского правопонимания советских юристов*⁸¹. Долгое время она являлась настольной книгой советских юристов по теории государства и права.

⁷⁹ Hans Kelsen. The Communist Theory of Law. London, 1955, p. 74.

⁸⁰ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 10.

⁸¹ В этом отношении любопытно письмо, полученное П. И. Стучкой в декабре 1922 года от предсовнарсуда Армянской ССР А. Есяяна. Содержание письма следующее:

«Дорогой друг — учитель Стучка! Сейчас в 1 час 15 минут ночи я кончил чтение Вашей книги „Революционная роль права и государства“. Смешно в моем возрасте (30 лет) прибегать к таким приемам благодарности, свойственным истеричкам-барышням в отношении любимчиков артистов и певцов, но простите за человеческую слабость и примите мою искреннюю благодарность за то, что меня из слепого сделали зрячим.

Я кончил юридический факультет Московского университета и в течение 4 лет изучал право, но, по совести сказать, ничего из всей этой путаницы не вынес.

Работая над книгой «Революционная роль права и государства», П. И. Стучка задумал капитальный труд, который, согласно первоначальному плану, должен был состоять из двух частей: первая — общее учение о праве и государстве; вторая — изложение советского гражданского права⁸². П. И. Стучка выполнил намеченный им план. В 1922 году была опубликована книга «Учение о государстве и о Конституции РСФСР», в 1927—1931 гг. — трехтомник «Курс советского гражданского права». Задуманное им впоследствии пособие по советскому уголовному праву П. И. Стучка написать не успел.

§ 3. СИНТЕТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ПРАВА

После выхода работы П. И. Стучки «Революционная роль права и государства» разгорелся спор вокруг понимания права, данного в книге. По существу критика была направлена против материалистически-диалектической методологии исследования права, в том числе против классового и всестороннего подхода к праву как общественному явлению¹. В ряде статей 1922 и 1923 гг. П. И. Стучка не только дал отпор кри-

---

Не потому, что изучал эту „науку“ плохо (я занимался добросовестно и много), а потому, что сама „наука“ была малопутная. Я удовлетворительно был знаком и с марксизмом, но путаницу такую создали в университете, что теорию Маркса не удавалось применять к распознаванию права.

Впервые основательно, по-человечески, а не по „ученому“ я распознал учение о праве и государстве. В течение 2 дней я приобрел то, что не мог приобрести в университете в течение 4 лет и последующих 4 лет судебной практики.

Примите мою благодарность и любовь...» (ПА ЦК КПЛ, ф. 55, оп. 7, д. 3, лл. 6—7).

⁸² См.: П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 5.

¹ Пожелание В. И. Вегера удалить из следующего издания книги определение права, данное в Руководящих началах, П. И. Стучка воспринял как требование отказа от «определения понятия классового права» и ответил: «Сдать в архив классовое понятие права мне так легко не хотелось бы» («Советское право», 1922, № 2, стр. 136).

тикам, но и развил дальше свои мысли о сущности права.

П. И. Стучка (статья «Революция и право») обратил внимание на взаимозависимость трактовки правосознания и понимания права в целом. Если право — только совокупность законов, то правосознание может выражаться «только в сознании именно смысла этих законов», а пониманию права как системы общественных отношений соответствует... правосознание как «сознание классового интереса»².

Правосознание П. И. Стучка понимал как составную часть мировоззрения класса в целом. В статье «Марксистское понимание права», ссылаясь на выявленную Ф. Энгельсом закономерность замены в ходе буржуазной революции средневекового христианского мировоззрения буржуазным юридическим, П. И. Стучка метко изложил задачу проведения идеологической борьбы в социалистической революции: «Мы после победы пролетариата с полным правом буржуазному или юридическому мировоззрению должны противопоставить пролетарское или коммунистическое»³. Следовательно, П. И. Стучка четко противопоставил буржуазному правосознанию классовое пролетарское правосознание. Новое мировоззрение и как часть его — вопрос о праве необходимо разработать, причем последний должен «в теории исторического материализма занять одно из первых мест»⁴.

Раздел «Класс и право» в статье «Марксистское понимание права» П. И. Стучка, как и в книге «Революционная роль права и государства», начинается с разбора понятий класса и классовой борьбы. «Революционная классовая борьба заключается в борьбе вокруг права, из-за права, во имя своего классового права»⁵, — писал П. И. Стучка. Свою мысль он подкреплял следующим аргументом: классовая борьба —

---

² П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 280—281.

³ «Коммунистическая революция», 1922, № 13—14, стр. 133.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 135.

это борьба за распределение средств производства, а последнее закреплено в праве собственности, а именно: «Словом право мы определяем охраняемое государственною властью классового государства распределение людей в производстве, т. е. распределение средств производства (частную собственность) и роль людей в производстве»⁶.

Во втором разделе статьи «Марксистское понимание права» под названием «Что такое право?» П. И. Стучка отстаивает определение права, данное в Руководящих началах, применяя такие философские категории, как форма и содержание. П. И. Стучка полагает, что содержанием права являются общественные отношения, а закон составляет форму охраны этих отношений. В той же статье П. И. Стучка снова подверг критике буржуазную волевою теорию права, рассматривавшую волю как надклассовую и не зависящую от материальных условий жизни общества категорию. Волю П. И. Стучка понимал как «проявление классом сознания своего интереса», но так как сознание определяется бытием, то воля не свободна. В качестве примера П. И. Стучка упоминает советское законодательство, регулирующее проведение в жизнь новой экономической политики. Оно едва ли соответствует «„свободной воле“ класса пролетариата», ибо эта воля является «только отражением верного сознания классового интереса»⁷.

В третьем разделе статьи под названием «Экономика и право» П. И. Стучка дает опровержение контрреволюционным высказываниям К. Каутского и его последователей, что экономический базис России не соответствует созданной в результате Октябрьской революции надстройке. Вместо абстрактных рассуждений о соответствии или несоответствии уровня развития базиса надстройке П. И. Стучка на первый план выдвигает конкретный вопрос об активной роли надстройки, о возможности последней после победы

---

⁶ «Коммунистическая революция», 1922, № 13—14, стр. 138.

⁷ Там же, стр. 142, 145.

пролетариата способствовать развитию базиса⁸. П. И. Стучка указывает, что экономика определяет классовый состав общества, роль класса в производстве, интерес каждого класса, а равно его классовое сознание; все остальное зависит от исхода классовой борьбы. «Победив, класс проводит и охраняет свой классовый интерес, *свое право*». Конкретно, по отношению к пролетариату, это выражается в следующем — завоевав политическую власть, пролетариат старается воздействовать на экономику посредством своей власти⁹.

В четвертом разделе статьи «Марксистское понимание права» — «Классовое правосознание и революционная законность» — П. И. Стучка характеризует правосознание класса как «классовое сознание победившего класса»¹⁰. Это понятие нельзя принимать безоговорочно, ибо оно сужает границы как сознания, так и правосознания, но классовый характер правосознания оно отражает верно.

Почти аналогичные вопросы¹¹ разбираются в докладе «Заметки о классовой теории права»¹², в кото-

---

⁸ Подход П. И. Стучки к проблеме закономерности социалистической революции в России соответствовал известным высказываниям В. И. Ленина. В заметках на книгу Н. Суханова, продиктованных 16 января 1923 года, В. И. Ленин, отвечая на довод, что в России «нет... объективных экономических предпосылок для социализма», обратил внимание на наличие революционной ситуации, на борьбу народа с целью завоевать не совсем обычные условия для дальнейшего роста цивилизации. «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры... — указывал В. И. Ленин, — то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 380—381).

⁹ См.: «Коммунистическая революция», 1922, № 13—14, стр. 148.

¹⁰ Там же, стр. 149.

¹¹ На это указывают уже названия подразделов доклада: Наша задача. Классовое или общественное (демократическое) право. Система ли отношений или совокупность норм? «Базис и надстройка». Классовое сознание и правосознание. Заключение.

¹² См. стр. 222—223 в наст. книге.

ром, кроме того, П. И. Стучка излагает свое толкование содержащихся в предисловии «К критике политической экономии» и в работе «Из экономических рукописей 1857—1858 годов» марксовых положений о базисе и надстройке. В предисловии, по мнению П. И. Стучки, К. Маркс «говорит об „отношениях производства“, или, „выражаясь по юридически, отношениях собственности“»¹³. Далее П. И. Стучка цитирует «Из экономических рукописей 1857—1858 годов»: «Самым трудным пунктом... подлежащим здесь разрешению... является вопрос о том, как производственные отношения, в качестве правовых отношений, вступают на неодинаковый (на неравный) путь развития...»¹⁴. Смысл знаменитого изречения К. Маркса об отличии переворота в экономических условиях производства от идеологических форм, в которых этот переворот отражается, заключается в противопоставлении бытия (базиса) сознанию (надстройке). П. И. Стучка пишет: «Нет сомнения, что здесь под формами подразумеваются именно проявления сознания, что, значит, отношениям производственным или, что то же самое, только выраженное юридически, отношениям собственности, т. е. самому основному праву, а именно собственности, противопоставляются те формы, в каких люди его „фиксируют“ (законы), его охраняют (юстиция, полиция, религия), его пропагандируют (философия и вообще идеология). А самый конфликт разыгрывается уже между правом (собственностью) и его фиксацией, чтобы воспользоваться популярным у наших марксистских юристов словечком, и формами его охраны»¹⁵. Другими словами, правовые отношения принадлежат к базису, тогда как правовые нормы и правосознание — к надстройке¹⁶.

---

¹³ «Советское право», 1922, № 3, стр. 10.

¹⁴ Там же, стр. 12.

¹⁵ Там же, стр. 13.

¹⁶ Правильность такого понимания подтверждается и ссылкой к статье «Марксистское понимание права», в которой П. И. Стучка сообщает, что в опубликованной в журнале «Советское право» статье «я (т. е. П. И. Стучка. — А. П.) пытаюсь

Подобная интерпретация П. И. Стучкой К. Маркса в докладе «Заметки о классовой теории права» неоднократно преподносилась как противоречащая марксизму. И. П. Подволоцкий считал, что П. И. Стучка не понял К. Маркса. «Очевидно, — писал он, — Маркс думал не так, как понял его тов. Стучка»¹⁷. А. Я. Вышинский перевод приведенной П. И. Стучкой цитаты из предисловия «К критике политической экономии» считал неточным, а доказываемое якобы П. И. Стучкой положение, «что юридические или правовые отношения это и есть производственные отношения, и что, следовательно, право и есть форма этих отношений» — неправильным¹⁸.

Попробуем разобраться в этих утверждениях.

✓ Во-первых, для П. И. Стучки право — прежде всего правовые отношения, независимо от того, идет ли речь о системе общественных отношений или о производственных отношениях, выраженных юридически.

Во-вторых, перевод цитаты, используемой П. И. Стучкой, несколько отличается от ныне общепринятого перевода¹⁹. Но К. Маркс ведь действительно говорил о «производственных отношениях, как правовых отношениях . . .»²⁰. Эти, тоже приводимые П. И. Стучкой слова К. Маркса А. Я. Вышинский вообще упустил из виду, но именно они важны для объективного решения спора, так как, судя по этому высказыванию, К. Маркс не пытался отгородить произ-

---

доказать . . . что под базисом Марксом понималось право, как отношение производства . . . Надстройка же для него — „форма сознания“ этих отношений, как права» («Коммунистическая революция», 1922, № 13—14, стр. 147).

¹⁷ И. Подволоцкий. Марксистская теория права. Очерк. Москва—Петроград, Госуд. изд-во, 1923, стр. 171.

¹⁸ Проф. А. Я. Вышинский. Вопросы права и государства у К. Маркса. М., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 17.

¹⁹ «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7).

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 736.

водственные и правовые отношения, признавал единство этих общественных явлений²¹.

В статье «Материалистическое или идеалистическое понимание права?», опубликованной в январе 1923 года, впервые содержится идея многогранности правовой формы. Развивая далее мысль предыдущей статьи о базисе и надстройке, П. И. Стучка раскрыл тройственный характер правового отношения, которое существует как «конкретная форма общественного отношения», совпадающая (но не тождественная) с общественным отношением, как «абстрактная форма общественного отношения», или «законная форма», и, наконец, как «интуитивная форма»²². Все эти формы взаимозависимы и взаимообусловлены: «Бытие (в форме конкретной социальной формы) отражается в сознании отдельных индивидов или целого класса (форма III, или идеология права) и через это сознание оказывает воздействие на абстрактную форму (в виде закона), которая, в свою очередь, регулирует или стремится регулировать I форму»²³.

Для существования права не всегда требуется наличие всех трех его форм. Так как «объективный момент, материальную сторону права» П. И. Стучка видел в первой форме, то он допускал возможность существования этой формы и при отсутствии второй формы права. В качестве примера он приводит факт почти полного отсутствия законов в народном суде непосредственно после Октябрьской революции.

При подготовке второго издания книги «Революционная роль права и государства» П. И. Стучка переработал и дополнил предложенную им концепцию права, подойдя к его синтетическому пониманию²⁴.

---

²¹ Более подробная оценка этому взгляду будет дана при разборе второго издания книги «Революционная роль права и государства».

²² «Под знаменем марксизма», 1923, № 1, стр. 168—170.

²³ Там же, стр. 170.

²⁴ На выводах трех статей («Марксистское понимание права», «Заметки о классовой теории права», «Материалистическое или идеалистическое понимание права?»), по признанию самого П. И. Стучки, основана вновь включенная во втором изда-

П. И. Стучка не употреблял термин «синтетическое понимание права». Автором этого термина является В. П. Казимирчук. Характеризуя проделанную П. И. Стучкой работу, В. П. Казимирчук пишет о «широком, синтетическом подходе к изучению права» как наиболее ценном в учении П. И. Стучки²⁵.

Синтетическое понимание права означает понимание права не только как совокупности норм, но как сложной надстройки, не просто как суммы компонентов, а как органического единства правовых отношений, правовых норм и правосознания в их взаимодействии и в то же время обусловленности в конечном счете экономическим строем и классовыми отношениями.

П. И. Стучка считал, что «общественные отношения», или «экономические отношения», как им назывались материальные общественные отношения, имеют три правовые формы. Первая форма — конкретная форма, совпадающая с материальными общественными отношениями. «Совпадение» не означает тождества! П. И. Стучка рассматривал правоотношение как форму, содержанием которой является материальное общественное отношение. Вторая форма — «абстрактная форма, провозглашаемая в законе», которая

ниги книги глава «Право как система общественных отношений» (см.: П. Стучка. Революционная роль права и государства. Изд. 2-е, изд. СА, 1923, стр. 58). Это пояснение с полным основанием можно отнести и к другой, заново разработанной главе «Правовое отношение и его анализ». Две новые главы являются самым существенным изменением во втором издании книги, по сравнению с первым. Кроме того, глава «Разграничение отраслей права» была дополнена разбором вопросов: понятие правоправедения и его задачи; деление правоправедения на теорию и технику; методология правоправедения; отношение права к нравственности, правоправедения — к этике и включена под названием «Право и правоправедение», а глава «Исторические заметки о советской организации власти» во второе издание не вошла.

Тексты второго и третьего изданий книги «Революционная роль права и государства» почти полностью, за исключением поправок редакционного характера, идентичны. Поэтому третье издание отдельно в работе рассматриваться не будет.

²⁵ См.: В. П. Казимирчук. Наука права и метод конкретно-социологического исследования. «Советское государство и право», 1964, № 1, стр. 40.

часто может и не совпадать с материальными общественными отношениями. Третья форма — тоже абстрактная, но уже интуитивная форма права. Провозглашая примат за конкретной правовой формой, П. И. Стучка нисколько не умалял значения абстрактных форм. «Конечно, происходит взаимное влияние этих форм одной на другую... — писал он. — Мы признаем безусловный и непосредственный примат за первой. Она влияет, с одной стороны, уже как факт, а с другой, — путем отражения в обеих абстрактных формах. Но его правовой характер зависит от последних и влияние последних может оказаться подчас решающим»²⁶.

Под системой общественных отношений П. И. Стучка понимал упорядоченную совокупность правоотношений. «Если мы разбиваем систему общественных отношений, относящуюся к данному правовому порядку, на ее составные части, — писал он, — то мы получаем массу так называемых правовых отношений»²⁷. Правоотношения в абстрактной форме составляют содержание норм права. Отношение к реально существующим и возможным правоотношениям составляет содержание правосознания. Во втором издании книги «Революционная роль права и государства» речь идет не только о содержании двух абстрактных правовых форм, а об этих явлениях как таковых.

Для уточнения определения права, данного в Руководящих началах, П. И. Стучка счел необходимым «более подчеркнуть слова „система или порядок” или заменить их иным словом, более ярко отмечающим сознательное участие человека в установлении этой „системы или порядка”»²⁸.

Во втором издании книги П. И. Стучка опять возвращается к понятию «система». Но если, полемизируя с М. А. Рейснером, в статье «В защиту революционно-марксистского понятия классового права» он не

²⁶ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Изд. 2-е, изд. СА, 1923, стр. 68.

²⁷ Там же, стр. 116.

²⁸ Там же, стр. 13—14.

шел дальше обоснования особого качества, придаваемого системой общественным отношениям, то теперь наличие системы он преподносит как фактор, объединяющий все три правовые формы. В первой правовой форме «система проявляется отчасти в силу хода экономического развития, отчасти же путем давления власти господствующего в данное время класса (не только законом, но и всем прочим аппаратом)»²⁹. Во второй форме она проявляется в кодификации и разъяснениях. И третья форма «принимает» систему, но, как это происходит, П. И. Стучка не объясняет.

П. И. Стучка считал, что правовые формы взаимодействуют как целые системы. Во взаимодействии трех форм права на почве экономического строя и классовой борьбы происходит развитие права, смена одного исторического типа права другим, причем в ходе этого процесса та или иная форма то становится доминирующей, то теряет эту роль. Первоначально, «в начале классового общества», все три формы совпадали. При феодальном общественно-экономическом строе право развито в первой форме («цельная конкретная система, можно было бы говорить даже о целом ряде феодальных систем»), вторая форма мало развита, третья — почти отсутствует³⁰. Буржуазное право начинает созревать во всех трех его формах: первая — городской капитализм как «конкретная система», вторая — «заимствованное римское право», третья — «естественное право и философия». К моменту буржуазной революции налицо уже все три правовые формы. Буржуазная революция в области права заключается в становлении господствующей до того неофициально существовавшей первой правовой формы (в сущности буржуазной) и в превращении третьей формы права (тоже буржуазной) во вторую.

Подобная постановка вопроса требует некоторого пояснения. В недрах феодального общества склады-

---

²⁹ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Изд. 2-е, изд. СА, 1923, стр. 69.

³⁰ Там же, стр. 70.

ваются капиталистические общественные отношения, возрождается интерес к римскому праву, правосознание нового класса — буржуазии — получает концентрированное выражение в доктрине естественного права. Но до тех пор, пока буржуазия не становится политически господствующим классом и ее интерес в праве не получает должного закрепления в системе правовых норм, не может быть и соответствующей этим нормам права системы правоотношений.

Иначе обстоит дело с пролетарским правом — в буржуазном обществе оно не зарождается. П. И. Стучка отрицал его существование в буржуазном обществе, в том числе и его третьей формы, на том основании, что только правосознание господствующего класса является частью права. Но отрицание существования пролетарского правосознания до социалистической революции вообще вследствие отсутствия для его выработки «данных до победы революции»³¹, конечно, неверно. Возникновение этого сознания в недрах капитализма отражено в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, в программных требованиях Коммунистической партии задолго до победы социалистической революции.

П. И. Стучка отметил характерную закономерность в развитии трех правовых форм после социалистической революции. «Наступает последняя революция, пролетарская, — писал П. И. Стучка, — и снова приближаются конкретная и абстрактная формы общественных отношений, ибо последняя основывается все более на открытых человечеством законах развития общества»³².

Во втором издании книги «Революционная роль права и государства» П. И. Стучка, как и в статье «Заметки о классовой теории права», отстаивает принадлежность правоотношений («системы конкретных общественных отношений», «конкретной формы правового отношения») к базису³³, ссылаясь в основном

³¹ П. Стучка. Революционная роль права и государства. Изд. 2-е, изд. СА, 1923, стр. 71.

³² Там же, стр. 74.

³³ Там же, стр. 65, 68.

на высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса. Насколько прав П. И. Стучка, судить трудно.

Начнем с рассмотрения аргументов, которые выдвигались против подобного взгляда в нашей юридической литературе. И. П. Подволоцкий утверждал, что, по К. Марксу, право — надстройка, а П. И. Стучка смешивает надстройку, т. е. право, с базисом, форму — с содержанием³⁴. Но как И. П. Подволоцкий сам понимает место права в структуре общественных отношений? «Сам базис (экономические отношения) под влиянием надстройки (права) становится правовыми отношениями», — читаем в очерке «Марксистская теория права». И далее: «Правовые отношения (явления, факты) есть экономические отношения, испытавшие на себе обратное действие надстройки — права (под правом подразумевались правовые нормы. — А. П.)»³⁵. Для нас становится очевидным, что И. П. Подволоцкий, приписывающий П. И. Стучке отождествление правовых отношений с экономическими, сам их идентифицирует и причисляет, таким образом, правоотношения к базису. По И. П. Подволоцкому, правоотношения не есть право, право — это совокупность норм. Упреки И. П. Подволоцкого в адрес П. И. Стучки поддержал Н. В. Крыленко. Признавая правоотношения в какой-то мере базисом по отношению к правовым нормам и правосознанию, Н. В. Крыленко категорически отвергает возможность отнесения, в прямом смысле этого слова, правоотношений к базису. Это, по его мнению, «явный вздор», а именно: «1) общественные отношения, т. е. жизненные, реальные отношения, в которых находятся люди, друг к другу образуют право; 2) эти обществен-

---

³⁴ И. Подволоцкий. Марксистская теория права. Очерк. Москва—Петроград. Госуд. изд-во, 1923, стр. 172—173; см. также стр. 174—175.

О сведении надстройки к базису, права — к экономике как о методологическом приеме П. И. Стучки писал И. П. Разумовский (см.: И. Разумовский. Проблемы марксистской теории права. М., Изд-во КА, 1925, стр. 35).

³⁵ И. Подволоцкий. Марксистская теория права. Очерк. Москва—Петроград, Госуд. изд-во, 1923, стр. 172.

ные отношения — базис; 3) право — базис...»³⁶. Действительно, силлогизм получился «вздорный», но это еще не доказательство «вздорности» взглядов П. И. Стучки, так как попросту он их не отражает.

И. В. Павлов суть допущенных, по его мнению, П. И. Стучкой серьезных методологических ошибок видит в отождествлении права с экономическим базисом. «Право, таким образом, — пишет И. В. Павлов, — отождествлялось им (П. И. Стучкой — А. П.) с базисом, так как существующие в обществе реальные отношения — это прежде всего производственные отношения, совокупность которых и составляет базис»³⁷.

Методологическая несостоятельность критики в обоих случаях predetermined тем, что один предмет исследования — правоотношения — подменен другим — материальными общественными отношениями. Подобная подмена не имеет никакого оправдания, так как П. И. Стучка последовательно обосновывал правоотношения как определенную форму материальных общественных отношений.

Совокупность общественных отношений (речь идет об отношениях производства и обмена) П. И. Стучка разделял на три части: • общественные отношения, имеющие правовую форму; • общественные отношения, не поддающиеся подведению под какой-либо юридический институт (с точки зрения права они «безразличны»); • отношения, не разрешенные законом или прямо преступные³⁸. Из этого следует, что П. И. Стучка не считал правоотношения «спутником» любого общественного отношения. Отвергая противопоставление материальных общественных (экономических) отношений юридическим (волевым), он не допускал

---

³⁶ Н. В. Крыленко. Беседы о праве и государстве. М., изд-во «Красная новь», 1924, стр. 23.

³⁷ И. В. Павлов. О развитии советской правовой науки за сорок лет. «Советское государство и право», 1957, № 11, стр. 37.

³⁸ См.: П. Стучка. Революционная роль права и государства. Изд. 2-е, изд. СА, 1923, стр. 124.

их отождествления³⁹. Как справедливо отмечает Г. С. Остроумов, «П. И. Стучка подчеркивал единство, слитность правоотношений собственности с производственными отношениями, а не их тождество. Правовые отношения у него — порядок, система, форма экономических отношений, а не сами эти отношения»⁴⁰.

В нашей юридической литературе нередко правоотношения рассматриваются как «вид или форма общественного отношения, урегулированного юридическими нормами»⁴¹, как особые идеологические отношения⁴² или как урегулированные правом общественные отношения⁴³. Сторонники последнего взгляда фактически признают тождество материальных общественных отношений и правоотношений, следовательно, в той части, в которой идет речь об урегулированных правом материальных общественных отношениях, ими также правоотношения относятся к базису⁴⁴. Но в такой трактовке вопроса правовые отношения исчезают

---

³⁹ См.: П. Стучка. Революционная роль права и государства. Изд. 2-е, изд. СА, 1923, стр. 60.

⁴⁰ Г. С. Остроумов. Проблемы социалистического правосознания в работах П. И. Стучки. «Советское государство и право», 1963, № 7, стр. 125.

⁴¹ С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 136; см. также: О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. М., Госюриздат, 1961, стр. 183.

⁴² См.: С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 5; В. А. Тархов. К вопросу о правовых отношениях. Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1965, № 1, стр. 27.

⁴³ См.: Б. В. Шейндлин. Норма права и правоотношение. В сб.: «Вопросы общей теории советского права». М., Госюриздат, 1960, стр. 146—147; С. А. Голунский и М. С. Строгович. Теория государства и права. М., Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940, стр. 271.

⁴⁴ С. Ф. Кечекьян находит, что определение правоотношений как общественных отношений, урегулированных правом, представляет перефразировку господствующего в буржуазной юридической литературе определения правоотношений. «Получается, — пишет он, — что в ряде случаев в правоотношениях продолжают выступать производственные, т. е. базисные, отношения» (С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 18).

как особый вид общественных отношений, целиком растворяясь в их массе.

Отнесение правовых отношений к базису у П. И. Стучки является логическим следствием его понимания соотношения материальных общественных и правовых отношений как соотношения содержания и формы; правовая форма у него не растворяется в массе общественных отношений, но зато удачно отражается ее связь с экономикой. Не вдаваясь в более подробное рассмотрение вопроса, выходящего за рамки данной работы, нам представляется возможным признать, в общих чертах, правильной точку зрения П. И. Стучки о принадлежности конкретных правоотношений как специфической формы опосредствования материальных общественных отношений к базису. Речь, конечно, идет не о любых правоотношениях, в том числе опосредствующих идеологические общественные отношения, но о тех, которые именно непосредственно связаны с отношениями производства, распределения и обмена.

Это отнюдь не должно означать отрицания примата производственных отношений в самом базисе. Правовые отношения производны от отношений производства, распределения и обмена, но с ними органически связаны, как форма с содержанием. Правоотношения, в свою очередь, первичны — исторически и логически — по отношению к нормам (законам) и правосознанию, а не наоборот.

При жизни П. И. Стучки категории базиса и надстройки еще не были достаточно разработаны. Ряд произведений К. Маркса и Ф. Энгельса не был тогда опубликован. Конечно, П. И. Стучка мог не уловить некоторые нюансы в трудах классиков марксизма-ленинизма. В наши дни, когда в изучении проблемы соотношения базиса и надстройки в сфере права ученые продвинулись вперед⁴⁵, все еще имеются недора-

---

⁴⁵ См., напр.: Н. Г. Александров. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе. «Вопросы философии», 1957, № 1, стр. 44—57; В. П. Морозов. Правовые взгляды и учреждения при социализме. Изд-во Московского университета, 1967.

ботки в области некоторых спорных вопросов, в частности о волевом моменте в экономических отношениях.

*Первое достоинство синтетического понимания права, на наш взгляд, заключается в возможности применения его при исследовании права в качестве методологического принципа, нацеливающего на изучение права как сложного, составного общественного явления*⁴⁶. О жизненности подобного подхода к познанию права свидетельствует возрастающий интерес, проявленный к нему, и труды многих видных советских ученых-правоведов.

Уже продолжительное время в нашей юридической литературе обсуждается вопрос о совершенствовании определения права. В 1948 году при обсуждении макетов учебников по теории государства и права А. К. Стальгевич высказал критические замечания по поводу определения права, данного А. Я. Вышинским⁴⁷. А. К. Стальгевич отметил следующие недостатки определения права, разработанного А. Я. Вышинским:

---

⁴⁶ И. Д. Ильинский синтетическое понимание права охарактеризовал как «множественность определений права», методологическую основу последнего ошибочно приписав Б. А. Кистяковскому. Удобство расчленения права и выделения отдельных его сторон, по И. Д. Ильинскому, заключается в возможности изучения права в случае отсутствия той или иной стороны права, изучения взаимоотношения сторон права: «Иногда можно проследить самую диалектику общественного процесса, по которой писаное право воплощается в жизненных отношениях или, наоборот, установившийся в действительности порядок получает свое юридическое отражение в зеркале закона» (И. Ильинский. Право и быт. Л.—М., Госуд. изд-во, 1925, стр. 23—24).

Влияние синтетического понимания права ощущается в различении И. П. Разумовским двух элементов «правовой структуры»: правовых отношений и «правовой идеологии» (см.: И. Разумовский. Социология и право. М., изд. СА, 1924, стр. 13—16, 22), хотя само учение о трех правовых формах им отвергалось как затушевывающее связь между аспектами единой формы права (см.: И. Разумовский. Проблемы марксистской теории права. М., Изд-во КА, 1925, стр. 35).

⁴⁷ См.: А. К. Стальгевич. Понятие права. Тезисы доклада. М., 1948, стр. 2—4.

А. К. Стальгевич предложил следующее определение права: «Право есть возведенная в закон воля господствующего класса, воля, содержание которой определяется материальными усло-

сведение права исключительно к нормам права; превращение правовых норм в средства юридической формалистики; отсутствие указания на социально-экономическую обусловленность права и руководящую роль партии в Советском государстве⁴⁸.

виями существования этого класса, выраженная в системе норм, установленных и охраняемых государством, в целях государственного регулирования общественных отношений в интересах господствующего класса» (там же, стр. 4).

⁴⁸ Выступление А. К. Стальгевича не было случайным, это — продолжение борьбы, начатой им в 20-х и 30-х годах против узконормативного понимания права. А. К. Стальгевич, соратник и последователь П. И. Стучки, научную деятельность начал в секции общей теории права и государства Коммунистической академии. Вслед за П. И. Стучкой в своей первой книге «Пути развития советской правовой мысли» (1928 г.) А. К. Стальгевич признавал правом в смысле объективном правовые отношения, а в смысле субъективном — правовые нормы. Влияние отстаиваемого в трудах П. И. Стучки правопонимания, а также отдельных элементов концепции Е. Б. Пашуканиса ощущается и в определении права, изложенном в книге. В своей основе книга «Пути развития советской правовой мысли» была направлена против буржуазных доктрин права и попыток их протаскивания в советскую правовую науку, причем автор не ставил задачей критику концепции Е. Б. Пашуканиса в целом, но вносил критические поправки к ней: вместо «отношения товарного обмена» в определении подчеркивалось — «отношения товарного производства и обмена», чем, конечно, был нанесен ощутимый удар по меновой концепции права. «Право, — писал А. К. Стальгевич, — является реальной системой (порядком или формой) объективно существующих специфических общественных отношений, вытекающей из взаимоотношений субъектов — частных собственников в процессе товарного производства и обмена, имеющей классовый характер и охраняемой в своих интересах, организованным в государство, господствующим классом» (А. К. Стальгевич. Пути развития советской правовой мысли. М., Изд-во КА, 1928, стр. 71—72). Такое же по существу определение, но в несколько сокращенном виде приводится А. К. Стальгевичем и в 1929 году (см.: А. К. Стальгевич. Программа по общей теории права. М., Изд-во КА, 1929, стр. 11).

В 1930 году в обширном очерке «Основные вопросы марксистской теории права» А. К. Стальгевич высказал интереснейшие соображения о первоначальном, исходном моменте изучения права. Следуя К. Марксу, который при изучении политической экономии исходил из специфических общественных отношений (отношений производства и обмена), применительно к праву А. К. Стальгевич признал исходным моментом анализа правовой формы правовые отношения, которые выражены в

Конечно, в условиях существовавшего тогда в советской правовой науке культа воззрений А. Я. Вышинского соображения, высказанные А. К. Стальгевичем

абстрактных категориях права и через них познаваемы (см.: А. Стальгевич. Основные вопросы марксистской теории права. «Советское государство и революция права», 1930, № 7, стр. 159—161, 177). Существенным недостатком содержащегося в книге определения права А. К. Стальгевич считал отсутствие указания на диалектику развития права, в том числе советского права. Желая устранить этот недостаток, он заново разработал «понятие права как системы (порядка или формы) общественных отношений, которая коренится в процессе товарного производства и обмена, в революционном развитии и ломке экономических формаций классового общества меняет свой характер; соответствуя интересам господствующего класса, охраняется его организованной силой — государством; в условиях переходного периода и новых форм классовой борьбы приобретает новое качество (диктатура пролетариата, социалистическая плановость, диалектическое превращение в неправое) и, при социализме вместе с государством отмирая, окончательно исчезнет (засыпая) на высшей стадии коммунизма» (там же, стр. 177).

В свете изучения истоков нормативистского понимания права, отстаиваемого А. Я. Вышинским, особый интерес представляет полемика А. К. Стальгевича с Я. Л. Берманом и Е. Б. Пашуканисом. Выступая против протаскивания в марксистско-ленинскую общую теорию права элементов нормативистской концепции, А. К. Стальгевич подметил основные пороки этой концепции: сведение права к нормам, не имеющим «никаких корней в объективном процессе экономических отношений»; сведение к нормам даже правовых отношений; признание государства правотворцем (см.: А. Стальгевич. Наши ошибки и разногласия. «Советское государство и революция права», 1930, № 11—12, стр. 182—184).

В упрощенном виде нормативистское понимание права напоминает определение, сформулированное А. Я. Вышинским еще в 1927 году (см.: Теория государства и права. Под ред. А. К. Стальгевича. М., изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 64). Ошибочные положения, отстаиваемые Я. Л. Берманом, и в 30-х годах — в какой-то мере Е. Б. Пашуканисом, нашли отражение в определении права, навязанном нашей науке А. Я. Вышинским в 1938 году. Этому определению А. К. Стальгевич в опубликованной в 1940 году статье «К вопросу об определении права» противопоставил другое, в основу которого было положено определение права, содержащееся в «Манифесте Коммунистической партии» (см.: «Ученые записки ВИАУ». Вып. I. М., 1940, стр. 6, 13—14). Это же определение А. К. Стальгевич повторил в 1948 году (см.: А. К. Стальгевич. К вопросу о понятии права. «Советское государство и право», 1948, № 7, стр. 51, 58).

чем, остались без каких-либо последствий, если не считать резких нападков, которыми изобиловала произнесенная при обсуждении макетов учебников речь А. Я. Вышинского.

После разоблачения культа личности Сталина определение права, данное А. Я. Вышинским, подверглось более обстоятельному разбору, и коренные его недостатки были вскрыты на XXII съезде КПСС в речи А. Н. Шелепина⁴⁹. В правовой литературе последних лет наметились две тенденции: одни авторы полностью отвергают определение А. Я. Вышинского, другие — настаивают на сохранении его «рационального зерна» при внесении соответствующих поправок.

В 1957 году А. К. Стальгевич в статье «Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений» предложил пересмотреть укоренившееся при А. Я. Вышинском нигилистическое отношение к вопросам социалистических правовых отношений ввиду важности последних в деле укрепления социалистической законности. Правоотношения автор представлял как специфический вид общественных отношений, как особое звено системы правового регулирования и предлагал заново пересмотреть понимание права. «Ошибка защитников так называемой „общепринятой“ точки зрения — правоотношение есть урегулированное нормой права общественное отношение — заключается в том, что они, сводя право к одним лишь нормам права, исключая из общего понятия права (речь идет именно о понятии права, его полном и всестороннем понимании, а не об определении права) правовые отношения как одну из существенных форм права, одно из средств осуществления норм права, умаляя и игнорируя роль правовых отношений в системе общественных отношений, придают нормам права магические свойства всемогущества»⁵⁰, — заключал А. К. Стальгевич.

---

⁴⁹ См.: XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. II. М., Госполитиздат, 1962, стр. 409.

⁵⁰ А. К. Стальгевич. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений. «Советское государство и право», 1957, № 2, стр. 26—27.

Требование пересмотра определения права, данного А. Я. Вышинским, содержится в статьях и других авторов⁵¹.

За понимание права как сложного явления, состоящего не только из норм, выступил и С. Ф. Кечекьян. Но, признав «неразрывную связь», «неразрывное единство» правовых норм и правовых отношений, он все же подчеркивал, что «правоотношения — это норма права в ее осуществлении»⁵². Следовательно, основным, первичным в праве С. Ф. Кечекьян продолжал считать правовые нормы. «В определении права как совокупности норм подразумевается, — писал он, — что речь идет о нормах, реализуемых в правоотношениях, что единство нормы права и правоотношений исключает необходимость отдельно говорить о каждом из этих явлений в определении права»⁵³.

А. А. Пионтковский считает целесообразным включить в понятие права как правовые нормы, так и правовые отношения, но и он примат признает за правовыми нормами⁵⁴.

Хотя оба автора отрицательно относятся к отстаиваемому П. И. Стучкой определению права и о синтетическом подходе П. И. Стучки к изучению права вообще не упоминают, потребность в таком подходе сказывается в их собственных попытках рассматривать право как единство правовых норм и правовых отношений. По-видимому, воспринимая право как совокупность норм, труднее подойти к пониманию права как сложного общественного явления, нежели

⁵¹ См., напр.: А. Винберг, Г. Кочаров, Г. Миньковский. Против порочных «теорий» Вышинского в советском уголовном процессе. «Социалистическая законность», 1962, № 3, стр. 20; В. М. Семенов. Принципы советского социалистического общенародного права. Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1964, № 1, стр. 16.

⁵² С. Ф. Кечекьян. Нормы права и правоотношения. «Советское государство и право», 1955, № 2, стр. 26—28.

⁵³ С. Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 30.

⁵⁴ См.: А. А. Пионтковский. Некоторые вопросы общей теории государства и права. «Советское государство и право», 1956, № 1, стр. 19—20; А. А. Пионтковский. К вопросу об изучении общенародного права. «Советское государство и право», 1962, № 11, стр. 23—24.

рассматривая право как систему правовых отношений.

Последнее довольно отчетливо сказывается в статье Я. Ф. Миколенко «Право и формы его проявления», в которой отстаивается синтетическое понимание права. Соглашаясь с С. Ф. Кечекьяном и А. А. Пионтковским, что определение права должно охватить нормы права и правоотношения, Я. Ф. Миколенко идет дальше: в определение права предлагает включить также правосознание, сделать коренную ломку определения права, данного в 1938 году А. Я. Вышинским.

Разбирая определение права, содержащееся в Руководящих началах, Я. Ф. Миколенко констатирует, что наибольшую трудность для П. И. Стучки представляло разграничение правовых отношений как надстроечных и производственных, и предлагает в качестве отличительного признака в определении права ввести указание на волевой характер правовых отношений.

«Право — это закрепляемый и охраняемый государственной властью порядок общественных отношений в качестве волевых отношений»⁵⁵, — пишет Я. Ф. Миколенко.

Синтетическое понимание права как диалектической совокупности правовых отношений, правовых норм и правосознания вполне соответствует бесспорному для марксистов-ленинцев определению права, данному в «Манифесте Коммунистической партии»: «Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»⁵⁶. Возведенная в закон воля — это не

⁵⁵ «Советское государство и право», 1965, № 7, стр. 52.

Подробнее о взглядах Я. Ф. Миколенко и о критике их в статье Д. А. Керимова, П. Е. Недбайло, И. С. Самощенко и Л. С. Явича см.: А. А. Плотниек. Развитие общей теории права в период Великой Октябрьской социалистической революции. В сб.: «Октябрьская революция и развитие права». Рига, изд. ЛГУ, 1968, стр. 117—123.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 443.

только закон, выражающий волю класса. «Возведенная в закон воля... класса» проявляется в нормах права и в правовых отношениях⁵⁷. Возведенная в закон воля господствующего класса невозможна без участия его сознания, в том числе правосознания. Поскольку правосознание находит воплощение и в нормах права, и в правовых отношениях, оно становится органической частью самого права.

Второе достоинство синтетического понимания права — верное раскрытие взаимодействия правовых отношений, правовых норм и правосознания, что позволяет получить верную картину механизма развития права. На эту сторону синтетического понимания права справедливо обращает внимание В. П. Казимирчук: «Для первого периода в становлении Советского государства и других социалистических стран характерным является отмена старого, эксплуататорского права, хотя в это время развернутая и полная система новых нормативных актов еще отсутствует. Если исходить из понимания содержания права только как системы норм, то можно прийти к выводу об отсутствии в этот период права, что не соответствует исторической правде»⁵⁸.

Третье достоинство синтетического понимания права — возможность детального изучения механизма правового регулирования как сложной кибернетической системы. При одностороннем взгляде на право, будь то узконормативистский, психологический и т. д., такое изучение гораздо более затруднительно, так как одни формы права выпячиваются, а другие — затемняются.

Осознание классом своего интереса в укреплении, изменении, прекращении тех или иных общественных

---

⁵⁷ Против узконормативной интерпретации определения права, данного в «Манифесте Коммунистической партии», предостерегает А. А. Пионтковский: «Эта воля воплощена не только в нормах права, но и в охраняемых принудительной силой государства правовых отношениях» (А. А. Пионтковский. Некоторые вопросы общей теории государства и права. «Советское государство и право», 1956, № 1, стр. 19).

⁵⁸ В. П. Казимирчук. Право и методы его изучения. М., изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 68.

отношений в правосознании выражается в оценке существующих, а также в представлениях о желаемых правовых отношениях. Эти представления господствующего класса воплощаются в новых нормах права и в конкретных правоотношениях. Оценка с точки зрения интереса класса образовавшейся при этом системы общественных отношений вызывает новые правовые воззрения, и процесс начинается заново, на новой основе.

§ 4. НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ЗАКОННОСТЬ

В связи со вступлением страны в период мирного социалистического строительства П. И. Стучка значительное внимание уделял разработке теории социалистической законности. К этому побудили ленинские указания в письме «О „двойном” подчинении и законности» и значение, придаваемое партией и Советским правительством укреплению революционной законности.

Переход к новой экономической политике потребовал укрепления революционной законности. Обстановка мирного хозяйственного строительства способствовала проведению партией и Советским правительством мероприятий (широкая кодификация, организация прокуратуры, создание единой судебной системы и др.) по дальнейшему упрочению режима законности¹.

Объективной закономерностью диктатуры пролетариата является неуклонное возрастание роли социа-

---

¹ В советской юридической литературе вопрос о возрастании роли законности в период новой экономической политики до сих пор недостаточно освещен. М. С. Строгович, например, ограничиваясь констатацией фактической стороны процесса, не объяснил, почему возрастает роль законности (см.: М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности. М., изд-во «Наука», 1966, стр. 95, 105). См. также: История государства и права СССР. Ч. II, М., изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 186.

листической законности². Изучение этого процесса, на наш взгляд, должно вестись с учетом расширения возможностей и роли правового регулирования. В условиях гражданской войны такие возможности были несколько ограничены. Усиление роли правового регулирования как необходимой предпосылки развертывающегося хозяйственного строительства проявлялось в активизации правотворческой и правоприменительной деятельности советского государства. Одним из основных направлений работы за 1921 год В. И. Ленин выделил приспособление законодательства к новой экономической политике³. Вместе с тем В. И. Ленин обращал особое внимание на осуществление норм права — «... дело не в законодательных актах, а в практическом осуществлении...»⁴.

Революционная законность представляет собой принцип и метод осуществления норм права. Для того чтобы изложенную в законах политику партии, Советского государства претворить в жизнь последовательно и правильно, требуется «большая революционная законность»⁵. В. И. Ленин видел коренную задачу народных судов в том, чтобы они «строго следили за деятельностью частных торговцев и предпринимателей, не допуская ни малейшего стеснения их деятельности, но вместе с тем строжайше карая малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов республики и воспитывая широкие массы рабочих и крестьян в деле самостоятельного, быстрого, делового участия их в надзоре за соблюдением законности»⁶. Этими словами выражена важнейшая черта социалистической законности, которой она принципиально отличается от законности буржуазной.

---

² Ленинский тезис «о возрастающей роли социалистической законности в развитии советского общества» В. М. Чхиквадзе находит имеющим принципиальное значение и не ограничивающимся «историческими рамками периода нэпа» (В. М. Чхиквадзе. Государство, демократия, законность. М., изд-во «Юридическая литература», 1967, стр. 381).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 305.

⁴ Там же, т. 43, стр. 26; см. также т. 44, стр. 171.

⁵ Там же, т. 44, стр. 328—329.

⁶ Там же, стр. 337.

В социалистическом государстве трудящиеся массы не только обязаны исполнять законы, но и всемерно привлекаются к осуществлению надзора за законностью.

Переходя к мирному социалистическому строительству, Коммунистическая партия провела большую организационную работу по укреплению революционной законности. XI Всероссийская конференция РКП(б) (1921 г.) признала очередной задачей «водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности. Строгая ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка должна идти рядом с усилением гарантии личности и имущества граждан.

Новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке»⁷.

22 и 24 мая 1922 года при рассмотрении вопроса об организации прокуратуры в связи с письмом В. И. Ленина «О „двойном” подчинении и законности» Политбюро ЦК РКП(б) высказалось за ленинские принципы организации прокуратуры⁸, легшие в основу Положения о прокурорском надзоре (28 мая 1922 г.), первоначальный проект которого был разработан в НКЮ. 19 июля 1922 года на заседании Коллегии НКЮ с докладом по вопросу о реорганизации судебных учреждений выступил Н. В. Крыленко, а 31 октября было утверждено Положение о судостроительстве РСФСР⁹.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е, ч. I, Госполитиздат, 1953, стр. 593.

⁸ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 551.

В. И. Ленин в письме «О „двойном” подчинении и законности» отстаивал идею строго централизованной организации прокуратуры, сформулировал важнейшие положения теории социалистической законности: о единой законности, о связи законности и культуры и др. (см. там же, стр. 197—201). Подробнее об этом см.: М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности. М., изд-во «Наука», 1966, стр. 96—102.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 1, д. 91, л. 25.

П. И. Стучка среди работников Верховного Суда РСФСР.

*Из фондов Государственного музея революции
Латвийской ССР*

На XIV конференции РКП (б) (1925 г.) доклад «О революционной законности» сделал А. А. Сольц. В резолюции конференции под таким же названием было сформулировано требование «максимального упрочения революционной законности»¹⁰. 17 июля 1925 года под председательством А. А. Сольца была образована комиссия ЦКК и ЦИК СССР по вопросу о революционной законности.

В нашем распоряжении нет материала о практической деятельности П. И. Стучки по укреплению революционной законности в начале 20-х годов, до назначения его в 1923 году председателем Верховного Суда РСФСР. На этом посту он уже непосредственно участвует в осуществлении курса партии, нацеленного на упрочение революционной законности. П. И. Стучка являлся делегатом XIV Всесоюзной кон-

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е, ч. II, Госполитиздат, 1954, стр. 162.

ференции РКП(б) и членом комиссии ЦКК и ЦИК СССР по вопросу о революционной законности. 4 ноября 1925 года под председательством П. И. Стучки состоялось первое заседание этой комиссии, на котором рассматривались тезисы А. А. Сольца и Н. В. Крыленко об организационной структуре прокуратуры. Комиссия признала целесообразным создание центральной общесоюзной прокуратуры. П. И. Стучка участвовал также в работе подкомиссии, образованной для изучения вопроса о выделении прокуратуры из аппарата НКЮ.

Практика осуществления социалистической законности нуждалась в теоретическом осмыслении. В первой половине 20-х годов с теоретическими работами по проблемам законности выступили ведущие деятели советской юстиции: Д. И. Курский¹¹, Н. В. Крыленко¹², А. А. Сольц¹³ и др.

Видную роль в разработке проблем революционной законности сыграл П. И. Стучка. На это обращает внимание и М. С. Строгович. «Научные исследования П. И. Стучки по вопросам советского права, — пишет он, — в то время имели особо большое значение для разработки проблемы революционной законности...»¹⁴. Но вряд ли можно согласиться с его утверждением, что специально на вопросах революционной законности П. И. Стучка стал сосредотачивать внимание только во второй половине 20-х годов¹⁵. Уже в 1917—1919 гг. П. И. Стучка писал о революционной законности как практическом лозунге. В первой поло-

---

¹¹ См.: Д. И. Курский. Избранные статьи и речи. Изд. 2-е, М., Госюриздат, 1958, стр. 103—116, 121—123, 179—184, 199—202, 235—239.

¹² См.: Н. Крыленко О философских выступлениях тов. Сольца по поводу «революционной законности», о «старом» и «новом» праве и практическом смысле его предложений. «Известия», 1925, 8 декабря.

¹³ См.: А. Сольц и С. Файнблит. Революционная законность и наша карательная политика. М., изд-во «Московский рабочий», 1925.

¹⁴ М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности. М., изд-во «Наука», 1966, стр. 106.

¹⁵ См. там же, стр. 107.

вине 20-х годов он исследует проблемы революционной законности по материалам судебной практики, теоретически обобщает эту практику и подвергает резкой критике буржуазные взгляды на законность¹⁶. Вопросы революционной законности не были обойдены в работах «Революционная роль права и государства» и «Учение о государстве и о Конституции РСФСР».

В 1922 году появляется статья П. И. Стучки «Революционная законность?», написанная в ответ на статью В. Н. Сарабьянова «Диктатура пролетариата, право и революционная законность». Отвергая на словах революционный, а на деле нигилистический подход В. Н. Сарабьянова к законам и законности¹⁷, П. И. Стучка иронизировал над его домysлом, что право и законность превратятся в свою противоположность, а беззаконие — в законность, если «прибавить словечко „революционный“». Революционная законность, утверждал П. И. Стучка, не есть отрицание законности; смысл революционной законности — «честно, т. е. по революционной совести, исполнять эти законы, невзирая ни на что»¹⁸. Революционная законность — это одинаковое применение государственными органами и должностными лицами законов ко всем; благо законности — для всех. Касаясь важнейшей предпосылки революционной законности — советских законов, П. И. Стучка подчеркивал присущую им качественную специфику: «Если мы издадим простой, всем понятный закон, не дающий „наволочки“ для каждого отдельного экономического отно-

¹⁶ М. С. Строгович, говоря о буржуазном понимании законности в первой книге журнала «Право и жизнь», не упоминает, что П. И. Стучке принадлежит приоритет критики изложенных в этом журнале ошибочных взглядов (см.: М. С. Строгович. Основные вопросы советской социалистической законности. М., изд-во «Наука», 1966, стр. 106—107).

¹⁷ В. Н. Сарабьянов отрицал необходимость гражданско-правового регулирования имущественных отношений, а по поводу сомнений «революционных законников», не будет ли сорвана новая экономическая политика, «если ей не дать в спутники писаного закона», утверждал, что правовые гарантии не столь существенны («Народное хозяйство», 1921, № 8—9, стр. 34).

¹⁸ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 276.

шения, но дающий определение и необходимые подробности о разрешенных у нас, т. е. законных, правовых институтах, то это будет чисто советский способ распространения законности»¹⁹.

В те годы в условиях острой классовой борьбы встречались различные уклонения от марксистско-ленинского понимания роли советских законов и революционной законности в осуществлении диктатуры пролетариата. Одни проповедовали идею абстрактного закона, стоящего над государством, над классами²⁰, другие ополчались на сторонников революционной законности, видели в идее революционной законности тяготение к оппортунизму²¹. П. И. Стучка подверг критике и тех, и других. В статье «Диктатура пролетариата и советская федерация», отвечая на во-

---

¹⁹ П. И. Стучка. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964, стр. 277.

²⁰ Основатели журнала «Право и жизнь» призывали к законности как «правомерности общественной жизни... независимо от экономических форм и политических условий их существования» («Право и жизнь», 1922, № 1, стр. 3). Идею господства закона над Советским государством отстаивали А. Л. Малицкий, Б. Д. Сперанский и Л. В. Успенский. Лишь «полное непонимание роли закона и законности в Советском государстве», как отмечает А. К. Стальгевич, могло привести к идее закона, «стоящего над диктатурой», что противоречит данному в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» В. И. Лениным пониманию диктатуры пролетариата (А. К. Стальгевич. Пути развития советской правовой мысли. М., Изд-во КА, 1928, стр. 59).

²¹ В. Н. Сарабьянов утверждал, что «сторонники „революционной законности“ с их чрезмерным устремлением к диспозитивным нормам в эпоху диктатуры пролетариата определенно скатываются в сторону реформизма и политиканства» («Народное хозяйство», 1921, № 8—9, стр. 28).

А. А. Сольц, умаляя роль советских законов, задачу суда и прокуратуры видел не в охране законов, а в охране законности, отличие законности революционной от буржуазной — только в выдвигении на первое место содержания и целесообразности вместо буквы и формы (А. Сольц и С. Файнблит. Революционная законность и наша карательная политика. М., изд-во «Московский рабочий», 1925, стр. 4, 24; см. также: А. Сольц. О революционной законности. «Известия», 1925, 24 ноября).

прос, «не противоречит ли принцип законности, хотя бы революционной, и самой идее диктатуры»²², П. И. Стучка дает правильную интерпретацию известным положениям В. И. Ленина в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский»²³. Он обосновывает тезис, что категории диктатура и законность не являются внутренне противоречивыми и взаимно исключающими друг друга, что революционная законность является методом осуществления диктатуры пролетариата. «Тов. Ленин разъясняет, — писал П. И. Стучка, — что диктатура вообще есть политическая власть, не ограниченная никакими законами, т. е. никакими законами власти, посторонней диктатуре. Это не исключает, конечно, законов, изданных самою этой диктатурою, ибо от нее зависит, находит ли она более целесообразным действовать отдельными единичными мероприятиями или организованно, т. е. путем общих норм, общих декретов, т. е. законов. Она может действовать чрезвычайным способом (ЧК) или обычными средствами (революционная законность)»²⁴.

П. И. Стучка, обобщая накопленный к тому времени практический опыт осуществления диктатуры пролетариата, показал, что с изменением исторических условий меняются методы осуществления диктатуры, возрастает роль революционной законности. Диктатура пролетариата «с первого дня существования не отказывалась от законности», утверждал П. И. Стучка и в подтверждение этой мысли приводил такие факты, как первые декреты Советской власти — «образцы организованных действий революции в государственном масштабе», применение чрезвычайных мер «было оговорено, как исключение»²⁵.

Периоды военного коммунизма и новой экономи-

²² «Власть Советов», 1922, № 10, стр. 5.

²³ «Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами. Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоеванная и поддерживаемая насильем пролетариата над буржуазией, власть, не связанная никакими законами» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 245).

²⁴ «Власть Советов», 1922, № 10, стр. 5.

²⁵ Там же, стр. 6.

ческой политики, по П. И. Стучке, отличались пределами распространения «области законности». Как в первом, так и во втором случае законность налицо, но в условиях военного коммунизма возможности распространения революционной законности были ограничены.

С переходом к новой экономической политике расширилось законодательство, «область законности развернулась весьма широко». Процессу возрастания роли законности в связи с введением нэпа П. И. Стучка дал своеобразное объяснение. Законность, как и кодификацию, он связывал с временным отступлением. Одну из сторон законности он видел в том, что отступление, сделанное Советской властью сознательно и добровольно, было закреплено в законах. Но временное отступление в области экономической, получившее закрепление в законодательстве, — только средство; этот процесс, по образному выражению П. И. Стучки, происходит «на волнах революционного моря». Пускай капиталисты руководствуются мотивами людей, возвращающихся после землетрясения в окрестности вулкана и снова строящих жилища или рассчитывающих преодолеть силу революции, но цель остается — сохранение и укрепление диктатуры пролетариата «в пределах и при помощи законности»²⁶. Важнейшая отличительная черта революционной законности состоит в том, что в ее основу положены законы нового класса. «Законы, издаваемые нами, — писал П. И. Стучка, — как бы они по букве ни напоминали старые законы — недаром писаны старыми же юристами — суть все-таки законы революции, а не уцелевшие старые законы. Ни шага отступления назад путем их распространительного толкования. Толкование в этом смысле строго ограничительно»²⁷.

Таким образом, в ряде статей, написанных в 1922 году, П. И. Стучка в свете ленинских идей рассматривал такие вопросы, как соотношение революции и законности, усиление роли революционной законности

²⁶ «Власть Советов», 1922, № 10, стр. 6.

²⁷ Там же. См. также: «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 169.

с переходом к нэпу, и этим внес определенный вклад в разработку теории социалистической законности.

Эти же вопросы освещены и в книге П. И. Стучки «Учение о государстве и о Конституции РСФСР»²⁸, но книга содержит и новые высказывания о природе законности. Во второе издание книги был включен

---

²⁸ См.: П. Стучка. Учение о государстве и о Конституции РСФСР. Изд. 2-е, М., изд-во «Красная новь», 1923, стр. 137—138, 157, 190—191.

24 июня 1921 года на заседании Оргбюро ЦК РКП (б) при рассмотрении вопроса о плане издания первой серии учебников для партийно-советских школ П. И. Стучке было поручено составить учебное пособие — «учение о государстве и конституции РСФСР с обязательным изложением организации местной власти». П. И. Стучка планировал представить рукопись к январю 1922 года, но работа затянулась и была закончена лишь к началу марта (ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 72, л. 3; ПА ЦК КПЛ, ф. 55, оп. 7, д. 3, лл. 4—5).

В книге П. И. Стучка хотел «дать общее, или теоретическое, и практическое учение о государстве». Посвятив книгу в основном анализу первой Советской Конституции, П. И. Стучка дополнил ее ответами на вопросы, которые были заданы ему во время чтения лекций перед рабочей аудиторией: о пролетарской государственной власти при государственном капитализме, о плане революционной борьбы в зависимости от взглядов на сущность государства и т. д. (см.: П. Стучка. Учение о государстве и о Конституции РСФСР. М., изд-во «Красная новь», 1922, стр. 3).

В 1923 году книга вышла вторым изданием, в котором, по пояснению П. И. Стучки, вместо ссылки на «Революционную роль права и государства» заново включены разделы «Что такое право?», «Происхождение государства», «Государственная власть». В 1923 году без существенных изменений книга вышла и третьим изданием. В дальнейшем, в связи с образованием СССР, книга была переработана и под названием «Учение о государстве пролетариата и крестьянства и его Конституции. СССР и РСФСР» вышла пятым изданием в 1926 году, шестым («Учение о Советском государстве и его Конституции. СССР и РСФСР») — в 1929 году и, наконец, седьмым («Учение о Советском государстве и его Конституции») — в 1931 году.

Книга «Учение о государстве и о Конституции РСФСР» была переведена на латышский язык и под названием «Valsts teorija un Padomju Konstitūcija» напечатана почти одновременно (предисловие датировано 8 марта 1922 года) с первым русским изданием.

Теоретическая часть книги «Учение о государстве и о Конституции РСФСР» в основном исчерпывается вопросами теории государства и государственного права.

специальный раздел — «Законность в буржуазном смысле и революционная законность». Вместо формально-юридического подхода П. И. Стучка требовал революционно-классового подхода к раскрытию содержания законности. Сама по себе законность — «только организованный способ управления государством», «закон и законность сами по себе являются лишь формой, содержание которого зависит от того, какой класс находится у власти и чье классовое право охраняет и проводит это государство»²⁹.

П. И. Стучка вскрыл нелепость всяких обвинений пролетарской революции, разбившей буржуазную законность, в отрицании законности вообще. «Революция, — утверждал П. И. Стучка, — проведенная с небывалой организованностью, не могла отказаться от наиболее совершенного, т. е. организованного, способа действия государственной власти»³⁰. Правда, П. И. Стучка там же писал об отсутствии в момент принятия Декрета № 1 о суде «новых законов, объем-

²⁹ П. Стучка. Учение о государстве и о Конституции РСФСР. Изд. 2-е, М., изд-во «Красная новь», 1923, стр. 296.

Научная обоснованность и глубина подобной постановки вопроса признаются и в нашей правовой литературе последних лет. По И. В. Павлову, один из основных элементов определения законности — самая широкая и последовательная демократичность законодательства по его содержанию (см.: И. Павлов. К вопросу о теории общенародной социалистической законности. «Социалистическая законность», 1962, № 6, стр. 15 — 16). В. М. Чхиквадзе упрощенное определение социалистической законности как строгое соблюдение и исполнение советских законов и основанных на них правовых актов всеми государственными органами и гражданами критикует за «односторонний формально-логический характер», отсутствие указания «на классово-материальное содержание законности». Он предлагает определение советской социалистической законности как «точное соблюдение и исполнение всеми государственными органами, общественными организациями, должностными лицами и гражданами советских законов и основанных на них правовых актов, выражающих волю всех трудящихся, определяемую материальными условиями их существования, направленных на охрану и дальнейшее развитие советского общественного и государственного строя, обеспечение прав, свобод и законных интересов граждан» (В. М. Чхиквадзе. Государство, демократия, законность. М., изд-во «Юридическая литература», 1967, стр. 377).

³⁰ П. Стучка. Учение о государстве и о Конституции РСФСР. Изд. 2-е, М., изд-во «Красная новь», 1923, стр. 297.

лющих все области», об отсутствии «всеобъемлющих кодексов» вплоть до кодификации 1922—1923 гг., и что, следовательно, тогда не могло быть и новой законности³¹.

П. И. Стучка резко бичевал буржуазные воззрения на законность. В обзоре «Библиография по теории права и государства» он писал, что высокопарные рассуждения о законе и законности вообще на страницах журнала «Право и жизнь» представляют попытку трактовать курс на укрепление законности как возврат к законности контрреволюционной. «Но революционная законность должна пониматься в том смысле, — предостерегает он, — что все законы будут толковаться революционно»³².

---

³¹ П. Стучка. Учение о государстве и о Конституции РСФСР. Изд. 2-е, М., изд-во «Красная новь», 1923, стр. 298.

Эта мысль буквально повторяется и в более поздних работах (см., напр.: Энциклопедия государства и права. Под ред. П. Стучки. Т. 1. М., Изд-во КА, 1929, стр. 826). П. И. Стучка даже утверждал, что если «понятие советского права образовалось еще до нэпа, слова о революционной законности появились лишь после нэпа» (ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 62, л. 33). Тут, конечно, П. И. Стучка противоречит сам себе, ибо в других работах он подчеркивает наличие революционной законности до нэпа.

На это противоречие в трудах П. И. Стучки обращает внимание Г. Я. Клява, который предлагает при оценке тех или иных высказываний П. И. Стучки учитывать тот факт, что «революционная законность до НЭП'а имела свои особенности» (Г. Клява. П. И. Стучка о революционной законности. «Известия Академии наук ЛССР», 1960, № 4, стр. 57—58). Справедливость подобной постановки вопроса подтверждается весьма близкими к высказываниям П. И. Стучки выводами Д. И. Курского, что для претворения в жизнь лозунга революционной законности, выдвинутого VI Всероссийским съездом Советов, понадобилось 3 года (см.: Д. И. Курский. Избранные статьи и речи. Изд. 2-е, М., Госюриздат, 1958, стр. 103, 106). В. Мокеев и Н. Лаговьер считали, что в период гражданской войны законность играла второстепенную роль. «Обстановка гражданской войны исключала возможность ограничить действия органов власти точными рамками действующего законодательства», — утверждали они и кодификацию мыслили, как проведенную «в интересах установления (а не укрепления? — А. П.) революционной законности» (В. Мокеев и Н. Лаговьер. На страже революционной законности. М., Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926, стр. 7—8).

³² «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 169.

В 1925 году в Праге был опубликован сборник статей белоэмигрантских юристов «Право Советской России». Фальсифицируя взгляды советских ученых-юристов, авторы сборника давали превратное представление о советском праве и правовой науке. Одним из объектов атаки была избрана проблема законности. Н. Н. Алексеев и Н. С. Тимашев, ссылаясь на книгу П. И. Стучки «Учение о государстве и о Конституции РСФСР», указывали как на недостаток советского законодательства то, что нельзя провести различие «между содержанием закона и между обязательной его силой». Они жаловались и на упрощенный процесс принятия декретов и постановлений. «Библиография по теории права и государства» П. И. Стучки приводилась ими в качестве доказательства, «насколько далеко официальное советское правосознание от понимания самого существа идеи законности и правовой связанности»³³.

В ответ на это П. И. Стучка написал статью «Советское право в „белом“ освещении», в которой подверг обстоятельной критике сборник белоэмигрантов. Статья начинается с разбора государственно-правовых воззрений авторов сборника. Эта часть статьи представляет наибольший интерес. Буржуазному «формальному, т. е. узаконенному, демократизму» П. И. Стучка предпочитает осуществление идеи партии о фактическом, т. е. экономическом, освобождении трудящихся³⁴.

Подчеркнув связь революционной законности и пролетарской революции, П. И. Стучка пишет, что революция «признавала лишь свой закон, причем Ленин не поколебался в 24 часа отменить и свой собственный,

---

³³ Н. Н. Алексеев и Н. С. Тимашев. Источники права. В сб.: «Право Советской России». Вып. I. Прага, 1925, стр. 10—11, 22.

Буржуазная концепция правового государства, делающая упор на связанность действий государства законом, использовалась представителями белой эмиграции для дискредитации Советского государства и права неоднократно (см., напр.: J. Rabino-witsch. Sowjetrußland als Rechtsstaat. «Deutsche Juristen-Zei-tung», 1925, Н. 21, S. 1650.—1652).

³⁴ Революция права. Сборник I. М., Изд-во КА, 1925, стр. 143.

но отживший закон. Мы шли дальше и провозглашали обратную силу революционного закона ко дню победы революции...»³⁵.

Для П. И. Стучки институт законности — не только абстрактный метод или принцип, но и социальное явление, связанное с общественно-политическим строем и государственным механизмом. Отсюда и множественность аспектов борьбы за укрепление законности, которые прослеживаются в деятельности П. И. Стучки на посту председателя Верховного Суда РСФСР³⁶, в его выступлениях на пленумах, в отчетах, статьях в периодической печати.

Правильная организация судебного аппарата как предпосылка законности — основная проблема статьи «К вопросу о союзном Верховном Суде». Разъясняя свое понимание пункта договора об образовании СССР, предусматривающего «в целях утверждения революционной законности» учреждение при ЦИК СССР Верховного Суда, П. И. Стучка необходимость единства суда ставит в зависимость от сложности законодательства: при упрощенном законодательстве возможен децентрализованный суд; с изданием сложнейших кодексов стал необходим центральный и единый судебный контроль. Вслед за достигнутым единством суда РСФСР необходимо единство суда и законодательства в СССР. Предпосылкой создания союзного Верховного Суда, как действительно жизнеспособного учреждения, П. И. Стучка считал переход

---

³⁵ Революция права. Сборник I. М., Изд-во КА, 1925, стр. 142.

³⁶ 18 января 1923 года ВЦИК принял постановление «О личном составе Верховного Суда», согласно которому П. И. Стучка был утвержден председателем Верховного Суда («Еженедельник советской юстиции», 1923, № 3, стр. 77). В дальнейшем П. И. Стучка назначался на этот пост в соответствии с постановлениями ВЦИК от 23 июля 1925 г., 27 апреля 1927 г., 23 мая 1929 г. и 30 апреля 1931 г. (ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 42, д. 63, л. 59; оп. 43, д. 61, л. 1; оп. 44, д. 73, л. 1; оп. 45а, д. 6, л. 5).

На первом пленарном заседании Верховного Суда СССР, продолжавшемся с 18 по 24 апреля 1924 года, П. И. Стучка, как член пленума, был назначен членом коллегии по гражданским делам («Власть Советов», 1924, № 2, стр. 116, 119).

к нему кассационных, военной и военно-транспортной коллегий³⁷.

В статье «Мысли о нашем правосудии. I» прослеживается тезис *об откровенности и динамичности законодательства как предпосылке законности*. Лишенное этого, буржуазное законодательство само по себе — источник беззакония. Статья знакомит с размышлениями П. И. Стучки о задачах Верховного Суда РСФСР. Предостерегая от всяких «уклонов в старину», он разъясняет отличие Верховного Суда РСФСР от старого Сената, прямо противоположную их роль в установлении режима законности. Задачей Сената было толкование путем разъяснений законов в угодном для господствующего класса духе, в том числе — феодального закона применительно к интересам развивающегося капитализма. В сенатской практике раскрывалась реакционная сущность закона, которую законодатель побоялся выразить откровенно. Главное в деятельности Верховного Суда РСФСР — «объединение всей судебной практики РСФСР».

Отвергая толкование закона как способ изменения закона, П. И. Стучка подчеркивал, что в Советском государстве есть возможность при необходимости изменить или дополнить закон законодательным путем. «У нас толкование закона не может играть той роли, как прежде, — писал он, — наш закон откровенен, мы не боимся изменять закон, когда нужно, в 24 часа»³⁸. В этом отношении характерен случай из практики Верховного Суда РСФСР. 10 декабря 1923 года в Президиуме Верхсуда был рассмотрен протест Прокурора Республики на решения народных судов об изменении имени детей. Президиум предложил пленуму эти решения отменить, так как рассмотрение вопросов об изменении имени не входит в компетенцию судебных органов. Пленум Верхсуда на заседании 15 декабря с предложением Президиума не согласился. В новом предложении, принятом Президиумом Верхсуда единогласно 22 декабря, подтверж-

³⁷ См.: «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 6, стр. 121—122.

³⁸ Там же, № 14, стр. 314.

далось, что «по закону заявления об изменении имени в судебном, ни в административном порядке не допускаются», однако решения народных судов были оставлены в силе. Второе предложение на заседании пленума 7 января 1924 года было отклонено в части, касающейся вопроса о недопустимости изменения имен вообще. П. И. Стучка остался при особом мнении, мотивированном тем, что существующим законом изменение имени не допускается, а пленуму дано право лишь разъяснять, а не изменять законы. С постановлением пленума не согласился также Прокурор Республики, и вопрос о допустимости изменения имен был внесен на рассмотрение Президиума ВЦИК, который 14 апреля 1924 года подтвердил постановление Президиума Верховсуда от 10 декабря 1923 года и поручил НКЮ разработать законопроект по вопросу о перемене не только прозвища и фамилии, но и имени. 14 июля 1924 года соответствующий закон был утвержден³⁹.

Материалы о деятельности Верховного Суда РСФСР свидетельствуют об исключительном внимании, уделяемом П. И. Стучкой использованию материалов судебной практики для совершенствования законодательства. Уже на втором заседании, 27 января 1923 года, Президиум Верховсуда, заслушав информацию П. И. Стучки, поручил председателям коллегий собрать материал для внесения необходимых изменений в Уголовный кодекс РСФСР. Аналогичное требование было выдвинуто и на заседании 24 февраля в связи с докладом П. И. Стучки «О новой редакции УК»⁴⁰.

В 1925 году в статье «Суд и законодательство» П. И. Стучка рассмотрел вопрос о соотношении суда и законодательства. Суд, по меткому выражению П. И. Стучки, «связан законодателем», но он, в свою очередь, может дать важные советы последнему. Значение практического материала, который дает рас-

³⁹ См.: Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховсуда РСФСР за 1924 год. М., Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925, стр. 36—38

⁴⁰ ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 1, д. 64, лл. 108, 114.

смотрение дел в суде, огромно, но его использование зависит от учета. Только когда имеются налицо обработанные статистические данные, можно ответить, как решает этот вопрос судебная практика⁴¹.

Верховный Суд РСФСР неоднократно являлся инициатором уточнения действующих и разработки проектов новых законов. Так, 7 июля 1924 года по протесту председателя Верховсуда П. И. Стучки на определение ГКК от 2 июня пленум, установив, что практика требует выработки общего порядка производства дел по объявлению должников несостоятельными, что проявляется тенденция к применению старых правил о конкурсном производстве, которые совершенно не соответствуют общему духу советского законодательства и нецелесообразны по существу, решил войти «с представлением в законодательном порядке о разработке специального закона по этому вопросу»⁴².

Одним из первых исследователей *вопросов социалистической законности в процессе применения правовых норм органами суда* являлся П. И. Стучка. Его мысли, часто отрывочные, высказанные применительно к решению конкретных дел, весьма близки к сегодняшним представлениям⁴³. П. И. Стучка требовал тщательного исследования фактического характера отношений⁴⁴, установления объективной истины вместо

---

⁴¹ См.: «Рабочий суд», 1925, № 11—12, стр. 463—468.

⁴² См.: Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховсуда РСФСР за 1924 год. М., Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925, стр. 69—70; см. также ЦГАОР СССР, ф. 1005, оп. 1, д. 59, л. 26.

⁴³ Предпосылкой правильного применения норм права являются обоснованность и законность, основные требования которой: наличие фактических обстоятельств, на которые рассчитана норма; при наличии этих обстоятельств применение нормы обязательно; правильный выбор применяемой нормы и т. д. (см.: П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. М., Госюриздат, 1960, стр. 176 и след.; Н. Г. Александров. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., Госюриздат, 1961, стр. 162—166).

⁴⁴ Пленум Верховсуда при рассмотрении протеста председателя Верховсуда П. И. Стучки 1 июня 1925 года постановил: «Квалификация того или иного правоотношения зависит не от того, как оно

предвзятого подхода к делу. Отвергая, как незаконную и нецелесообразную, старую практику вынесения приговоров, когда во время рассмотрения дела провозглашалась только коротенькая резолюция, а приговор в окончательной форме объявлялся только через 14 дней, он писал: «Значит, тому, что, может быть, неясно было для судивших сразу или что им было предписано сверху, надо было подыскать впоследствии законное оправдание. Мотивы пришлось подогнать под решение дела, а не наоборот — вывести решение из ясных мотивов»⁴⁵. П. И. Стучка не допускал противопоставления целесообразности законности при отыскании закона (правовой нормы), подлежащего применению к установленным судом фактическим обстоятельствам отношения, требовал применения к ним соответствующего действующего закона. «Не следует смешивать закон и подчинение закону с бюрократизмом или обход того или иного действующего закона и протаскивание закона или обычая былых времен с „потребностями хозяйственной политики“»⁴⁶, — предостерегал П. И. Стучка.

В своих трудах П. И. Стучка неоднократно подчеркивал необходимость «правильного классового подхода» к рассмотрению уголовных и гражданских дел в народном суде⁴⁷. Что П. И. Стучка понимал под правильным классовым подходом?

Во-первых, обязанность суда «в определении состава преступления, степени и характера преступности подсудимого и применении к нему наказания или меры социальной защиты... руководиться теми общими целями, которые поставил себе рабочий класс

названо, но от конкретных признаков этого отношения» (Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховного Суда РСФСР (январь 1925 — май 1926). М., Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927, стр. 104).

⁴⁵ «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 22, стр. 506.

⁴⁶ Там же, стр. 507.

⁴⁷ См.: Верховный Суд РСФСР за 1923 год. Отчетный доклад председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучки и статистический отчет с диаграммами. Изд. Верховного Суда РСФСР, 1924, стр. 25, 31.

в целом, как в декретах, так и в общей политике своего Рабоче-Крестьянского правительства»⁴⁸.

Во-вторых, обязанность суда учитывать классовую принадлежность подсудимого, его социальное положение⁴⁹.

Классовый подход не означает побижалек суда ввиду бывших заслуг; за нарушение законов все несут одинаковую ответственность⁵⁰. Имея в виду индивидуальный подход к подсудимому, П. И. Стучка писал: «Наш суд — суд классовый, но не боится оправдать и своего классового противника, если тот честный и полезный работник. Но он будет беспощаден против „мошенника“ (подразумеваются нэпманы и буржуазные специалисты. — А. П.)»⁵¹.

---

⁴⁸ Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховсуда РСФСР за 1924 год. М., Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925, стр. 120; ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 46, лл. 1—3.

⁴⁹ См.: «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 25—26, стр. 581; Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховсуда РСФСР за 1924 год. М., Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925, стр. 26.

Характерным является предложение председателя Верховсуда П. И. Стучки, по которому пленум Верховсуда на заседании 6 апреля 1925 года признал неправильным определение ГКК, что несчастный случай с ребенком произошел по вине родителей, которые не следили за ребенком. Пленум Верховсуда отметил, что, поскольку «родители являются рабочими, они не могли постоянно следить за малолетним ребенком» (Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховсуда РСФСР (январь 1925 — май 1926). М., Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927, стр. 100). См. также: Верховный Суд РСФСР за 1923 год. Отчетный доклад председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучки и статистический отчет с диаграммами. Изд. Верховного Суда РСФСР, 1924, стр. 29.

⁵⁰ Председатель Верховсуда П. И. Стучка опротестовал определение УКК от 30 июня 1925 года о вхождении в Президиум ВЦИК с ходатайством о смягчении наказания группе лиц, осужденных за покушение на разбой, мотивируя свой протест тем, что «участники этой шайки являлись кандидатами ВКП(б) и достаточно развитыми лицами» (Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховсуда РСФСР (январь 1925 — май 1926). М., Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927, стр. 117—118).

⁵¹ «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 25—26, стр. 581.

П. И. Стучка многое сделал для внедрения научной организации труда в судебные учреждения⁵², способствуя обеспечению законности в применении правовых норм судами. Даже от равномерного рассмотрения судебного материала в какой-то мере зависит правильное решение дела⁵³.

Осознание массами своей заинтересованности в исполнении законов — предпосылка законности. В статье «Революционная законность и деревня»⁵⁴ П. И. Стучка образно описывает те сдвиги, которые произошли и должны произойти в сознании крестьянина в его отношении к законам. Крестьянин был рад, когда не исполнялся помещичий и царский закон; царская законность не соответствовала его интересам. Но старые законы сожжены и разработаны новые, теперь деревня объективно заинтересована в законности, но этого для строгой законности, по наблюдениям П. И. Стучки, недостаточно, надо, чтобы массы это осознали. Последнее обстоятельство он считает важнейшим для осуществления законов и, ссылаясь на слова В. И. Ленина о возможностях, предоставляемых советскими законами по борьбе с бюрократизмом, которыми не пользуются⁵⁵, заключает: «Значит, мало написать хороший закон, мало поставить одного-дру-

---

⁵² Вскоре после вступления на пост председателя Верховного Суда РСФСР, 19 мая 1923 года, П. И. Стучка поставил вопрос об упрощении технической работы, и 9 июня Президиум Верховного Суда РСФСР избрал особую комиссию с привлечением представителя РКИ. С 1 января 1924 года суд перешел на карточную систему регистрации, и 2 февраля на заседании пленума П. И. Стучка выступил с информационным сообщением о достигнутом сокращении технического аппарата Верховсуда в связи с введением норм научной организации труда. Действия П. И. Стучки были одобрены Президиумом Верховного Суда 11 февраля (см.: Верховный Суд РСФСР за 1923 год. Отчетный доклад председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучки и статистический отчет с диаграммами. Изд. Верховного Суда РСФСР, 1924, стр. 62—63; Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховсуда РСФСР за 1924 год. М., Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925, стр. 41).

⁵³ См.: «Еженедельник советской юстиции», 1924, № 12—13, стр. 286.

⁵⁴ См.: «Беднота», 1925, 24 июня.

⁵⁵ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 171.

П. И. Стучка среди слушателей Коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Мархлевского.

Из фондов Государственного музея революции Латвийской ССР

того хорошего исполнителя этого закона, надо суметь привлечь к этому делу широкие народные массы»⁵⁶.

Конечно, в первой половине 20-х годов теория социалистической законности далеко еще не была разработана. В трудах П. И. Стучки освещались только отдельные черты законности, но, давая ответы на поставленные практикой актуальные и принципиальные вопросы, П. И. Стучка способствовал утверждению ленинских принципов социалистической законности.

§ 5. БОРЬБА П. И. СТУЧКИ ЗА УТВЕРЖДЕНИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Теоретические проблемы права разрабатывались П. И. Стучкой в тесной связи с подготовкой марксистско-ленинских, партийных научных кадров, способных вести исследовательскую и преподавательскую работу в области советского права. Эта работа проходила в ряде высших учебных заведений, в научно-политической секции Государственного ученого совета, секции общей теории и методологии права Института советского права и секции общей теории права и государства Социалистической академии.

В начале 20-х годов П. И. Стучка вел педагогическую работу во многих учебных заведениях. Ряд поручений ему был дан Коммунистической партией: в 1921 году секретариат ЦК РКП(б) предложил ему читать лекции в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, а в 1922 году — преподавание курса «Политический строй РСФСР в связи с марксистской теорией права и государства» в Военной академии. Лекции о государстве и советской конституции П. И. Стучка читал в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада им. Мархлевского, на латышском рабфаке и в педагогическом техникуме в Москве¹, а курс лекций по

⁵⁶ «Беднота», 1925, 24 июня.

¹ См.: Pēteris Stučka laikabiedru atmiņās. 1865.—1965. Rīgā, izd-ba «Liesma», 1965., 176., 233. lpp.

теории права и государства в 1922/23 учебном году — на факультете сельскохозяйственной экономики и политики Петровской сельскохозяйственной академии². Видимо, с преподаванием этого курса связана разработка программы «Марксистское понимание права и государства», обнаруженной в личном архиве П. И. Стучки³.

Специфическая особенность программы — расширение предмета науки общей теории права и государства путем включения в нее, наряду с вопросами, относящимися к данной науке, и отдельных институтов государственного права⁴. Объясняется это не только

² ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 1, д. 21, л. 68.

Имя П. И. Стучки встречается и в материалах архива Московского государственного университета им. Ломоносова за 1923—1925 гг. В списке «профессоров, вновь приглашенных», датированном 11 октября 1923 года, среди сверхштатных профессоров значится и П. И. Стучка (АМГУ, ф. 16, оп. 1, д. 39, л. 74). В сведениях о лекторах-коммунистах по факультету общественных наук I Московского государственного университета от 15 января 1925 года имеется подраздел — «сверхштатные профессора», где под № 15 приводится фамилия Стучки по специальности «госправо». Однако практически П. И. Стучка, как и Д. И. Курский и Н. В. Крыленко, которые также значатся в этом списке, на факультете общественных наук курсов не объявляли и к чтению лекций в 1923—1925 гг. не приступили (АМГУ, ф. 17, оп. 1, д. 6, лл. 7, 11; ф. 16, оп. 1, д. 39, л. 91; д. 68, л. 132). 25 июня 1924 года П. И. Стучка был утвержден ГУСом профессором по кафедре советского права педагогического факультета II Московского государственного университета (ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 1, д. 2, л. 82).

³ Рукопись не датирована, однако пояснение в списке литературы, что книга «Учение о государстве и о Конституции РСФСР» печатается, позволяет ориентировочно считать, что время написания программы — середина 1922 года. В 1921 году П. И. Стучка разработал программу по курсу «Общее учение о праве и государстве» для Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова (см.: П. Стучка. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921, стр. 4), которая до нас не дошла. Можно предположить, что программа «Марксистское понимание права и государства» в какой-то мере разработана на основе предыдущей или, по крайней мере, с учетом ее положений.

⁴ Программа охватывает шесть разделов: 1. Общее учение о праве. 2. Общее учение о государстве. 3. Советская Конституция. 4. Организация советского строя. 5. Конструкция власти. 6. Власть на местах и местное самоуправление (ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 30, лл. 1—5).

слабой разработанностью к тому времени проблемы предмета науки общей теории государства и права, но и стремлением П. И. Стучки противопоставить конкретный метод изучения права абстрактно-формальному⁵.

Первый, наиболее обширный раздел программы, занимающий более половины всего текста, посвящен общей теории права. Последовательность перечисленных проблем, подлежащих изучению, отражает взгляды П. И. Стучки на систему науки и учебного курса общей теории права.

В первую очередь рассматривается понятие права. Круг подлежащих изучению проблем в основном соответствует содержанию первых двух глав книги «Революционная роль права и государства», и только описание возникновения права в связи с возникновением общественных классов отличается некоторой оригинальностью: «Отдельные общественные отношения превращаются в систему. Право, как способ принудительного направления этой системы в интересах господствующего класса»⁶.

П. И. Стучка особенно подчеркивает классовую сущность права, его связь с классовым обществом и государством: «Для завоевания и поддержки господства класса создается классовое государство, которое сначала фактически, потом сознательно (путем законов) вводит и проводит соответствующую его интересу систему обществ[енных] отношений, т. е.

---

⁵ Двумя годами позже П. И. Стучка подробнее объяснил свое понимание конкретного метода изучения права — при изучении советского права необходимо исходить из сути советской власти. Это перекликается с указаниями В. И. Ленина, что лживость используемого для защиты господства эксплуататоров довода — осуждение диктатуры и защита демократии — заключается в оперировании «понятиями „демократия вообще” и „диктатура вообще”, не ставя вопроса о том, о каком классе идет речь... Ибо ни в одной цивилизованной капиталистической стране не существует „демократии вообще”, а существует только буржуазная демократия, и речь идет не о „диктатуре вообще”, а о диктатуре угнетенного класса, т. е. пролетариата...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 491).

⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 30, л. 1.

право. Аппарат, издающий эти законы или нормы и проводящий их путем убеждения и принуждения, называется государственной властью»⁷.

Далее следует подраздел программы, включающий проблему соотношения права и закона: закон как один из способов проведения права; законность буржуазная и революционная.

Отдельный подраздел посвящен соотношению права и экономики. П. И. Стучка предостерегает от механического толкования слов К. Маркса о базисе и надстройке, даже от «пошлого примирения хозяйства и права как содержания и формы», находя его в философствовании «об экономическом отношении и его „правовой оболочке“»⁸.

В подразделе о роли права перечислены проблемы пятой главы книги «Революционная роль права и государства».

В последнем подразделе первого раздела программы предусматривается изучение истории современной науки права в объеме материала седьмой главы той же книги.

Раздел общей теории государства охватывает такие проблемы, как понятие государства, экономически-политическое значение государства, государство и революция, формы государства и формы правительства, Советская власть, союзы государств и союзное государство⁹.

Рассматривая эту программу (разделы по теории права и государства) с современных позиций, ее, конечно, следует расценивать как весьма узкую. Однако заслуживает внимания прием составления программы в виде краткого конспекта курса. В то время необходимо было в программе четко выразить ее теоретическую и политическую направленность, так как происходила острая борьба за перестройку преподавания правовых дисциплин на основе учения марк-

---

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 30, л. 1.

⁸ Там же, л. 2.

⁹ Там же, л. 4.

сизма-ленинизма¹⁰. Кроме того, программа в форме краткого конспекта курса облегчала усвоение ее учащимися. Современные наши программы по правовым предметам несомненно гораздо богаче по своему содержанию, но они составлены преимущественно в виде перечня подлежащих изучению вопросов. Такие программы обычно нуждаются в особых методических указаниях.

Как П. И. Стучка преломлял свои теоретические положения в учебных программах, можно проследить по его деятельности в *научно-политической секции Государственного ученого совета (ГУС)*¹¹. Начало его участия в работе секции относится к 1922 году. 3 марта научно-политическая секция ГУС обсудила вопрос об образовании редакционной подсекции для рассмотрения учебных пособий по общественным наукам. Был определен личный состав подсекции и одновременно было решено ходатайствовать перед Коллегией Наркомпроса об утверждении П. И. Стучки членом научно-политической секции с включением его в состав редакционной подсекции. 26 мая П. И. Стучка впервые присутствовал на заседании секции в качестве ее члена¹².

Являясь в течение 1922—1925 гг. членом научно-политической секции ГУС¹³, П. И. Стучка непосредственно участвовал в перестройке юридического образования в стране, сыграл видную роль в разработке первых марксистских программ по юридическим дисциплинам.

Совместно с М. Н. Покровским и другими членами научно-политической секции П. И. Стучка представлял отзывы на программы по общественным наукам для педагогических техникумов.

---

¹⁰ См., напр.: Проф. Е. А. Энгель. Основы Советской Конституции. Москва—Петроград, Госуд. изд-во, 1923, стр. 3; «Советское право», 1923, № 2, стр. 113.

¹¹ ГУС, учрежденный декретом СНК от 4 марта 1919 года, ведал вопросами общего методического и программного руководства учебными и научными учреждениями.

¹² ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 1, д. 21, лл. 37, 44.

¹³ Там же, д. 1, л. 12; д. 2, лл. 2, 99; д. 25, л. 132.

15 декабря 1922 года секция поручила П. И. Стучке разработать примерный план преподавания курсов «Основы права и Конституции РСФСР», «Строительство РСФСР» и наметить состав комиссий по выработке программ этих курсов¹⁴. Исполняя поручение, П. И. Стучка написал программу лекций «Основы права и Конституция РСФСР»¹⁵.

Более подробные сведения о характере намечаемого курса даны в составленной П. И. Стучкой объяснительной записке к программе. «Основы права и Конституция РСФСР» предполагалось ввести в школах в качестве предмета общего политического просвещения. Считая основной целью предмета — «дать максимум сведений о советском строе», П. И. Стучка и здесь уделил большое внимание проблемам общей теории права. Начать изучение предмета надо с изучения общей теории права, связывая ее «самым тесным образом с историческим материализмом или марксистской социологиею. Задача — путем борьбы против юридического или классически-буржуазного мировоззрения способствовать выработке нового мировоззрения, а именно коммунистического»¹⁶. В курсе необходимо изложить, как Октябрьская революция довела до сознания масс классовый характер государства, юстиции и права, а затем — «революционно-марксистское понимание класса, классового интереса и классового права, классового сознания и классового правосознания, понятие права и нравственности, соотношение права и закона»¹⁷. Раздел о государстве П. И. Стучка предложил начать с вопросов о значении и происхождении государства, а затем изложить советский строй по Конституции и содержание самой Конституции.

П. И. Стучка участвовал также в составлении программ для промышленно-экономических техникумов. 2 марта 1923 года на заседании научно-политической секции ГУС он представил проект программы

¹⁴ ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 1, д. 21, л. 79.

¹⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 62, лл. 12—14.

¹⁶ Там же, л. 15.

¹⁷ Там же.

по предмету «Общее учение о праве и государстве и Советская Конституция РСФСР». По своему содержанию программа, по-видимому, имела много общего с программой «Марксистское понимание права и государства». В объяснительной записке к этому проекту говорится, что программа придерживается «хода мыслей» в книгах «Революционная роль права и государства» и «Учение о государстве и о Конституции РСФСР», цель курса — ознакомить не только с учреждениями РСФСР, но и дать «общие понятия о праве и государстве»¹⁸. Секция признала возможным утвердить программу при условии расширения раздела, посвященного Советской Конституции. Окончательно программа была утверждена 27 апреля¹⁹.

12 января 1923 года научно-политическая секция присоединилась к решению научно-педагогической секции о необходимости установления контроля над курсами лекций, читаемых в высших учебных заведениях преподавателями-немарксистами. Намечалось затребовать для просмотра программы, по которым они читают свои курсы. Просмотр программ был поручен членам научно-политической секции: по истории педагогических учений — Н. К. Крупской, по истории — М. Н. Покровскому, по вопросам права — П. И. Стучке²⁰ и др. Пока не обнаружены архивные материалы, позволяющие достоверно ответить на вопрос, что практически было сделано П. И. Стучкой для осуществления этого решения. И в последующие годы П. И. Стучка продолжал работу над учебными программами по юридическим дисциплинам. Среди них привлекает внимание составленная в 1924 году схема программы для коммунистических вузов — «Советское право». Первоначальный проект программы, составленный Я. Л. Берманом и В. И. Вегером, рассматривался на заседании научно-политической секции ГУС 6 мая 1924 года. Для редактирования проекта была образована комиссия, членом которой являлся и П. И. Стучка. Комиссия констатировала, что предло-

¹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 30, л. 7.

¹⁹ ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 1, д. 21, лл. 89, 100.

²⁰ Там же, л. 83.

женный проект нуждается в коренной переработке. На заседании секции 19 мая проект признали неприемлемым и поручили П. И. Стучке составить новую схему программы. 29 мая научно-политическая секция ГУС схему, разработанную П. И. Стучкой, в целом одобрила, но указала на необходимость редакционной доработки. 3 июня схема программы была утверждена²¹.

По указанию научно-политической секции ГУС в схеме программы, кроме всего прочего, следовало дать характеристику отраслей советского права²². П. И. Стучка указание учел и включил в программу примерную характеристику системы советского права. Программа отражает дальнейшее развитие взглядов П. И. Стучки. Если в статье «Пролетарское право» была предпринята первая попытка построения системы советского права, то в программе нашла отражение уже сложившаяся практика систематизации советского права. Схема программы содержит следующие разделы: 1. Введение. Понятие советского права. Ленинизм и государство. 2—4. Советская Конституция. 5. Организация Советской власти. Советское избирательное право. 6. Конструкция Советской власти. Партия и партийное правительство. Функции государственной власти. 7. Советское законодательство. Общесоюзное законодательство. Законодательство отдельных республик. 8. Исполнительная власть или порядок управления. В общесоюзном масштабе. В РСФСР. Роль и значение местных наркомов РСФСР. 9. Аппарат государственной власти и техника государственного управления. РКИ и НОТ. 10. Хоз[яйственный] аппарат. Союзный госаппарат. Центральный госаппарат РСФСР. 11. Оборона и Красная Армия. 12. Власть на местах и местное управление. 13. Автономные респуб-

²¹ ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 1, д. 25, лл. 24, 49, 70—71.

²² В постановлении говорилось о составлении программы, «которая, наряду с марксистским освещением учения о пролетарском государстве на основах ленинизма, давала бы по своему содержанию совершенно конкретное представление о строении СССР и входящих в него республик, органов Советской власти и их функций, а также основные моменты остальных отраслей советского права» (ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 1, д. 25, л. 70).

лики. Автономные области. Экономические области. Губернии. Уезды. 14. Советы. Городские Советы. Сельские Советы и Волисполкомы. 15. Публичное хозяйственное право. 16. Частнохозяйственное право РСФСР. 17. Кодекс законов о труде. 18. Земельный кодекс. 19. Применение законов. 20. Уголовный кодекс и его применение²³.

П. И. Стучка включил в схему программы вопросы советского государственного права, но название этой отрасли не употребляет. Затем следуют другие отрасли права, которые даны в программе под общей рубрикой «материальное право».

Наряду с работой по составлению новых учебных программ, ГУС организовал также замену дореволюционных учебников новыми учебниками по общественным наукам. Была образована специальная комиссия по выработке плана издания учебников по общественным наукам для высших учебных заведений. 24 февраля 1923 года план издания новых учебников рассматривался на заседании президиума ГУС. 26 февраля 1924 года научно-политическая секция ГУС указывала на необходимость срочного проведения в жизнь постановления ГУС о запрещении пользоваться дореволюционными учебниками²⁴. Участие П. И. Стучки в этой работе не ограничивалось только написанием учебников²⁵. Научно-политическая секция ГУС направляла П. И. Стучке на отзыв новые советские учебники: проф. Е. А. Энгеля «Государственное устройство РСФСР», проф. В. Н. Дурденевского «Послевоенные конституции Запада. I», проф. А. И. Елистратова «Очерк административного права» и др.²⁶

С именем П. И. Стучки связана организационная работа научно-политической секции ГУС по созданию новых юридических учебных и научных учреждений. Как член комиссии секции, он участвовал в разработке учебного плана областных юридических кур-

²³ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 62, лл. 73—79.

²⁴ ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 1, д. 1, лл. 21—22; д. 25, лл. 11—12.

²⁵ Там же, д. 16, лл. 40, 45.

²⁶ Там же, д. 1, л. 22; д. 25, л. 129; ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 18, лл. 90, 94—95.

сов²⁷. П. И. Стучка является одним из инициаторов организации правового отделения Института красной профессуры. В мае 1923 года на секции обсуждался вопрос об организации этого отделения, но никакого конкретного решения принято не было. Через год, 6 мая 1924 года, П. И. Стучка от имени секции общей теории права и государства Коммунистической академии выступил на заседании научно-политической секции ГУС с заявлением об организации особой правовой секции в Институте красной профессуры. П. И. Стучке было дано задание подготовить по этому вопросу доклад. 10 мая секция, заслушав доклад П. И. Стучки, признала необходимым организовать правовое отделение и поручила П. И. Стучке и А. Г. Гойхбаргу подготовить проект учебного плана. П. И. Стучка внес предложения об учебной программе и об условиях поступления на правовое отделение, и 17 мая, после второго доклада П. И. Стучки, было решено внести вопрос об организации отделения на рассмотрение ЦК РКП (б). Открытие отделения, однако, затянулось на три года, как объяснил П. И. Стучка, вследствие противодействия А. Г. Гойхбарга²⁸.

Начало организаторской деятельности П. И. Стучки по сплочению советских ученых-правоведов на марксистской теоретической платформе ознаменовалось образованием в июне 1922 года *секции общей теории и методологии права Института советского права (ИСП)*²⁹.

---

²⁷ ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 1, д. 21, лл. 56, 58.

²⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 20, л. 2; д. 58, л. 343; ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 1, д. 21, л. 102; д. 25, лл. 24, 31, 41.

²⁹ Институт советского права — научно-исследовательское учреждение, имевшее своей целью изучение проблем правового социалистического строительства, советской организации и советского управления — входил в ассоциацию научно-исследовательских институтов при факультете общественных наук I Московского государственного университета, а с июня 1924 года — в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН).

Датой возникновения Института советского права можем считать 19 ноября 1920 года, когда постановлением Государственного ученого совета кабинет государственного права при Московском университете был преобразован в институт. Начало прак-

Председателем секции был избран П. И. Стучка, а постоянными членами Я. А. Берман, И. С. Войтинский, В. И. Вегер, Д. А. Магеровский и Г. С. Михайлов³⁰. В дальнейшем, в связи с организацией секции общей теории права и государства Социалистической академии, секция общей теории и методологии права ИСП распалась³¹, практическое значение ее деятельности ограничилось заслушиванием при официальном открытии секции 10 октября 1922 года доклада П. И. Стучки «Заметки о классовой теории права», в котором была изложена программа разработки науки общей теории права.

Перемены в науке общей теории права чаще всего носили внешний характер — изменялась форма, а содержание оставалось буржуазным. П. И. Стучка считал, что назрело время для кардинальной переработки науки — «пора нам подумать о теории своего, т. е.

тической деятельности ИСП относится к первым месяцам 1921 года, когда сложились и начали работать секции. В утвержденном Ученой коллегией ИСП 29 января наказе предусматривалось создание трех секций: конституционного права, судебного и карательного права, хозяйственно-трудового права. Действительный член ИСП П. И. Стучка входил в состав секции государственного и административного права, которая была организована 16 марта 1921 года (ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 234, лл. 1, 4; ф. 4655, оп. 1, д. 5, л. 43; «Советское право», 1922, № 2, стр. 139).

ИСП возглавлялся Ученой коллегией, назначаемой ГУС. 22 сентября 1922 года научно-политическая секция ГУС утвердила членом Ученой коллегии института П. И. Стучку и поручила ему на заседании секции сделать сообщение об институте. С докладом П. И. Стучка выступил 14 октября. Детальное обсуждение поднятых в докладе вопросов было отложено до следующего заседания, однако секция вернулась к ним только 8 декабря, когда решалась целесообразность существования ИСП. Тогда же по собственной просьбе П. И. Стучка был освобожден от обязанностей члена Ученой коллегии ИСП. 26 января 1923 года научно-политическая секция ГУС по докладу комиссии, обследовавшей ИСП, признала деятельность института неудовлетворительной, назначила новую Ученую коллегию во главе с директором института А. Г. Гойхбаргом, включив в ее состав и П. И. Стучку, и поручила ей пересмотреть личный состав ИСП (ЦГА РСФСР, ф. 298, оп. 1, д. 21, лл. 56, 59—60, 76, 86).

³⁰ «Советское право», 1922, № 2, стр. 143.

³¹ В протоколе заседания президиума ассоциации научно-ис-

советского, права или, вернее, о своей теории права вообще»³².

Как отмечал П. И. Стучка, для буржуазной общей теории права характерны надуманность и иллюзорность. Она «служила лишь отдалению правовых вопросов от масс, в них именно заинтересованных». Необходимо создать понятную для всех теорию права. Это не означает отказа от всего, что было достигнуто в процессе исторического развития науки — «как буржуазная политическая экономия дала и дает много ценного для марксизма, так, конечно, в несравненно меньших размерах, мы кое-что получаем и от старого юридического мира»³³.

Наиболее важную роль в утверждении марксистско-ленинской общей теории права в нашей стране в 20-х годах сыграла *секция общей теории права и государства Социалистической академии*³⁴.

следовательских институтов при факультете общественных наук I Московского государственного университета от 25 мая 1923 года среди утвержденных действительных членов ИСП по секции теории и методологии права единственным значится П. И. Стучка. В отчете ассоциации за 1923—1924 гг. секция общей теории и методологии права не упоминается, и фамилии П. И. Стучки нет в списке действительных членов и научных сотрудников института (ЦГА РСФСР, ф. 4655, оп 1, д. 4, л. 14; д. 5, лл. 76, 78).

³² «Советское право», 1922, № 3, стр. 4.

³³ Там же, стр. 3, 5.

³⁴ Активными участниками создания идеологического, научно-теоретического марксистского центра являлись ученые-марксисты во главе с М. Н. Покровским. Разработанный ими проект положения о Социалистической академии общественных наук 25 мая 1918 г. рассматривался СНК, который, одобрив идею проекта учреждения академии, поручил Комиссариату народного просвещения переработать проект на основе предложений В. И. Ленина (см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 372, 613—614). 7 июня СНК для дальнейшей работы над проектом положения образовал особую комиссию, в которой СНК представляли В. П. Ногин и П. И. Стучка. Задачей комиссии, согласно разработанному В. И. Лениным директивам, являлось: «1) рассмотреть детально устав Социалистической академии общественных наук для внесения в СНК и затем в ЦИК; 2) тотчас же вступить в обмен мнений по этому вопросу, как и по вопросу о составе, с нерусскими и иностранными марксистами; 3) составить и обсудить список кандидатов, пригодных и согласных быть чле-

Во второй половине 1922 года П. И. Стучка³⁵ начал организовывать секцию, руководствуясь представленным им в президиум Социалистической академии проектом положения. В соответствии с этим проектом перед секцией общей теории права и государства ставились следующие задачи: 1) Научное изучение теории и истории права и государства, т. е. изу-

---

нами-учредителями, а равно преподавателями, для внесения этого списка в СНК и ЦИК» (там же, стр. 373). 15 июня СНК одобрил Положение о Социалистической академии и передал на утверждение ВЦИК. 25 июня был принят Декрет ВЦИК О Социалистической академии общественных наук. (Положение) (см.: СУ РСФСР, 1918, № 49, ст. 573), а 1 октября состоялось торжественное открытие академии. Уже на втором заседании совет САОН поручил комиссии, в состав которой входил П. И. Стучка, рассмотреть проект нового положения и выработать основные тезисы. Проект устава Социалистической академии был принят советом академии 16 марта 1919 года, утвержден ВЦИК и 15 апреля опубликован. По новому уставу была упрощена структура академии, последняя стала называться просто Социалистическая академия. После смерти В. И. Ленина по предложению президиума СА общее собрание членов академии 17 апреля 1924 года постановило переименовать академию в Коммунистическую, а 19 апреля президиум академии обратился в ВЦИК с ходатайством об утверждении переименования (см.: «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 18—21, 31; ЦГАОР СССР, ф. 3415, оп. 1, д. 32, лл. 2—19, ААН СССР, ф. 350, оп. 1, д. 9, лл. 2, 7).

³⁵ 21 июня 1918 года в отношении за подписью председателя Российского Бюро ЦК Социал-демократии Латвии Э. Эферта и секретаря Р. Баузе в САОН сообщалось, что «избраны для назначения членами Академии социалистических наук гг. П. И. Стучка, Ф. Розинь (Азис) и Ю. Данишевский». 25 июня ВЦИК избрал действительных членов Социалистической академии общественных наук, в том числе П. И. Стучку. 21 октября Президиум ВЦИК, в ответ на просьбу временного президиума академии делегировать в соответствии с положением четырех членов в совет академии, постановил: «Утвердить в члены Совета от ВсЦИК: Стучку, Стеклова, Курского, Покровского. Кандид[атом] Фриче». На первом заседании совета академии 3 ноября П. И. Стучка был избран членом президиума академии. Деятельность П. И. Стучки на этом посту была прервана отъездом в Латвию. Перед этим 18 декабря П. И. Стучка сообщил в президиум САОН: «Ввиду того, что я уезжаю в Латвию, я не буду в состоянии исполнять обязанности члена президиума, почему я прошу меня считать выбывшим из состава президиума САОН» (см.: «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 19—21; ЦГАОР СССР, ф. 3415, оп. 1, д. 6, л. 55; д. 27, лл. 18, 33, 53; д. 30, л. 7; д. 32, л. 1; ААН СССР, ф. 350, оп. 1, д. 2, лл. 4—5).

РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК.

ПРЕЗИДИУМ.

№ 374

МОСКВА

Поступил на рассмотрение Президиума Академии общественных наук СССР 15.05.1923 г. Постановление Президиума Академии общественных наук СССР от 15.05.1923 г. о приеме в члены Академии общественных наук СССР тов. П. И. Стучки.

Ст. Кривизов

Удостоверение П. И. Стучки — действительного члена Социалистической академии.

Из фонда Государственного музея революции Латвийской ССР

чение теории и истории права и государства с марксистской точки зрения. 2) Распространение марксистского мировоззрения среди юристов как теоретиков, так и практиков. 3) Создание тесной связи между теорией и практикой революционного права. 4) Популяризация марксистских взглядов по вопросам права и государства среди широких масс народа³⁶. Были намечены также основные формы работы секции: разработка правильной постановки преподавания советского права, освещение с точки зрения марксизма проблем советского строительства и советского законодательства, издание оригинальных и переводных марксистских работ по вопросам права и государства,

³⁶ «Вестник Социалистической академии», 1923, № 2, стр. 297.

В проекте положения говорится о «секции по общей теории и истории права и государства» (см.: «Вестник Социалистической академии», 1923, № 2, стр. 297, № 3, стр. 443), но в дальнейшем это название в материалах о деятельности секции не встречается.

переиздание классических работ по теории и истории права и государства, организация научных докладов и дискуссий³⁷. Этим не исчерпывалась деятельность секции: с 1923 года члены секции участвуют в подготовительной работе по составлению «Социалистической энциклопедии» (потом «Энциклопедии государства и права»), а с 1925 — в организации конкретных социологических правовых исследований.

Секция начала работу в январе 1923 года. Первое ее заседание, вероятнее всего, состоялось 11 января, когда П. И. Стучка выступил с докладом «Революционно-марксистское понимание права»³⁸. Этот доклад, как и другой — об организации и задачах секции, прочитанный П. И. Стучкой 5 апреля³⁹, наряду с проектом положения о секции, определил специфику секции, ее место среди других научно-исследовательских учреждений академии.

Доклад «Революционно-марксистское понимание права» четко изложил теоретические позиции секции в области общей теории права⁴⁰. В нем П. И. Стучка повторил уже ранее отстаиваемые им взгляды по вопросам понятия права, его признаков, содержания и формы в праве, революционной законности. Борьбу марксистской концепции права с буржуазными волевыми и целевыми теориями права, как и борьбу между материалистическими и идеалистическими взглядами вообще, П. И. Стучка охарактеризовал как «продолжение той же классовой борьбы, только в другой

³⁷ См.: «Вестник Социалистической академии», 1923, № 2, стр. 297.

³⁸ Протокол первого заседания не сохранился, второе состоялось лишь 5 апреля, а в постановлении организационного собрания секции по советскому строительству от 16 января 1923 года упоминается об уже организованной секции «права и государства» под руководством П. И. Стучки. Как председатель секции общей теории права и государства П. И. Стучка присутствовал на организационном собрании и вошел в состав секции по советскому строительству (ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 6).

³⁹ ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, лл. 9—10.

⁴⁰ На это указывает весьма близкое сходство тезисов доклада с другими тезисами — «первоначальной нашей программой», как их назвал П. И. Стучка, — оглашенными им при открытии секции общей теории и методологии права ИСП 10 октября 1922 года (см.: «Советское право», 1922, № 3, стр. 17—18).

«области», а попытки найти для «идеологической» концепции права защиту в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса — «в лучшем случае недоразумением»⁴¹. Основная задача советской науки права — «вскрывать и беспощадно критиковать все идеологические пережитки и предрассудки, исследуя в этих целях как теорию и практику нашей революции права, так и отыскивая классовую подоплеку всяких течений буржуазной науки и практики права, обращая особое внимание на разные переходные и революционные эпохи»⁴².

П. И. Стучка как председатель секции являлся инициатором обсуждения на секции важнейших проблем. Из десяти, по имеющимся сведениям, общетеоретических докладов, заслушанных на секции в 1923—1925 гг., пять прочитал П. И. Стучка⁴³. Им присущи

⁴¹ «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 2, стр. 38.

⁴² Там же, стр. 39.

⁴³ «Революционно-марксистское понимание права» (11 января 1923 г.); «Классовое государство и гражданское право» (8 февраля 1924 г.); «Ленин о государстве» (6 марта 1924 г.) и «Пролетарский суд и буржуазное право» (9 мая 1925 г.). В информативной статье И. А. Меницкого доклад «Ленин о государстве» назван «Ленин — как теоретик и строитель пролетарского государства» (см.: «Власть Советов», 1924, № 1, стр. 126).

В сообщениях о деятельности Социалистической академии упоминается еще один доклад П. И. Стучки — «Классовое право и классовая юстиция»; М. Н. Покровский на общем собрании членов Социалистической академии 11 октября 1923 года сообщил, что этот доклад П. И. Стучкой был прочитан (см.: «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 205; 1923, № 6, стр. 418). Подробности доклада установить не удалось. Можно предположить, что предметом обсуждения в докладе были положения одноименной брошюры, опубликованной в 1922 году на немецком языке П. И. Стучкой и отражающей содержание таких работ, как «Революционная роль права и государства», «Революционная законность?», «Революция и право», но с некоторым обновлением материала (см.: P. Stutschka, *Das Problem des Klassenrechts und der Klassenjustiz*. Hamburg, 1922).

С научными докладами на секции выступили и другие ее члены: Г. С. Гурвич — «Право и нравственность» (12 апреля 1923 г.); Е. Б. Пашуканис — «Общая теория права и марксизм» (25 октября 1923 г.); И. П. Разумовский — «Социология в ее отношении к праву» (29 ноября 1923 г.) и «Методы изучения права по Марксу и Энгельсу» (10 декабря 1924 г.); В. И. Вегер — «Идея Советской власти у Ленина» (6 марта 1924 г.).

такие черты, как партийность, актуальность и полемичность.

Докладом «Классовое государство и гражданское право»⁴⁴ намечается переход П. И. Стучки к разработке теории гражданского права⁴⁵.

В первом разделе доклада — «Гражданское право — правопорядок» — П. И. Стучка возвращается к вопросу о происхождении права, но в филологическом аспекте (о происхождении слова «право»). Соглашаясь с П. Лафаргом, что во многих языках одним и тем же словом обозначаются понятия «право» и «прямое», что это объединение понятий относится к первоначальному измерению земли, П. И. Стучка делает вывод — «генезис понятия права относится по времени к первобытной частной собственности на землю, первому регулярному товарообмену, а не раньше»⁴⁶.

Критикуя «идеологический» подход к праву Е. А. Энгеля⁴⁷ и И. П. Разумовского, стоящего на точке зрения нормативизма И. П. Подволоцкого, П. И. Стучка, как и в статье «Заметки о классовой теории права», ссылается на поставленный К. Марксом вопрос, «как отношения производства в качестве правовых отношений вступают на неодинаковый путь

---

⁴⁴ Стенограмма доклада не сохранилась, но доклад был опубликован отдельным изданием в виде брошюры под таким же названием (см.: П. Стучка. Революционная роль права и государства. Изд. 3-е, М., Изд-во КА, 1924, стр. 58).

⁴⁵ Необходимость такого перехода П. И. Стучка мотивировал важностью отрасли права — «гражданское право в широком смысле слова есть право вообще. А все прочие так наз[ываемые] права являются лишь наростом, надстройкою в узком смысле слова» (П. Стучка. Классовое государство и гражданское право. М., изд. СА, 1924, стр. 11; см. также стр. 4).

⁴⁶ П. Стучка. Классовое государство и гражданское право. М., изд. СА, 1924, стр. 13.

⁴⁷ Ошибочные положения книги Е. А. Энгеля «Очерки материалистической социологии» П. И. Стучка подверг критике в статье «Марксизм и социология» (см.: «Печать и революция», 1924, № 2, стр. 75—80). Подробнее об этом см.: П. П. Кокис. Философские проблемы в трудах П. И. Стучки. Рига, изд-во «Зинатне», 1967, стр. 33—38.

развития»⁴⁸. «Эту работу остается проделать», — утверждал П. И. Стучка, — в качестве исходной точки взяв «совпадение производственных отношений и отношений собственности, совпадение договора (как формального осуществления) с самим экономическим отношением» при рождении права и рассматривая право с точки зрения революционного марксизма⁴⁹.

Второй раздел — «Гражданский кодекс» — содержит характеристику Гражданского кодекса Наполеона и Гражданского кодекса РСФСР. Не вдаваясь в подробный разбор доклада в части, содержащей характеристику отдельных институтов гражданского права, постараемся вкратце восстановить и объяснить подлинные взгляды П. И. Стучки на советское гражданское право и Гражданский кодекс РСФСР. П. И. Стучку неоднократно упрекали в объявлении Гражданского кодекса РСФСР 1922 года буржуазным⁵⁰. Действительно, у П. И. Стучки находим такие выражения, как кодекс — «перепечатка извлечений из чисто буржуазных кодексов», «в гражданском праве мы провели рецепцию буржуазного гражданского права» и т. п.⁵¹ Но в докладе мы обнаруживаем и высказывания совершенно противоположного характера: «Право переходного периода, т. е. организация, система общественных отношений, т. е. отношений производства и обмена этого периода, и есть то, что мы называем советским правом. Дело не меняется, если временно в эту систему входит известная доля преж-

---

⁴⁸ П. Стучка. Классовое государство и гражданское право. М., изд. СА, 1924, стр. 20.

⁴⁹ См. там же.

⁵⁰ См., напр.: Проф. В. И. Бошко. Очерки развития правовой мысли. Харьков, Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925, стр. 451; А. Я. Вышинский. К положению на фронте правовой теории. М., Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937, стр. 11.

Белоэмигрант В. Б. Эльшевич, ссылаясь на книгу «Классовое государство и гражданское право», злорадствовал, что у П. И. Стучки он якобы нашел признание влияния иностранных авторов на мысль советских юристов (см.: *Traité de droit civil et commercial des Soviets. Tome I. Paris, 1930, p. 170*).

⁵¹ П. Стучка. Классовое государство и гражданское право. М., изд. СА, 1924, стр. 48, 51.

них буржуазных „гражданских“ правоотношений»⁵². (Курсив мой. — А. П.) Или другое высказывание, что кодекс вводит «осколок отношений буржуазного мира», но не систему отношений — «делается, напротив, все, чтобы разрушить эту систему, чтобы этой группе статей не давать сложиться в систему буржуазных отношений. Похвальная цель!»⁵³ Эти столь отличные, на первый взгляд — находящиеся в непреодолимом противоречии мысли логических противоречий на деле не содержат. Вернемся к Гражданскому кодексу Наполеона. Гражданское право — «система отношений между классами», а кодекс — описание разных правовых институтов. Опять — кажущееся логическое противоречие. Желая объяснить его, П. И. Стучка группирует совершающиеся в буржуазном обществе сделки, получая группы отношений между рабочими и капиталистами, землевладельцами и арендаторами, крестьянами и рабочими⁵⁴. Если отбросить те или иные классы, то «отпадут все отношения между этими группами, а вместе с тем и нормы, сюда относящиеся»⁵⁵. Подобный анализ П. И. Стучка предлагает проделать и с фактическими правоотношениями в Советском государстве⁵⁶. Описанные в статьях кодекса правовые институты, по формальным признакам совпадающие с институтами буржуазного гражданского права, являются формой для правоотношений нового типа — социалистических.

Еще более четко эта мысль изложена в докладе «Пролетарский суд и буржуазное право», где П. И. Стучка «буржуазному гражданскому кодексу» противопоставляет фактические правоотношения: «На деле изменилось то, что нанимаются на работу рабочие на фабриках, исключительно принадлежащих классу грудящихся в целом, что товары являются продуктом этого коллективного труда и обмен произво-

⁵² П. Стучка. Классовое государство и гражданское право. М., изд. СА, 1924, стр. 49.

⁵³ Там же, стр. 60.

⁵⁴ См. там же, стр. 41—43.

⁵⁵ Там же, стр. 44.

⁵⁶ См. там же, стр. 50.

дится именно этим продуктом. Количество в данном случае не превращается ли в новое качество ...»⁵⁷. П. И. Стучка отверг призыв воскресить полностью буржуазное право, а также и нигилистическое отношение к праву, осуществлением на деле идей В. И. Ленина считал выработку «особого классового права переходного времени, советского права»⁵⁸.

Интересные мысли были высказаны в выступлениях П. И. Стучки в прениях по докладам других членов секции. Высказывания П. И. Стучки на заседании секции 3 мая 1923 года при обсуждении доклада Г. С. Гурвича «Право и нравственность»⁵⁹, как и его рецензии на книги Е. А. Преображенского «О морали и классовых нормах» и Д. Дембского «Нравственность и право с точки зрения исторического материализма», позволяют судить об отношении П. И. Стучки к проблеме морали. Замечания П. И. Стучки по докладу Г. С. Гурвича носят фрагментарный характер⁶⁰ и в основном относятся к методологии исследования нравственности. Теоретическую работу в этой области, как и в области права, П. И. Стучка считал необходимым начинать с основательного пересмотра старых взглядов на нравственность. Выступая против не критического позаимствования учения К. Каутского об этике, П. И. Стучка предложил проверить, «правильно ли он (т. е. К. Каутский. — А. П.) ... подходит целиком к революционному марксизму, с точки зрения которого мы смотрим»⁶¹.

⁵⁷ «Вестник Коммунистической академии», 1925, № 13, стр. 233.

⁵⁸ Там же, стр. 234.

⁵⁹ Г. С. Гурвич признавал классовый характер морали и ее обусловленность материальными общественными отношениями, но право считал частью норм морали. По Г. С. Гурвичу, право рождается, когда какая-то часть моральных принципов выходит за пределы «родного» класса. «Эта сумма нравственных предписаний снабжена этикеткой государственного признания, и вооруженное аппаратом государственного принуждения оно функционирует, как право» (ААН СССР, ф. 350, оп. 1а, д. 10, лл. 14, 16, 20).

⁶⁰ Сохранившиеся направленные стенограммы этого и других выступлений П. И. Стучки местами непонятны и противоречивы. Высказывания П. И. Стучки нами восстанавливались с учетом контекста. Цитаты даны строго по оригиналу.

⁶¹ ААН СССР, ф. 350, оп. 1а, д. 10, л. 45.

Отвергая попытку Г. С. Гурвича объяснить нравственность путем сравнения ее с социальными инстинктами животных, П. И. Стучка задает вопрос, «знали ли мы, действительно, больше о социальных инстинктах животных, чем о социальных инстинктах людей», и тут же отвечает, что Ч. Дарвин к изучению животных перешел от людей, исходя из теории Т. Мальтуса⁶². Для изучения соотношения права и нравственности П. И. Стучка предложил применять теорию защищенного интереса.

Это предложение им было конкретизировано в рецензии на книгу Е. А. Преображенского. «Введение понятия классового интереса в классовую теорию морали сблизит, с одной стороны, более отчетливо разъединит, с другой, области права и морали. Тогда мы увидим, что классовое правосознание составляет лишь часть классовой морали господствующего класса, а что классовое сознание угнетенного класса стоит в прямом противоречии как с господствующим правом, так и с господствующей моралью»⁶³, — констатировал П. И. Стучка. Интересная мысль изложена в части рецензии, впоследствии зачеркнутой (самим ли П. И. Стучкой или кем-то другим — неизвестно) о соотношении классового уголовного права и классовой морали. П. И. Стучка писал, что уголовное право должно быть частью морали. Этим правильно акцентировалось, что нормам уголовного права, как правило, соответствует нравственный запрет, но одновременно игнорировалась специфика морали как особой части идеологической надстройки.

Понимая мораль прежде всего как разновидность общественных отношений, П. И. Стучка призывал изучать соотношение экономики и морали, обосновывать теоретические выводы, опираясь на материалы конкретных социологических исследований⁶⁴.

В рецензии на книгу Д. Дембского высказана идея «революции нравственности», а именно — вести

⁶² ААН СССР, ф. 350, оп. 1а, д. 10, лл. 46—47.

⁶³ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 18, л. 108.

⁶⁴ Там же, л. 109.

теоретическую работу с учетом революционной практики⁶⁵.

В выступлении по докладу Е. Б. Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» П. И. Стучка, отстаивая понимание права как системы общественных отношений, одновременно *предупреждал об опасности одностороннего понимания права, что может привести к буржуазной точке зрения об объективном праве или к новейшему экономизму*. Понятие права как системы общественных отношений «не означает, что общественные отношения есть право, это есть только общественные отношения. Они являются только как звено, как система, которая регулируется властью...»⁶⁶. Участвуя в обсуждении доклада И. П. Разумовского «Социология в ее отношении к праву», П. И. Стучка повторил свое мнение о разных значениях слова «право» в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, о трех понятиях права. Касаясь вопроса о сущности права, П. И. Стучка пояснил, что право — это «фактические отношения, которые освящены правом (видимо, слово употреблено в смысле норм права. — А. П.), то есть которые имеют значение данного правопорядка, но не все общественные отношения...»⁶⁷.

Второй формой практической деятельности секции общей теории права и государства являлась *работа по составлению «Энциклопедии государства и права»*⁶⁸.

---

⁶⁵ «Печать и революция», 1925, № 3, стр. 250.

⁶⁶ ААН СССР, ф. 350, оп. 1а, д. 16, л. 42.

⁶⁷ Там же, д. 19, л. 42.

⁶⁸ Подготовка к изданию «Социалистической энциклопедии» началась в Социалистической академии в 1922 году, когда была разработана программа издания, рассмотренная 21 октября президиумом академии. На общем собрании членов Социалистической академии 22 февраля 1923 года было решено приступить к подготовке издания. На следующем общем собрании 11 октября президиуму академии было поручено сформировать состав редакции энциклопедии. Работа тормозилась нехваткой научных кадров, и на собрании было высказано предложение привлечь к работе академии теоретиков-марксистов, живущих за границей. В ответ на это предложение П. И. Стучка в своем выступлении обратил внимание на то обстоятельство, что заграничные ученые

«Энциклопедия государства и права» является коллективным трудом: к написанию статей был привлечен широкий круг авторов⁶⁹, работа планировалась и распределялась между авторами на заседаниях секции, статьи редактировались частично на заседаниях секции, частично — в бюро секции⁷⁰. Руководящая роль П. И. Стучки в создании энциклопедии не ограничивалась общей редакцией, выполнением обязанностей редактора отделов теории общества, государства и права и гражданского права⁷¹. В основу энциклопедии легла выработанная в программной статье «Наши задачи» теоретическая платформа. В написанном П. И. Стучкой предисловии к энцикло-

---

«должны проделать много того, что мы уже проделали», решительно отстаивал необходимость активизации работы на месте — «у нас есть много собственных сил, они только разбросаны, и я думаю, что здесь надо ввести некоторый порядок для их объединения» («Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 207; 1923, № 3, стр. 441, № 6, стр. 427—429, 437). Это предложение П. И. Стучка осуществил на практике, и хотя работа по подготовке энциклопедии в целом затягивалась, в части, относящейся к государству и праву, она продвигалась успешно. К началу 1924 года секцией общей теории права и государства материал был распределен по отделам, началась разработка статей. 12 апреля президиум академии заслушал доклад Е. Б. Пашуканиса о работе секции. В связи с предложением секции издать отдел права и государства в виде особой энциклопедии президиум поручил секции продолжать работу по составлению «Марксистской юридической энциклопедии», а 21 июня утвердил программу и состав редакторов «Энциклопедии государства и права» (ААН СССР, ф. 350, оп. 1, д. 9, лл. 6, 15). Первое издание «Энциклопедии государства и права» вышло в свет в 1925—1927 гг., а второе — в 1929—1930 гг.

⁶⁹ Первоначально сотрудниками энциклопедии являлись В. В. Адоратский, Я. А. Берман, И. С. Войтинский, А. Я. Вышинский, Г. С. Гурвич, С. И. Каплун, Е. Б. Пашуканис, С. М. Прушицкий, С. И. Раевич, И. П. Разумовский, П. И. Стучка, Б. Е. Штейн, А. Я. Эстрин (ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 39). В дальнейшем коллектив авторов значительно возрос, в предисловии к энциклопедии упоминается уже 55 авторов (см.: Энциклопедия государства и права. Под ред. П. Стучки. Т. 1. М., Изд-во КА, 1925—26, стр. V).

⁷⁰ ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, лл. 44, 50, 52, 65; ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 20, л. 4.

⁷¹ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 20, л. 6.

педии⁷² задача, поставленная составителями энциклопедии, была охарактеризована следующим образом: «Верные взгляды тов. Ленина, что „теоретическая и практическая работы должны сливаться в одну работу“, мы старались удовлетворить и теоретика и практика. В области теории мы не гнались за полнотой сведений... а главное внимание обратили на единство и выдержанность общего революционно-марксистского подхода»⁷³. Прочитанная П. И. Стучкой в качестве доклада статья для энциклопедии «Владение» была принята к сведению как «тип заметки» по основным вопросам⁷⁴. Секция дала указания авторам статей по финансовому праву — «трактовать не только нормативную узко юридическую сторону вопроса, но и экономическую»⁷⁵.

Для «Энциклопедии государства и права» П. И. Стучка написал около 100 статей, в том числе статьи по общей теории права: «Буржуазное право», «Закон», «Законность революционная», «Источники права», «Норма», «Политика права», «Право», «Правоведение», «Правоотношение», «Правосознание», «Советское право» и др. Эти статьи содержат положения уже ранее опубликованных монографий и статей П. И. Стучки.

Многообразна была *издательская деятельность секции общей теории права и государства*. Секция подготовила к печати доклады, прочитанные на ее заседаниях (Е. Б. Пашуканиса, И. П. Разумовского, П. И. Стучки и др.)⁷⁶, приступила к подготовке издания серии «Буржуазное государство и право»⁷⁷, и, на-

---

⁷² Предложенное П. И. Стучкой предисловие 9 апреля 1925 года было принято секцией, которая одновременно поручила Е. Б. Пашуканису и И. П. Разумовскому дополнить его с учетом высказанных на заседании соображений (ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 51).

⁷³ Энциклопедия государства и права. Под ред. П. Стучки. Т. 1. М., Изд-во КА, 1925—26, стр. IV.

⁷⁴ ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 25.

⁷⁵ Там же, л. 38.

⁷⁶ Там же, лл. 32, 60.

⁷⁷ П. И. Стучка являлся инициатором издания книги Ф. Саньяка «Гражданское законодательство французской революции»

конец, появляется в свет первый сборник статей «Революция права», ставший в дальнейшем теоретическим органом секции. Идея издания сборника принадлежала П. И. Стучке. На заседании секции 30 октября 1924 года было заслушано и одобрено сообщение П. И. Стучки об издании сборника статей по вопросам права и государства⁷⁸. Название сборнику было дано не сразу. 4 декабря решено было назвать сборник «Революция и право», а 8 января 1925 года окончательно утвердили название в несколько видоизмененной форме — «Революция права»⁷⁹. В первом номере сборника «Революция права» было опубликовано 6 статей П. И. Стучки: введение под названием «Наши задачи», без подписи⁸⁰; «Ленин и революционный декрет»; «Буржуазная революция и гражданское законодательство»; «Советское право в „белом“ освещении»; «Так называемое советское право» и «Семейное право»⁸¹.

Направления теоретической работы, намеченного в сборнике, секция придерживалась и в дальнейшем. 11 декабря 1925 года секция постановила: «Создать из сбор[ника] „Революция права“ основной теоретичес-

---

1789—1804». Бюро секции «признало желательным» новый перевод книги Р. Иеринга «Борьба за право», а на заседании секции 26 марта 1925 года было принято решение о выпуске целой серии, включающей работы Ф. Саньяка, М. Ориу, Л. Гумпловича и М. Я. Острогорского, которые впоследствии, за исключением книги Л. Гумпловича, были опубликованы в переводе на русский язык (ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, лл. 32, 37, 49).

⁷⁸ ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 38.

⁷⁹ Там же, лл. 30, 38.

⁸⁰ Первоначально, 4 декабря 1924 года, в качестве программной намечалась статья П. И. Стучки «Ленинизм и право», но на заседании секции 8 января 1925 года договорились сборнику предпослать от имени редакции статью «Наши задачи». Статья «Наши задачи» была написана П. И. Стучкой и принята секцией 5 февраля, притом Е. Б. Пашуканису и И. П. Разумовскому было поручено несколько дополнить ее. Сделанные при этом исправления, судя по сохранившемуся машинописному экземпляру статьи, носили редакционный характер (ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, лл. 30, 35, 38, 41—43).

⁸¹ См.: Революция права. Сборник I. М., Изд-во КА, 1925, стр. 3—4, 33—39, 130—139, 140—154, 175—180.

кий орган в области правовой мысли, исходя из той платформы, которая изложена в сборн[ике] № 1»⁸².

Осенью 1925 года секция общей теории права и государства предприняла попытку организовать *конкретные социологические исследования*. 1 октября 1925 года был принят план обследования крестьянского права⁸³, а 8 октября П. И. Стучка предложил обследовать юридический быт городских рабочих⁸⁴. «Схема вопросника по обследованию крестьянского права», представленная А. А. Лисицыным, рассматривалась на бюро. П. И. Стучка сделал в тексте ряд исправлений и дополнений, в частности ввел новый раздел «Суд», слово «право» заменил другим — «правоотношения». Его замечания частично были учтены при разработке второго варианта анкеты — «Набросок проекта вопросника по обследованию крестьянских правоотношений»⁸⁵. По мнению П. И. Стучки, основное внимание следовало сосредоточить на обследовании института крестьянского двора⁸⁶. С учетом этого окончательным объектом обследования были избраны семейные и хозяйственные правоотношения крестьянского двора⁸⁷, и для проведения этой работы в декабре 1925 года при секции была создана комиссия по обследованию юридического быта современной деревни и города⁸⁸.

⁸² ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 98.

⁸³ Там же, л. 81.

⁸⁴ Там же, л. 84.

⁸⁵ Там же, лл. 86—91; ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 65, лл. 6—14.

⁸⁶ ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 92.

⁸⁷ Тогда же, 11 декабря 1925 года, был утвержден окончательный текст анкеты (ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, лл. 98—124).

⁸⁸ ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 125.

Анкеты по обследованию правоотношений крестьянского двора были разосланы в разные районы РСФСР, Украинской ССР и Белорусской ССР. По результатам обследования были сделаны публикации в журнале «Революция права» и разрабатывалась монография (см.: Коммунистическая академия при ЦИК СССР. «Информационный бюллетень», 1926, № 1, стр. 6). Кроме того, анкеты использовались и аграрной секцией Коммунистической академии (ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 208).

Наконец, в связи с подготовкой в НКЮ нового проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке П. И. Стучка выступил с тезисами по семейному и брачному праву⁸⁹. Этим было положено начало регулярному участию секции в подготовке новых законопроектов. В секции были обсуждены актуальные проблемы земельного, гражданского, уголовно-процессуального, уголовного и других отраслей права⁹⁰.

Оценивая результаты практической деятельности секции общей теории права и государства к 1925 году, можно отметить важнейшие ее достижения.

Первым из них можно считать организационное оформление секции. С момента своего образования секция мыслилась как объединение марксистов-ленинцев, работающих в области права и государственного строительства⁹¹. Первоначальное ядро секции образовали бюро в составе П. И. Стучки, В. В. Адоратского и Е. Б. Пашуканиса⁹² и члены секции общей теории и методологии права ИСП. В работе первых заседаний секции в 1923 году участвовали В. В. Адоратский, Г. С. Гурвич, И. А. Меницкий, Н. Н. Овсянников, Е. Б. Пашуканис, С. М. Прушицкий, П. Ф. Сапожников, П. И. Стучка, А. Я. Эстрин и др. Состав секции постепенно стабилизировался. 8 января 1925 года на заседании секции было решено считать ее членами всех, принимающих активное участие в ее работе, конкретно: В. В. Адоратского, И. С. Войтинского,

---

⁸⁹ Тезисы тщательно обсуждались на секции общей теории права и государства (ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, лл. 98, 126—128) и в 1926 году вышли отдельным изданием (см.: Брак и семья. Тезисы к проекту кодекса о браке, семье и опеке. С предисловием П. Стучки. М., Изд-во КА, 1926). Отстаиваемое П. И. Стучкой приравнение (в смысле последствий) незарегистрированного брака зарегистрированному, равноправие супругов и другие положения легли в основу Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 года.

⁹⁰ ААН СССР, ф. 350, оп. 1а, д. 92, лл. 1—51; д. 189, лл. 1—19; д. 190, лл. 1—63; д. 193, лл. 1—66; д. 194, лл. 1—77; д. 331, лл. 1—110; ф. 360, оп. 2, д. 4, лл. 1—61.

⁹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 41, л. 5.

⁹² См.: «Вестник Социалистической академии», 1923, № 3, стр. 443.

А. Я. Вышинского, Г. С. Гурвича, В. Н. Максимовского, И. А. Меницкого, Г. С. Михайлова, Е. Б. Пашуканиса, С. М. Прушицкого, С. И. Раевича, И. П. Разумовского, П. И. Стучку, Б. Е. Штейна и А. Я. Эстрина⁹³. Тогда же была выдвинута идея превратить секцию общей теории права и государства Коммунистической академии в «ком[мунистическую] фракцию, объединяющую всех тт. коммунистов, работающих в области теории прав[а] и государства»⁹⁴.

Организационная структура секции общей теории права и государства получила свое закрепление в Положении о секции права, утвержденном президиумом Коммунистической академии 2 мая 1925 года⁹⁵. По вопросу о задачах секции и направлениях деятельности для их осуществления Положение о секции права воспроизводит текст предложенного П. И. Стучкой проекта положения⁹⁶. Заново были разработаны подразделы «Организации секции» и «Обязанности членов секции». В подразделе «Организации секции» предписывалось, что членами секции могут быть все коммунисты, работающие теоретически над вопросами права и государства. Общее идейное руководство секцией осуществляет назначаемый президиумом академии председатель, в помощь которому избирается бюро из пяти человек⁹⁷.

Вторым достижением можно считать объединение членов секции на марксистско-ленинской теоретической платформе. Эта платформа конспективно была изложена в написанной П. И. Стучкой редакционной статье «Наши задачи» к сборнику «Революция права»: «Нас объединяет прежде всего революционно-диалектический метод как в научной, так и в практической работе по праву — в прямую противоположность

⁹³ ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, лл. 9, 11, 28.

Бюро секции было избрано в составе председателя секции П. И. Стучки, его заместителя В. В. Адоратского и членов: Г. С. Гурвича, Е. Б. Пашуканиса и И. П. Разумовского.

⁹⁴ ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 28.

⁹⁵ Там же, ф. 350, оп. 1, д. 10, л. 83; ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 71.

⁹⁶ Там же, ф. 350, оп. 1, д. 10, л. 85.

⁹⁷ Там же, л. 86.

метафизическому формально-догматическому и, наконец, в лучшем случае, исторически-эволюционному методу буржуазной юриспруденции. Это одновременно означает и классовый подход к изучению государства и права, ибо мы рассматриваем эти явления, как коренящиеся в материальных условиях общественной жизни и получающие свое развитие в процессе классовой борьбы. Наконец, мы, будучи материалистами, при изучении государства-права исходим из материальных отношений людей, чтобы оттуда черпать понимание идей и понятий людей о своих же взаимоотношениях»⁹⁸. Основной задачей остается борьба с юридическим, или буржуазным, мировоззрением. П. И. Стучка отметил несколько ступеней в этой борьбе: чтение докладов «в целях выяснения своих позиций»; составление «Энциклопедии государства и права» с целью «выработать свое собственное мировоззрение»; издание сборника «Революция права», чтобы «создать более широкое объединение „воинствующих материалистов“ в области права и открыть широкую классовую борьбу против буржуазного понимания права в теории и буржуазного истолкования норм советского права в применении их на практике»⁹⁹.

Третьим достижением секции общей теории права и государства является внедрение коллективных методов в научно-исследовательскую работу. Преимущество такой организации работы убедительно показали первые успехи в составлении «Энциклопедии государства и права». С учетом этого на заседании секции 8 января 1925 года вопрос о коллективной научно-исследовательской работе рассматривался отдельным пунктом повестки дня и было решено после окончания работ по составлению энциклопедии перейти «к осуществлению ряда коллективных работ научно-исследовательского характера»¹⁰⁰. В качестве перспективных проблем для коллективной разработки намечалась история советского государственного устрой-

⁹⁸ Революция права. Сборник I. М., Изд-во КА, 1925, стр. 3.

⁹⁹ Там же, стр. 4.

¹⁰⁰ ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 29.

ства и составление марксистских курсов для высшей школы.

Четвертое достижение — уже тогда, на заре советской юридической науки, секция признала необходимым организовать комплексное исследование проблем на стыке правовой и других смежных с нею наук, постановив «стараться привлечь в число членов секции историков, социологов и философов, разрабатывающих смежные теоретические проблемы»¹⁰¹.

Для понимания борьбы П. И. Стучки за утверждение марксистско-ленинской методологии исследования права известное значение имеют многочисленные рецензии на работы по юридическим вопросам, написанные им по поручению Государственного ученого совета, Государственного издательства¹⁰², и библиографические сообщения, сделанные на секции общей теории права и государства¹⁰³. Разоблачая несостоятельность применяемых буржуазной наукой методов исследования права, критикуя попытки перенести эти методы в марксистско-ленинскую общую теорию права, П. И. Стучка способствовал воспитанию кадров молодых правоведов-марксистов, помог осознать ошибки и стать на научную точку зрения многим представителям правовой мысли старшего поколения.

Критика методологии буржуазных доктрин права дана в рецензии на книгу Я. М. Магазинера «Общее учение о государстве»¹⁰⁴.

---

¹⁰¹ ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 28.

¹⁰² ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 18, лл. 39, 94.

¹⁰³ ААН СССР, ф. 360, оп. 1, д. 2, л. 11.

¹⁰⁴ Книга Я. М. Магазинера представляла собой изложение курса лекций, читаемых в Петроградском университете в 1918—1922 гг. Первое издание книги было подготовлено к печати в 1918 году. Основные положения первого издания — формальное равенство перед законом, право — «кодекс правил социальной дуэли», идея непрерывного развития права — были воспроизведены и во втором издании книги под названием «Общее учение о государстве» (см.: Я. М. Магазинер. Общее учение о государстве. Изд. 2-е, Петербург, 1922, стр. 7, 12, 19, 72—75; см. также: Проф. Я. М. Магазинер. Лекции по государственному праву. Петроград, 1919, стр. 4—7, 10, 63).

Я. М. Магазинер, обходя классовую борьбу, говорил о «социальной дуэли», которая регулируется правом, т. е. «кодексом правил социальной дуэли». П. И. Стучка подверг критике концепцию «социальной дуэли», указывая, что Я. М. Магазинер к изучению буржуазного права подошел с формальной стороны и потому сделал вывод о праве как о выражении общих интересов всех классов, а это на деле означает — «тюрьма, расстрел, повешение против пролетариев»¹⁰⁵.

Право в восприятии Я. М. Магазинера — и юридические законы, и фактически действующее — существует в отрыве от общества, притом его изложение представляло собою сложные, труднопонимаемые конструкции. П. И. Стучка метко охарактеризовал идеализм Я. М. Магазинера следующими словами: «Значит, право есть не что-нибудь конкретное, а нечто „идейное“, не совокупность норм и не система отношений, а нечто неуловимое, существующее только в идее»¹⁰⁶.

Я. М. Магазинер придерживался теории непрерывной эволюции права, отстаивал идею бессмертия действующего права, а источниками права, наряду с законом, обычным правом, прецедентом, считал и «неправо», т. е. революцию. П. И. Стучка показал неприемлемость подобного взгляда для ученого, стоящего на откровенно классовой точке зрения. В действительности дело происходит следующим образом: в ходе революции «победивший класс, отвергая право побежденного класса, возводит в право свои интересы...»¹⁰⁷.

В обзоре «Библиография по теории права и государства»¹⁰⁸ П. И. Стучка констатировал, что классовость права начинают признавать даже буржуазные

¹⁰⁵ «Под знаменем марксизма», 1922, № 9—10, стр. 233.

¹⁰⁶ Там же, стр. 234.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ В обзоре дан критический разбор статей по общей теории права и государства, помещенных в журналах «Советское право» (И. С. Войтинский, В. Н. Дурденевский, М. М. Исаев, Д. А. Магеровский, Г. С. Михайлов), «Научные известия» (Д. А. Магеровский), «Право и жизнь» (Я. А. Канторович, А. С. Тагер, Н. М. Тоцкий, А. Н. Трайнин) и в эмигрантском издании «Труды русских ученых за границей» (П. И. Новгородцев).

профессора, но для его обоснования пользуются волевыми и другими, чисто буржуазными теориями. Юристы должны по-марксистски обосновать классовый характер права, указывал П. И. Стучка. Он привел примерную схему такого обоснования: «Если классовая борьба есть борьба классов за роль в производстве, за распределение средств производства в буржуазном обществе, другими словами, за или против частной собственности на эти средства производства, т. е. в конечном выводе из-за права (а не отдельных прав), то схема получается ясная и убедительная: класс, классовый интерес, классовое сознание (сознание классом своего интереса), победа класса, классовое правосознание, а не наоборот»¹⁰⁹. Иными словами, классовая природа права обусловлена существованием классов и классовой борьбы, а не наоборот.

Занимала П. И. Стучку и проблема диалектики отрицания буржуазной теории права. Отвергая «идеологический» метод в правоведении, заключающийся в позаимствовании положений буржуазных доктрин права и объявлении их соответствующими марксизму¹¹⁰, П. И. Стучка настаивал на необходимости критически осмыслить и переработать с точки зрения марксизма-ленинизма все ранее достигнутое в изучении права. Характерны в этом отношении его отзывы о книге Карла Реннера (под псевдонимом Иосиф

¹⁰⁹ «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1, стр. 167.

¹¹⁰ Примером может служить книга Г. М. Португалова «Революционная совесть и социалистическое правосознание» (см.: П. Стучка. Г. М. Португалов. Революционная совесть и социалистическое правосознание. «Печать и революция», 1923, № 2, стр. 184—185).

Книга Г. М. Португалова представляла собой отвлеченное формальнологическое исследование развития идеи совести в римском и феодальном праве, в эпоху буржуазных революций, а анализ советского права исчерпывался сличением терминологии нормативных актов. Понятие права Г. М. Португалов позаимствовал у Л. И. Петражицкого. В отличие от М. А. Рейснера, создавшего разветвленную эклектическую конструкцию, Г. М. Португалов посредством поверхностных суждений и пары цитат пытался обосновать выдуманную им родственность взглядов В. И. Ленина и Л. И. Петражицкого (см.: Г. М. Португалов. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург, Госуд. изд-во, 1922, стр. 17—18, 46).

Карнер) «Социальные функции права»: это «интересная работа», она дает материал для размышлений «критическому читателю», к ней надо подходить «критически». Карл Реннер — юрист старой школы. Задача читателя, продолжает П. И. Стучка, «заменить рассуждения юриста старой школы завоеваниями нашей революции»¹¹¹. Подобную замену надо проделать и в области методологии. «Если в буржуазной общественной науке господствует юридическая логика, то как раз Маркс выдвинул тот новый, историко-материалистический метод, который должен разрушить старую, буржуазно-классовую, т. е. юридическую, логику»¹¹², — писал П. И. Стучка.

В рецензии на книгу С. Драницына «Конституция РСФСР в ответах на вопросы» П. И. Стучка критиковал рассуждения о внеклассовом государстве и попытку доказать, что Советская Конституция скопирована с буржуазных. Одним из методов изучения Советской Конституции П. И. Стучка назвал сравнительный, но не в смысле выявления параллелей, а наоборот — противопоставления¹¹³. Ряд обобщающих выводов, наряду с критикой по существу, содержит и рецензия на книгу проф. Е. А. Энгеля «Основы Советской Конституции». Показав, что преподнесенные Е. А. Энгелем в качестве марксистских понятия социальной функции и экономической взаимозависимости классов являются остатками буржуазной, метафизической теории, он призывал автора к самокритике. «Остатки буржуазных приемов, — констатировал П. И. Стучка, — отзвуки буржуазных взглядов как раз в правовых вопросах и в вопросах о государстве не составляют несмываемого греха, особенно в нашу эпоху начала великой революции мысли в этих вопросах»¹¹⁴. П. И. Стучка не признавал критики ради критики. Порой иронически, порой серьезно, но всегда доброжелательно, откровенно, по-товарищески П. И. Стучка пытался аргументированно доказать

¹¹¹ «Печать и революция», 1923, № 3, стр. 219.

¹¹² Там же, стр. 220.

¹¹³ Там же, № 4, стр. 232—233.

¹¹⁴ «Красная новь», 1923, № 5(15), стр. 409.

несостоятельность теоретических построений автора и этим помочь ему стать на верный, марксистский путь.

Простоту изложения, доступность для широких масс П. И. Стучка считал характерной чертой советской науки. В университете рабоче-крестьянского государства должен понятно излагаться любой предмет в отличие от «особенно непонятного, т. е. научного, жаргона» царского университета. По примеру работы В. И. Ленина «Государство и революция» в общественных науках должно быть достигнуто единство научного содержания и популярного изложения. П. И. Стучка писал: «Долой такое деление науки на „академическую” и на науку для более широких масс. Наша наука едина. Особенно такие вопросы, как политика, право, государство, — должны быть одинаково понятны для всех...»¹¹⁵.

В 1923 году была опубликована работа В. В. Адоратского «О государстве (К вопросу о методе исследования)»¹¹⁶. П. И. Стучка написал положительную рецензию на книгу, в которой делился мыслями о практическом проведении революции в теории права. Когда борьба против юридического мировоззрения «разгорается по всей линии», «наша задача, — ориентировал П. И. Стучка, — в правовых вопросах, конечно, заключается, в первую очередь, в беспощадной критике нашего буржуазного наследства»¹¹⁷. В отно-

---

¹¹⁵ «Красная новь», 1923, № 5 (15), стр. 410.

¹¹⁶ Книга «О государстве», написанная в 1911—1912 гг., представляет критический очерк идеологического взгляда на государство и право. В. В. Адоратский начинает с рассмотрения «обычного» понимания права как «целого ряда человеческих представлений, идей» (В. Адоратский. О государстве (К вопросу о методе исследования). М., изд. СА, 1923, стр. 11) и доказывает бесплодность подобного взгляда. Между правовой идеологией и предметом, составляющим ее содержание — «общественными отношениями людей», существуют противоречия, общественные отношения обуславливают волю и сознание человека (см. там же, стр. 13, 63—65). После этого вполне закономерным является сделанный В. В. Адоратским в предисловии, написанном в 1923 году, вывод: «Право является известным порядком действительно существующих отношений» (там же, стр. 3).

¹¹⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, д. 18, л. 40.

шении заключения В. В. Адоратского, что приходится делать пересмотр основной точки зрения всякому из юристов-идеологов, кто всерьез становится марксистом, П. И. Стучка подметил: «Мы можем сказать даже больше, всякому (даже марксисту) зараженному „юридическим мировоззрением“ вообще, а в правовых вопросах еще вчера другого воззрения не существовало, кроме буржуазного»¹¹⁸.

В неопубликованном отзыве на книгу проф. А. И. Елистратова «Очерк административного права» проводится мысль В. И. Ленина о необходимости противопоставления советского строя и государства буржуазному; соответственно этому обучение советскому праву должно вестись «исходя от советских учреждений — путем противопоставления их буржуазным (в теории и практике)»¹¹⁹. Критикуя излюбленный прием буржуазных ученых — деление права на общее и особое, советское право, П. И. Стучка предлагал при изучении права исходить из завоевания под «названием „Советская власть“»¹²⁰.

Аналогичные соображения высказаны и в рецензии на книгу проф. Н. И. Палиенко «Конфедерация, федерация и Союз Советских Социалистических Республик». Как заслуживающую первостепенного внимания исследователей, П. И. Стучка назвал классовую сущность государственно-правовых явлений¹²¹.

Об опубликованной в 1925 году статье «Так называемое Советское право», являющейся рецензией на книгу А. Г. Гойхбарга «Об основах частного имущественного права», можно сказать, что П. И. Стучка в ней в известной мере подводит итог своим ранее высказанным в различных статьях и рецензиях мыслям.

В 1918 году «при отсталости революции права», — отмечает П. И. Стучка, еще казались революционными мысли «юридических социалистов». Путь, пройденный за последующие годы наукой права, П. И. Стучка обрисовал следующим образом: «Наша

¹¹⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 153, оп. 1, л. 18, л. 40.

¹¹⁹ Там же, л. 95.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ «Печать и революция», 1924, № 1, стр. 229.

теоретическая борьба началась... с 1919 или даже 1920 года. Борьба особо блестящих конкретных результатов еще поныне не дала, но все-таки, благодаря этой нашей борьбе, мы можем теперь похвастать, что наше молодое поколение уже поголовно признает классовый характер всякого права. Ныне у нас и в юридической литературе встречается уже диалектический, даже революционно-диалектический подход»¹²². Объявленный А. Г. Гойхбаргом новый подход к праву П. И. Стучка разоблачил как смесь положений теорий социальных функций, юридического социализма и делегирования права. Этому, новому на словах, а на деле «старому отжившему подходу» П. И. Стучка противопоставил действительно новый, т. е. марксистский, подход: *«Нет, лишь право, как „форма организации общественных отношений“ со значком „интереса определенного класса“, нас освобождает от вечного понятия права и дает нам правильный и новый, ибо революционно-диалектический, подход»*¹²³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работами, написанными П. И. Стучкой в течение рассмотренных в данном исследовании периодов, не ограничивается его вклад в марксистско-ленинскую общую теорию права. В последующие годы П. И. Стучка уделяет главное внимание разработке теории советского гражданского права¹. Но он продолжал работать и в области общей теории права. Своей актуальностью и новизной отличаются его статьи по вопросам, вытекающим из решений съездов партии: о перспекти-

---

¹²² Революция права. Сборник I. М., Изд-во КА, 1925, стр. 148.

¹²³ Там же, стр. 154.

¹ См., напр.: П. И. Стучка. Курс советского гражданского права. Т. I. М., Изд-во КА, 1927 (перездан в 1928 и 1931 гг.); П. И. Стучка. Курс советского гражданского права. Т. II. М., Изд-во КА, 1929 (перездан в 1931 г.); П. И. Стучка. Курс советского гражданского права. Т. III. М.—Л., Гос. соц-экон. изд-во, 1931.

вах советского права², о советской правовой культуре³, о социалистической законности⁴ и др. Продолжая отстаивать важнейшие положения учения марксизма-ленинизма о праве, П. И. Стучка способствовал утверждению безраздельного господства марксистско-ленинских идей в общей теории права.

Концепция права П. И. Стучки получила в 1931 году признание на I Всесоюзном съезде марксистов-государственников и правовиков, в резолюции которого было записано: «Виднейшим представителем марксистско-ленинской теории права является П. И. Стучка. Он первый развил марксо-ленинское революционное понимание права, подчеркнув тезис, что всякое право есть классовое право — право господствующего класса. Понимание права как системы объективных общественных отношений нанесло решающий удар метафизическим, идеологическим и психологическим теориям права, укоренившимся даже среди людей, считавших себя марксистами»⁵.

Место П. И. Стучки в разработке общей теории права определяется его вкладом в решение таких проблем, как партийность науки общей теории права, классовое понимание права, исторический характер

---

² См., напр.: П. Стучка. Социалистическое хозяйство и советское право. «Революция права», 1927, № 1, стр. 5—47; П. Стучка. Государство и право в период социалистического строительства. «Революция права», 1927, № 2, стр. 3—26; П. И. Стучка. Революционная кодификация. «Революция права», 1929, № 5, стр. 12—19; П. Стучка. Право — закон — техника. «Советское государство и революция права», 1930, № 1, стр. 97—102; П. Стучка. Тенденции развития и перспективы советского права. «Советское государство и революция права», 1931, № 5—6, стр. 239—247.

³ См., напр.: П. Стучка. Культура и право. «Революция права», 1928, № 2, стр. 15—20.

⁴ См., напр.: П. Стучка. Революция и революционная законность. «Советское государство и революция права», 1930, № 3, стр. 15—22; П. Стучка. Революционная законность. «Советская юстиция», 1930, № 10, стр. 1—2; П. Стучка. К XVI партийному съезду. «Советское государство и революция права», 1930, № 5—6, стр. 3—6; Речь т. Стучки на заседании Верховного Суда 26 июля 1930 г. «Советская юстиция», 1930, № 24—25, стр. 21—25.

⁵ Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана. «Советское государство и революция права», 1931, № 3, стр. 147.

права, отношение социалистической революции к праву, принципиальное отличие пролетарского права от буржуазного, укрепление законности в Советском государстве, советская правовая культура и др.

П. И. Стучка заложил прочные основы научной методологии общей теории права, отстаивал исторический материализм как главный метод и необходимость использования других, подчиненных главному методу научных методов изучения права, в том числе конкретно-социологического и сравнительного.

П. И. Стучка требовал конкретного изучения права в противоположность абстрактному, в частности при создании общей теории права предлагал исходить из опыта социалистической революции и развития советского права.

Деятельность П. И. Стучки служит примером соединения теории и практики. Своими трудами он помог Коммунистической партии, Советскому государству теоретически решать сложные вопросы права, выдвигаемые практикой социалистического строительства.

Советская правовая наука может гордиться, что у ее колыбели стоял такой крупный ученый и революционер, как П. И. Стучка.

БИБЛИОГРАФИЯ

источников и литературы

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., Госполитиздат, 1956.

Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1.

Процесс против Рейнского окружного комитета демократов. Речь Маркса. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6.

Маркс К. Введение. (Из экономических рукописей 1857—1858 годов). К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12.

Маркс К. К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13.

Маркс К. Критика Готской программы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19.

Маркс К. Капитал. Т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23.

Маркс К. Письмо Фридриху Больте в Нью-Йорк, 23 ноября 1871 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33.

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3.

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21.

Юридический социализм. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. Новый фабричный закон. Полн. собр. соч., т. 2.

Ленин В. И. Новое побоище. Полн. собр. соч., т. 5.

Ленин В. И. Замечания на второй проект программы Плеханова. Полн. собр. соч., т. 6.

Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Полн. собр. соч., т. 11.

Ленин В. И. Роспуск Думы и задачи пролетариата. Полн. собр. соч., т. 13.

Ленин В. И. Марксизм и ревизионизм. Полн. собр. соч., т. 17.

Ленин В. И. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам. Полн. собр. соч., т. 17.

Ленин В. И. Два мира. Полн. собр. соч., т. 20.

Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч., т. 27.

Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции. Полн. собр. соч., т. 31.

Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции. Полн. собр. соч., т. 31.

Ленин В. И. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33.

Ленин В. И. Марксизм о государстве. Полн. собр. соч., т. 33.

Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? Полн. собр. соч., т. 34.

Ленин В. И. II Всероссийский съезд Советов. Рабочим, солдатам и крестьянам! Полн. собр. соч., т. 35.

Ленин В. И. II Всероссийский съезд Советов. Доклад о мире 26 октября (8 ноября). Полн. собр. соч., т. 35.

Ленин В. И. II Всероссийский съезд Советов. Доклад о земле 26 октября (8 ноября). Полн. собр. соч., т. 35.

Ленин В. И. II Всероссийский съезд Советов. Постановление об образовании рабочего и крестьянского правительства. Полн. собр. соч., т. 35.

Ленин В. И. Запуганные крахом старого и борющиеся за новое. Полн. собр. соч., т. 35.

Ленин В. И. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Полн. собр. соч., т. 35.

Ленин В. И. Речь о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК 6 (19) января 1918 г. Полн. собр. соч., т. 35.

Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч., т. 36.

Ленин В. И. О Социалистической академии общественных наук. Проект постановления Совнаркома. Полн. собр. соч., т. 36.

Ленин В. И. О Социалистической академии общественных наук. Директивы комиссии. Полн. собр. соч., т. 36.

Ленин В. И. Речь на митинге в Хамовническом районе 26 июля 1918 г. Полн. собр. соч., т. 36.

Ленин В. И. Речь на митинге в Пресненском районе 26 июля 1918 г. Полн. собр. соч., т. 36.

Ленин В. И. Письмо к американским рабочим. Полн. собр. соч., т. 37.

Ленин В. И. VI Всероссийский съезд Советов. Речь о годовщине революции 6 ноября. Полн. собр. соч., т. 37.

Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Полн. собр. соч., т. 37.

Ленин В. И. I конгресс Коммунистического Интернационала 2—6 марта 1919 г. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта. Полн. собр. соч., т. 37.

Ленин В. И. Проект программы РКП (б). Полн. собр. соч., т. 38.

Ленин В. И. VIII съезд РКП (б). Доклад о партийной программе 19 марта. Полн. собр. соч., т. 38.

Ленин В. И. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41.

Ленин В. И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого. Полн. собр. соч., т. 42.

Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. Полн. собр. соч., т. 42.

Ленин В. И. X съезд РКП(б). Отчет о политической деятельности ЦК РКП(б) 8 марта. Полн. собр. соч., т. 43.

Ленин В. И. X съезд РКП(б). Доклад о замене разверстки натуральным налогом 15 марта. Полн. собр. соч., т. 43.

Ленин В. И. X съезд РКП(б). Заключительное слово подокладу о замене разверстки натуральным налогом 15 марта. Полн. собр. соч., т. 43.

Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Полн. собр. соч., т. 44.

Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов. О внутренней и внешней политике Республики. Полн. собр. соч., т. 44.

Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов. Наказ по вопросам хозяйственной работы, принятый IX Всероссийским съездом Советов 28 декабря. Полн. собр. соч., т. 44.

Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Полн. собр. соч., т. 44.

Ленин В. И. Письмо Д. И. Курскому с замечаниями на проект гражданского кодекса. Полн. собр. соч., т. 44.

Ленин В. И. Дополнения к проекту вводного закона к уголовному кодексу РСФСР и письма Д. И. Курскому. Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности. Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. Речь на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 г. Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. О нашей революции. Полн. собр. соч., т. 45.

Ленин В. И. В Петроградский комитет РСДРП(б). 25 ноября (8 декабря) 1917 г. Полн. собр. соч., т. 50.

Ленин В. И. В Комиссариат юстиции. 15 апреля 1918 г. Полн. собр. соч., т. 50.

Ленин В. И. Телеграмма П. Ф. Виноградову. Апрель, не ранее 21, 1918 г. Полн. собр. соч., т. 50.

Ленин В. И. Н. П. Брюханову и другим членам коллегии Комиссариата продовольствия. Август, позднее 8, 1918 г. Полн. собр. соч., т. 50.

Ленин В. И. В Малый Совнарком. 25 или 26 ноября 1918 г. Полн. собр. соч., т. 50.

Ленин В. И. М. Н. Покровскому. Март, не ранее 4, 1921 г. Полн. собр. соч., т. 50.

Ленин Н. О пролетарском государстве. Пособие для совпарт-

школ и комвузов. С предисловиями, примечаниями и указателями Вл. Вегера и П. Стучки. М., Госуд. изд-во, 1924.

Ленин В. И. Поправки к проекту декрета о суде. Ленинский сборник, XXI. М., Партийное изд-во, 1933.

Ленин В. И. Поправки к проекту конституции РСФСР. Ленинский сборник, XXI. М., Партийное изд-во, 1933.

Markss K. Kapitāls. I sējums. Maskavā, grāmatu apgādniecība «Prometejs», 1924.

Leņina N. (Uļjanova V.) rakstu izlase. III sējums. 1905. gads. Maskavā, SPRS tautu centr. izd-ba, 1925.

* * *

XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. II. М., Госполитиздат, 1962.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е, ч. I, Госполитиздат, 1953.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е, ч. II, Госполитиздат, 1954.

О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве. Постановление ЦК КПСС. «Коммунист», 1967, № 13.

Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., Госполитиздат, 1961.

50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М., Политиздат, 1967.

* * *

Стучка П. Библиография по теории права и государства. «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1.

Стучка П. В борьбе за Октябрь. Рига, ЛГИ, 1960.

Стучка П. В защиту классового понятия права. «Советское право», 1922, № 2.

Стучка П. В защиту революционно-марксистского понятия классового права. «Вестник Социалистической академии», 1923, № 3.

Стучка П. Германские «независимые» революционеры. «Правда», 1918, 24 ноября.

Стучка П. Годовщина первого декрета о суде. «Правда», 1918, 7 декабря.

Стучка П. Государство и революция. «Советское право», 1922, № 1.

Стучка П. Диктатура пролетариата и советская федерация. «Власть Советов», 1922, № 10.

Стучка П. За Советскую власть в Латвии. 1918—1920. Рига, ЛГИ, 1964.

Стучка П. Заметки о классовой теории права. «Советское право», 1922, № 3.

Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, ЛГИ, 1964.

Стучка П. К вопросу о союзном Верховном Суде. «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 6.

Стучка П. К 1-му Всероссийскому съезду комиссаров юстиции. «Известия», 1918, 3 мая.

Стучка П. Классовое государство и гражданское право. М., изд. СА, 1924.

Ст[учка] П. Классовый или демократический суд. «Правда», 1917, 23 (10) ноября.

Стучка П. Конституция гражданской войны. «Пролетарская революция и право», 1918, № 3—4.

Стучка П. Конституция РСФСР Республики в вопросах и ответах. Москва—Петроград, книгоизд-во «Коммунист», 1919.

Стучка П. И. Курс советского гражданского права. Т. I. М., Изд-во КА, 1927.

Стучка П. Ленин и власть Советов. «Власть Советов», 1924, № 1.

Стучка П. Ленин и революционный декрет. Революция права. Сборник I. М., Изд-во КА, 1925.

Стучка П. Ленинизм и государство (Политическая революция). М., изд-во «Прометей», 1924.

Стучка П. Ленинизм и крестьянство (Аграрная революция). М., изд-во «Прометей», 1925.

Стучка П. Ленинизм и национальный вопрос (Национальная и пролетарская революции). М., изд-во «Прометей», 1926.

Стучка П. Марксизм и социология. «Печать и революция», 1924, № 2.

Стучка П. Марксистское понимание права. «Коммунистическая революция», 1922, № 13—14.

Стучка П. Материалистическое или идеалистическое понимание права? «Под знаменем марксизма», 1923, № 1.

Стучка П. Мой путь и мои ошибки. «Советское государство и революция права», 1931, № 5—6.

Стучка П. Мысли о нашем правосудии. I. «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 14.

Стучка П. Мысли о нашем правосудии. II. «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 22.

Стучка П. Мысли о нашем правосудии. III. «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 25—26.

Стучка П. Народный суд в вопросах и ответах. М., книгоизд-во «Коммунист», 1918.

Стучка П. Наша уголовно-карательная политика. «Известия», 1918, 11 мая.

[Стучка П. И.] Наши задачи. Революция права. Сборник I. М., Изд-во КА, 1925.

Стучка П. Отдел законодательных предположений и кодификации Нар. ком. юст. «Известия», 1918, 11 июня.

Стучка П. Отмена наследования. Проект декрета. «Известия», 1918, 21 апреля.

Стучка П. Отчет народного комиссара юстиции. «Пролетарская революция и право», 1918, № 1.

Стучка П. Первые дни деятельности народного суда. «Известия», 1918, 25 апреля.

Стучка П. Первые революционные трибуналы в России. В сб.: «Пять лет Верховного Суда. 1918—1923». Юрид. изд-во НКЮ, 1923.

Стучка П. Правосудие нового строя. I. «Известия», 1918, 23 мая.

Стучка П. Правосудие нового строя. II. «Известия», 1918, 7 июня.

Стучка П. Пролетарская революция и суд. «Пролетарская революция и право», 1918, № 1.

Пролетарский суд и буржуазное право. Доклад П. И. Стучки, прочитанный 10 мая 1925 г. «Вестник Коммунистической академии», 1925, № 13.

Стучка П. Пролетарское право. В сб.: «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». М., Госуд. изд-во, 1919.

Стучка П. Районный сепаратизм. «Известия», 1918, 6 июня.

Стучка П. Революционная законность и деревня. «Беднота», 1925, 24 июня.

Стучка П. Революционная роль права и государства. Госуд. изд-во, 1921.

Стучка П. Революционная роль права и государства. Изд. 2-е. изд. СА, 1923.

Стучка П. Революционная роль права и государства. Изд. 3-е. М., Изд-во КА, 1924.

Стучка П. Революционная роль советского права. М., изд-во «Советское законодательство», 1931.

Стучка П. И. Революционная роль советского права. Изд. 2-е. М., изд-во «Советское законодательство», 1934.

Революционно-марксистское понимание права. Тезисы доклада тов. Стучки, прочитанного 11 января 1923 года в Социалистической академии. «Еженедельник советской юстиции», 1923, № 2.

Стучка П. Революционные задачи комиссариата юстиции. «Известия», 1918, 16 апреля.

С. [Стучка П. И.] «Революционные» кляузники. «Рабочий путь», 1917, 18(5) сентября.

Стучка П. Рец.: Д. Дембский. Нравственность и право с точки зрения исторического материализма. «Печать и революция», 1925, № 3.

Стучка П. Рец.: С. Драницын. Конституция РСФСР в ответах на вопросы. «Печать и революция», 1923, № 4.

Стучка П. Рец.: Иосиф Карнер. Социальные функции права. «Печать и революция», 1923, № 3.

Стучка П. Рец.: Я. М. Магазинер. Общее учение о государстве. «Под знаменем марксизма», 1922, № 9—10.

Стучка П. Рец.: Н. И. Палиенко. Конфедерация, федерация и СССР. «Печать и революция», 1924, № 1.

Стучка П. Рец.: Г. М. Португалов. Революционная совесть и социалистическое правосознание. «Печать и революция», 1923, № 2.

Стучка П. Рец.: Е. А. Энгель. Основы Советской Конституции. «Красная новь», 1923, № 5(15).

Стучка П. Советское право в «белом» освещении. Революция права. Сборник I. М., Изд-во КА, 1925.

Стучка П. Старый и новый суд. I. «Правда», 1918, 2 января (1917, 20 декабря).

Стучка П. Старый и новый суд. II. «Правда», 1918, 4 января (1917, 22 декабря).

Стучка П. Старый и новый суд. III. «Правда», 1918, 5 января (1917, 23 декабря).

Стучка П. Суд и законодательство. «Рабочий суд», 1925, № 11—12.

Стучка П. «Так называемое Советское право». Революция права. Сборник I. М., Изд-во КА, 1925.

Стучка П. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., Госюриздат, 1931.

Стучка П. Учение о государстве и о Конституции РСФСР. М., изд-во «Красная новь», 1922.

Стучка П. Учение о государстве и о Конституции РСФСР. Изд. 2-е. М., изд-во «Красная новь», 1923.

Stučka P. Lekcijas par vēsturisko materiālismu. Maskavā, KKP CK Latv. aģ. un prop. nod., 1920.

Stučka P. Ļeņins miris! «Ciņa», 1924., Nr. 50.

Stučka P. Padomju Konstitūcija. «Darbs», 1919., Nr. 2.

Stučka P. Piezīmes par Padomju Konstitūciju. Maskavā, KKP CK Latv. aģ. un prop. nod., 1921.

§ [Stučka P.] Politiskā brīvība. «Sociāldemokrāts», 1904., Nr. 27; 1905., Nr. 32.

§ [Stučka P.] Politiskā brīvība. Bernē, LSDSP izdevums, 1905.

[Stučka P.] Politiskā brīvība. «Nākotne», 1906., Nr. 3.

§ [Stučka P.] Politiskā brīvība. «Pūrs», 1906., Nr. 2.

[Stučka P.] Politisks noziegums krievu likumos. Londonā, Sociāldemokrātu bibliotēkas apgādībā, 1900.

Stučka P. Proletariāta likumā. Rīgā, 1919.

Stučka P. Valsts teorija un Padomju Konstitūcija. Pleskavā, «Spartaks», 1922.

§ [Stučka P.] «Zagli un slepkavas» zinātnes tiesas priekšā. «Nākotne», 1906., Nr. 3., 4.

Stučka P. Sovětská ústava. Praha, 1924.

Stutschka P. Das Problem des Klassenrechts und der Klassenjustiz. Hamburg, 1922.

Stutcka P. La Costituzione della Repubblica Socialista Federale dei Soviet di Russia in domande e risposte. Milano, 1920.

* * *

Адоратский В. О государстве. М., изд. СА, 1923.

Адоратский В. Рец.: П. Стучка. Революционная роль права и государства. «Печать и революция», 1923, № 2.

Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., Госюриздат, 1961.

Александров Н. Г. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе. «Вопросы философии», 1957, № 1.

Александров Н. Г. и др. Теория государства и права. М., изд-во «Юридическая литература», 1968.

Алексеев Н. Н. Введение в изучение права. М., 1918.

✓ Алексеев Н. Н. и Тимашев Н. С. Источники права. В сб.: «Право Советской России». Вып. I. Прага, 1925.

Алексеев Н. Н. Основы философии права. Прага, изд-во «Пламя», 1924.

Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., изд-во «Юридическая литература», 1966.

Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. Вып. I. Свердловск, 1963.

Апине И. Взгляды Стучки на национальный вопрос. В кн.: П. Стучка — революционер, мыслитель и государственный деятель. Рига, изд-во «Звайгзне», 1965.

Бабун Р. Общее учение о праве и государстве. Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925.

✓ Блум М. И. П. И. Стучка об уголовном и исправительно-трудовом праве. В сб.: «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Рига, изд-во «Звайгзне», 1965.

Бошко В. И. Очерки развития правовой мысли. Харьков, Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925.

Брак и семья. Тезисы к проекту кодекса о браке, семье и опеке. С предисловием П. Стучки. М., Изд-во КА, 1926.

✓ Булатов С. Я. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1959, № 4.

Вегер Вл. Право и государство переходного времени. Хрестоматия. М., изд. Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1924.

Вегер. Рец.: П. Стучка. Революционная роль права и государства. «Советское право», 1922, № 1.

Верховный Суд РСФСР за 1923 год. Отчетный доклад председателя Верховного Суда РСФСР П. Стучки и статистический отчет с диаграммами. Изд. Верховного Суда РСФСР, 1924.

Владимир Ильич Ленин. Биография. Изд. 3-е, М., Политиздат, 1967.

Вышинский А. Я. Вопросы права и государства у К. Маркса. М., Изд-во АН СССР, 1938.

Вышинский А. Я. Вопросы теории государства и права. М., Госюриздат, 1949.

Вышинский А. Я. К положению на фронте правовой теории. М., Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1937.

Глебов Н. Наш основной закон. Разъяснение Конституции РСФСР. М., Изд-во ВЦИК, 1918.

Гойхбарг А. Г. О Советской конституции. «Пролетарская революция и право», 1918, № 3—4.

Гойхбарг А. Г. Пролетарская революция и гражданское право. «Пролетарская революция и право», 1918, № 1.

✓ Гойхбарг А. Рец.: Проф. Е. А. Энгель. Основы Советской Конституции. «Советское право», 1923, № 2.

Голунский С. А. и Строгович М. С. Теория государства и права. М., Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940.

Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. М., изд-во «Наука», 1965.

Городецкий Е., Шарапов Ю. Свердлов. Жизнь и деятельность. М., Госполитиздат, 1961.

Гринберг О. П. О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке. В сб.: «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Рига, изд-во «Звайгзне», 1965.

Гринберг О. П. Реакционная сущность предпарламента буржуазной Латвии. Автореф. канд. дисс. Рига, 1956.

Гурвич Георгий. Вся власть Советам. «Сборник статей пролетарской революции и праву», 1918, № 1—4.

Гурвич Г. С. История Советской Конституции. М., изд. СА, 1923.

Денисов А. И. Выдающееся теоретическое исследование. «Советское государство и право», 1967, № 8.

Драницын С. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в ответах на вопросы. Петербург, Госуд. изд-во, 1922.

Езёрский Н. Право и революция. М., 1917.

Ефимов Е. Н. Элементарные понятия о государстве и праве. Изд. 2-е, М., 1917.

Журнал пленарных заседаний второго Всероссийского съезда областных и губернских комиссаров юстиции. «Материалы Народного комиссариата юстиции». Вып. III. М., 1918.

З-цев С. V Всероссийский съезд деятелей советской юстиции. «Еженедельник советской юстиции», 1924, № 12—13.

И. Б. Рец.: П. Стучка. Революционная роль права и государства. Изд. 2-е. «Книгоноша», 1923, № 15.

✓ Иванов В. У истоков советского уголовного законодательства. «Советская юстиция», 1967, № 3.

Ильинский И. Д. Введение в изучение советского права. Ч. I, Л., Госуд. изд-во, 1925.

Ильинский И. Право и быт. Л.—М., Госуд. изд-во, 1925.

Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., Госюриздат, 1961.

Ирошников М. П. Создание советского центрального государственного аппарата. М.—Л., изд-во «Наука», 1966.

История государства и права СССР. Ч. II, М., изд-во «Юридическая литература», 1966.

История КПСС. Изд. 2-е, М., Госполитиздат, 1962.

История КПСС. Т. 1. М., Политиздат, 1967.

История КПСС. Т. 2. М., Политиздат, 1966.

История Советского государства и права. Кн. 1, М., изд-во «Наука», 1968.

История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия вторая. Т. VII. М., изд-во «Наука», 1967.

К вопросу о периодизации и задачах советского общенародного государства и права. «Советское государство и право», 1963, № 10.

Кадич А. Р. О народном суде. (Из личных впечатлений). «Пролетарская революция и право», 1918, № 2.

Казимирчук В. П. Наука права и метод конкретно-социологического исследования. «Советское государство и право», 1964, № 1.

Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. М., изд-во «Юридическая литература», 1965.

Кауль А. Октябрьская революция, пролетарская диктатура и советское право. В сб.: «Основы и практика советского права». Петроград, 1923.

Керимов Д. А., Недбайло П. Е., Самощенко И. С., Явич Л. С. К вопросу об определении понятия социалистического права. Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1966, № 2.

Кечекьян С. Ф. Нормы права и правоотношения. «Советское государство и право», 1955, № 2.

Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., Изд-во АН СССР, 1958.

Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916.

Клява Г. Я. П. И. Стучка и его теоретическое наследие в правовой науке. «Советское государство и право», 1965, № 7.

Клява Г. П. И. Стучка о революционной законности. «Известия Академии наук ЛССР», 1960, № 4.

Клява Г. Я. Роль П. И. Стучки в развитии марксистско-ленинской общей теории права. В сб.: «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Рига, изд-во «Звайгзне», 1965.

Кожевников М. В. История советского суда. 1917 — 1956 годы. М., Госюриздат, 1957.

Козловский М. Пролетарская революция и уголовное право. «Пролетарская революция и право», 1918, № 1.

Кокис П. П. Философские проблемы в трудах П. И. Стучки. Рига, изд-во «Зинатне», 1967.

Коркунов Н. Лекции по общей теории права. Спб., 1886.

Корнилов Ф. Д. Юридический догматизм и диалектический материализм. (Критический набросок). Саратов, изд. Общегор. клуба РКП (б), 1925.

Кравчук С. С. Тридцать лет первой Советской Конституции. М., изд-во «Правда», 1948.

Крупская Н. Конституция РСФСР. М., Изд-во ВЦИК, 1918.

Крыленко Н. В. Беседы о праве и государстве. М., изд-во «Красная новь», 1924.

Брам А. [Крыленко Н. В.] В поисках «ортодоксии». Спб., 1909.

Крыленко Н. Заметки о суде, обвинительных коллегиях, революционном правотворчестве и адвокатуре. «Известия», 1918, 7 июня.

Конспект лекций по политической грамоте Крыленко. Тамбов, 1919.

Крыленко Н. В. Общедоступное руководство по политичес-

ким и общественным наукам для советских командных курсов. М., Изд-во ВЦИК, 1919.

Крыленко Н. Революционные трибуналы в практике российской пролетарской революции. В сб.: «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». М., Госуд. изд-во, 1919.

Крыленко Н. В. Судостроительство РСФСР (лекции по теории и истории судостроительства). М., 1923.

Ксенофонтов Ф. Государство и право. М., Юрид. изд-во НКЮ, 1924.

Курский Д. Американский рабочий. М., книгоизд-во «Колокол», 1905.

Курский Д. И. Английский рабочий. Спб., книгоизд-во «Колокол», 1906.

Курский Д. Заметки о народном суде. «Пролетарская революция и право», 1918, № 2.

Курский Д. И. Избранные статьи и речи. Изд. 2-е, М., Госюриздат, 1958.

Курский Д. Народные суды. В сб.: «Октябрьский переворот и диктатура пролетариата». М., Госуд. изд-во, 1919.

Курский Д. Французский рабочий. Экономическое, социальное и политическое положение. М., книгоизд-во «Колокол», 1905.

Луначарский А. Революция и суд. «Правда», 1917, 1 декабря (18 ноября).

Магазинер Я. М. Лекции по государственному праву. Петроград, 1919.

Магазинер Я. М. Общее учение о государстве. Изд. 2-е, Петербург, 1922.

Маклецов А. В. Уголовное право. В сб.: «Право Советской России». Вып. II. Прага, 1925.

Махненко А. Х. Многопартийная система и народный (национальный) фронт в странах народной демократии. В сб.: «Конституционное право социалистических стран». М., Изд-во АН СССР, 1963.

Миколенко Я. Ф. Право и формы его проявления. «Советское государство и право», 1965, № 7.

Миллер В. О. П. И. Стучка о советской государственности Латвии. В сб.: «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Рига, изд-во «Звайгзне», 1965.

Миллер В. Петр Иванович Стучка — председатель Советского правительства Латвии. В кн.: П. Стучка — революционер, мыслитель и государственный деятель. Рига, изд-во «Звайгзне», 1965.

Миллер В. О. Создание советской государственности в Латвии. Рига, изд-во «Зинатне», 1967.

Миц И. И. История Великого Октября. Т. I. М., изд-во «Наука», 1967.

Михаляк Я. С. Возникновение и развитие советской науки теории государства и права. В сб.: «Очерки по истории советской науки и культуры». Изд-во Московского университета, 1968.

Мишунин П. Г. Очерки по истории советского уголовного права. 1917—1918. М., 1954.

- Можеев В. и Лаговьер Н. На страже революционной законности. М., Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926.
- Молочков А. Поступательный прогресс. «Пролетарская революция и право», 1918, № 5—6.
- Морозов В. П. Правовые взгляды и учреждения при социализме. Изд-во Московского университета, 1967.
- Наши задачи. «Право и жизнь», 1922, № 1.
- Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., Госюриздат, 1960.
- Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. Изд. 4-е, М., 1918.
- Октябрь и социалистическое государство. М., изд-во «Юридическая литература», 1967.
- Основные задачи науки советского социалистического права. М., Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938.
- Остроумов Г. С. Проблемы социалистического правосознания в работах П. И. Стучки. «Советское государство и право», 1963, № 7.
- Очерки истории Коммунистической партии Латвии. Т. I. Рига, ЛГИ, 1962.
- Павлов И. В. О развитии советской правовой науки за сорок лет. «Советское государство и право», 1957, № 11.
- Пашуканис Е. За марксо-ленинскую теорию государства и права. М.—Л., Госуд. соц.-эконом. изд-во, 1931.
- Пашуканис Е. Общая теория права и марксизм. (Опыт критики основных юридических понятий). М., изд. СА, 1924.
- Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм. Изд. 3-е, Изд-во КА, 1929.
- Пельше А. Я. Революционер, мыслитель, государственный деятель. «Советская Латвия», 1965, 27 июля.
- Пинсон Б. Рец.: П. Стучка. Революционная роль права и государства. «Под знаменем марксизма», 1922, № 4.
- Пионтковский А. А. К вопросу об изучении общенародного права. «Советское государство и право», 1962, № 11.
- Пионтковский А. А. Некоторые вопросы общей теории государства и права. «Советское государство и право», 1956, № 1.
- Пионтковский А. А. О некоторых вопросах советской правовой науки. «Советское государство и право», 1964, № 2.
- Подволоцкий И. Марксистская теория права. Очерк. Москва—Петроград, Госуд. изд-во, 1923.
- Полянский Н. Н. Первые страницы советской науки о суде. Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1957, № 1.
- Полянский Н. Н. Революция — торжество права. М., 1917.
- Понтович Э. Э. Философия права. Ч. I, Кинешма, 1920.
- Попов А. М. Основные течения марксистской юридической мысли. Новочеркасск, Сев.-Кав. краев. отд. Госуд. изд-ва, 1925.
- Португалов Г. М. Революционная совесть и социалистическое правосознание. Петербург, Госуд. изд-во, 1922.
- Протокол Всероссийского съезда губернских и областных комиссаров юстиции. «Материалы Народного комиссариата юстиции». Вып. I. М., 1918.

Разумовский И. Проблемы марксистской теории права. М., Изд-во КА, 1925.

Разумовский И. Социология и право. М., изд. СА, 1924.

Рейснер М. А. Государство. Ч. II—III, М., 1912.

Рейснер М. А. Государство буржуазии и РСФСР. Москва—Петроград, Госуд. изд-во, 1923.

Рейснер М. Общая теория права тов. П. И. Стучки. «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1.

Основные тезисы доклада М. А. Рейснера на Всероссийском съезде комиссаров юстиции. «Материалы Народного комиссариата юстиции». Вып. I. М., 1918.

Рейснер М. Право и революция. Петроград, 1917.

Рейснер М. Право. Наше право. Чужое право. Общее право. Л.—М., Госуд. изд-во, 1925.

Рейснер М. Пролетарская конституция. «Вестник народного просвещения союза коммун Северной области», 1918, № 6—8.

Ронин С. Л. Первая Советская Конституция. М., Юрид. изд-во Мин. юст. СССР, 1948.

Сабо Имре. Социалистическое право. М., изд-во «Прогресс», 1964.

Сарабьянов Вл. Диктатура пролетариата, право и революционная законность. «Народное хозяйство», 1921, № 8—9.

Семенов В. М. Принципы советского социалистического общенародного права. Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1964, № 1.

Сольц А. и Файнблит С. Революционная законность и наша карательная политика. М., изд-во «Московский рабочий», 1925.

Сорокин Питирим. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. Ярославль, 1919.

Социалистическое общенародное государство. М., 1965.

Стальгевич А. Виднейший деятель советского правосудия. «Советская юстиция», 1957, № 9.

Стальгевич А. К. К вопросу о понятии права. «Советское государство и право», 1948, № 7.

Стальгевич А. К. К вопросу об определении права. «Ученые записки ВИЮН». Вып. I. М., 1940.

Стальгевич А. Наши ошибки и разногласия. «Советское государство и революция права», 1930, № 11—12.

Стальгевич А. К. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений. «Советское государство и право», 1957, № 2.

Стальгевич А. Основные вопросы марксистской теории права. «Советское государство и революция права», 1930, № 7.

Стальгевич А. П. И. Стучка и его роль в развитии науки советского социалистического права. «Известия Академии наук ЛССР», 1963, № 1.

Стальгевич А. К. Понятие права. Тезисы доклада. М., 1948.

Стальгевич А. К. Программа по общей теории права. М., Изд-во КА, 1929.

Стальгевич А. К. Пути развития советской правовой мысли. М., Изд-во КА, 1928.

Стальгевич А. К. Развитие науки советского социалистического права. «Труды Высшей школы МООП СССР». Вып. 19. М., 1968.

Степанов И. М. Развитие Советской Конституции. М., Госюр-издат, 1957.

Строгович М. С. К вопросу о постановке отдельных проблем права в работах П. И. Стучки, Н. В. Крыленко, Е. Б. Пашуканиса. В сб.: «Вопросы общей теории советского права». М., Госюриздат, 1960.

✓ Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., изд-во «Наука», 1966.

Стумбина Э. Я. Роль П. И. Стучки в создании органов советского правосудия. В сб.: «О теоретическом наследии П. И. Стучки в советской правовой науке». Рига, изд-во «Звайгзне», 1965.

Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917.

Тархов В. А. К вопросу о правовых отношениях. Изв. ВУЗ. «Правоведение», 1965, № 1.

Теория государства и права. Под ред. А. И. Денисова. Изд-во Московского университета, 1967.

Теория государства и права. Под ред. К. А. Мокичева. М., изд-во «Юридическая литература», 1965.

Теория государства и права. Под ред. П. С. Ромашкина и др. М., Изд-во АН СССР, 1962.

Теория государства и права. Под ред. А. К. Стальгевича. М., изд-во «Юридическая литература», 1965.

Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Конституции РСФСР 1918 года. М., 1959.

Турецкий В. А. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на государство. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

Удальцов А. Очерк истории Социалистической академии. «Вестник Социалистической академии», 1922, № 1.

Удрис Э. М. П. И. Стучка — революционер, государственный деятель, ученый. Ученые записки ЛГУ. Т. XII. Рига, 1957.

Утевский Б. С. Что такое право? Спб., 1909.

Учение о государстве и праве. Под ред. Е. Пашуканиса. Партийное изд-во, 1932.

Ушаков И. А. Создание первого народного суда в Петрограде. «Советское государство и право», 1957, № 1.

Филимонов В. Г. Первая Советская Конституция. М., Госюр-издат, 1960.

Чельцов—Бебутов М. А. Социалистическое правосознание и уголовное право революции. Харьков, Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1924.

✓ Чистяков О. И. Становление Российской Федерации (1917—1922). Изд-во Московского университета, 1966.

Чугаев Д. Первая Конституция Советского государства. М., 1949.

Чхиквадзе В. М. Актуальные проблемы советской юридической науки. М., изд-во «Знание», 1967.

- Чхиквадзе В. М. Государство, демократия, законность. М., изд-во «Юридическая литература», 1967.
- Шейндлин Б. В. Норма права и правоотношение. В сб.: «Вопросы общей теории советского права». М., Госюриздат, 1960.
- Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910.
- Шифман М. Л. Дмитрий Иванович Курский. Изд-во Московского университета, 1956.
- Штейнберг В. А. Философская жизнь Латвии начала XX века. Рига, изд-во «Лиезма», 1966.
- Энгель Е. А. Основы Советской Конституции. Москва—Петроград, Госуд. изд-во, 1923.
- Энциклопедия государства и права. Под ред. П. Стучки. Т. 1—3. М., Изд-во КА, 1925—1927.
- Энциклопедия государства и права. Под ред. П. Стучки. Т. 1—3. М., Изд-во КА, 1929—1930.
- Dauge P. P. *Stučkas dzīve un darbs*. Rīgā, LVI, 1958.
- Kļava G. *Padomju varas revolucionārā likumdošana Latvijā 1919. gadā*. Ученые записки ЛГУ им. П. Стучки. Т. 34. Рига, 1960.
- Millers V., Stumbiņa E. *Fricis Roziņš*. Rīgā, izd-ba «Liesma», 1965.
- Pēteris Stučka *laikabiedru atmiņās*. 1865.—1965. Rīgā, izd-ba «Liesma», 1965.
- Неновски Нено. Виден революционер и борец за социалистическо право и социалистическа законност. «Социалистическо право», 1965, № 7.
- Bystřina Ivan. *Sovětská právní věda a my*. «Právník», 1963, č. 10.
- Knapp Viktor. *Filosofické problémy socialistického práva*. Praha, 1967.
- Průša Oldřich. *Říjnová revoluce a revoluční soudnictví*. «Socialistická zákonnost», 1967, č. 9.
- Berman Harold J. *Justice in the USSR. An Interpretation of Soviet Law*. New York, 1963.
- Freund H. A. *Russia from A to Z*. Sydney, London, 1945.
- Government, Law and Courts in the Soviet Union and Eastern Europe. Vol. 1—2. London, The Hague, 1959.
- Grybowski Kazimierz. *Soviet Legal Institutions. Doctrines and Social Functions*. The University of Michigan Press, 1962.
- Gsovski Vladimir. *Soviet Civil Law. Private Rights and their Background under the Soviet Regime*. Vol. 1. University of Michigan Law School, 1948.
- Hazard John N. *Settling Disputes in Soviet Society. The Formative Years of Legal Institutions*. New York, 1960.
- Kelsen Hans. *The Communist Theory of Law*. London, 1955.
- Schlesinger Rudolf. *Soviet Legal Theory. Its Social Background and Development*. New York, 1945.
- Soviet Legal Philosophy*. Cambridge, Harvard University Press, 1951.
- Alexéeff Paul. *L'État-le Droit-et le Pouvoir discrétionnaire des autorités publiques*. «Revue internationale de la théorie du Droit», 1928/29, № 3.

Traité de droit civil et commercial des Soviets. Tome I. Paris, 1930.

Brunner Georg. Die Grundrechte im Sowjetsystem. Köln, 1963.

Jenny Heinrich. Das Bundesstaatslement im sowjetrussischen Staatsrecht. Zürich, 1933.

Laserson Max. Die russische Rechtsphilosophie. «Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie», 1933, Bd. XXVI, H. 3.

Maurach Reinhart. Die Perioden der sowjetischen Rechtsgeschichte. «Jahrbuch für Ostrecht», 1960, Bd. 1/2.

Mirkin-Getzewitsch B. Die rechtstheoretischen Grundlagen des Sowjetstaates. Leipzig und Wien, 1929.

Rabinowitsch J. Sowjetrußland als Rechtsstaat. «Deutsche Juristen-Zeitung», 1925, H. 21.

Schultz Lothar. Russische Rechtsgeschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart einschließlich des Rechts der Sowjetunion. Lahr, 1951.

Timaschew N. Grundzüge des sowjetrussischen Staatsrechts. Mannheim—Berlin—Leipzig, 1925.

Zaitzeff Leo. Die allgemeinen Grundsätze des Sowjetrechts. «Deutsche Juristen-Zeitung», 1926, H. 24.

Gomes Orlando. Marx e Kelsen. Salvador—Bahia—Brasil, 1959.

Фудзита Исаму. Исследование по истории советской правовой теории. 1917—1938. Русская революция (Октябрьская революция) и методология марксистской науки права [на японском языке]. Токио, 1968.

Яmanoути Итиро. Право социалистического государства. Том 2 (Советский Союз) [на японском языке]. Токио, 1950.

* * *

Конституция (основной закон) РСФСР. В кн.: История Советской Конституции. 1917—1956. М., Госюриздат, 1957.

Конституция РСФСР. (Проект, разработанный Коллегией Нарком. юстиции, с участием редакторов М. А. Рейснера и А. Г. Гойхбарга). «Пролетарская революция и право», 1918, № 3—4.

Проект Конституции РСФСР (представленный V съезду Советов Комиссией ВЦИК). «Пролетарская революция и право», 1918, № 3—4.

Проект Конституции РСФСР (принятый Комиссией ВЦИК). «Пролетарская революция и право», 1918, № 3—4.

Первая Советская Конституция. Сборник документов под ред. А. Я. Вышинского. М., Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938.

Декрет о суде. СУ РСФСР, 1917, № 4, ст. 50.

О суде. (Декрет № 2). СУ РСФСР, 1918, № 26, ст. 420.

О суде. (Декрет № 3). СУ РСФСР, 1918, № 52, ст. 589.

Декреты Советской власти. Т. 1. М., Госполитиздат, 1957.

Декреты Советской власти. Т. 2. М., Госполитиздат, 1959.

Первоначальный проект первого декрета о суде. «Материалы Народного комиссариата юстиции». Вып. II. М., 1918.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. СУ РСФСР, 1919, № 66, ст. 590.

Временная инструкция по организации и действию местных народных судов Московского совета местных народных судей. «Материалы Народного комиссариата юстиции». Вып. II. М., 1918.

Инструкция по организации судов Курской губернии. «Материалы Народного комиссариата юстиции». Вып. III. М., 1918.

Наказ Изюмского уездного съезда мировых судей участковым мировым судам и мировому съезду. «Материалы Народного комиссариата юстиции». Вып. II. М., 1918.

Наказ народным судам Петроградского совета местных народных судей. «Материалы Народного комиссариата юстиции». Вып. II. М., 1918.

Первые народные революционные суды в Петрограде. «Исторический архив», 1957, № 1.

Положение о временных революционных судах Новгородской губернии. «Материалы Народного комиссариата юстиции». Вып. II. М., 1918.

Положение о народных судах. «Материалы Народного комиссариата юстиции». Вып. II. М., 1918.

Положение об отделе законодательных предположений и кодификации Народного комиссариата юстиции. «Пролетарская революция и право», 1918, № 1.

Правила о введении местных судов в Ставропольской губернии Совета Народных Комиссаров. «Материалы Народного комиссариата юстиции». Вып. II. М., 1918.

Проект положения о местном суде. «Материалы Народного комиссариата юстиции». Вып. III. М., 1918.

Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховсуда РСФСР за 1924 год. М., Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1925.

Сборник циркуляров и важнейших разъяснений пленума Верховсуда РСФСР (январь 1925 — май 1926). М., Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927.

Советская Латвия в 1919 году. Документы и материалы. Т. I. Рига, Изд-во АН ЛССР, 1959.

Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. 1917—1936 гг. Т. III. М., Госюриздат, 1960.

IV сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва. «Бюллетень», № 3, 1922, 27 октября.

Архивные материалы

1. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ):

Фонд 17, опись 1 А, дело 29;

опись 2, дело 18.

Фонд 86, опись 1, дела 31, 55.

Фонд 124, опись 1, дело 1875.

Фонд 153, опись 1, дела 2, 5, 6, 13, 18, 20, 21, 22, 28, 30, 41, 46, 49, 58, 62, 65, 71, 72, 80.

2. Партийный архив ЦК КП Латвии (ПА ЦК КПЛ):

Фонд 55, опись 4, дело 16;
опись 7, дело 3.

Фонд 31, опись 1, дело 62.

Фонд 83, опись 1, дело 1.

3. Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ЦГАОР СССР):

Фонд 130, опись 1, дело 2;
опись 2, дела 1, 85, 86, 89, 90.

Фонд 353, опись 1, дела 1, 4, 5;
опись 2, дела 2, 3, 12, 18, 90, 124, 125.

Фонд 1005, опись 1, дела 59, 64, 91.

Фонд 1235, опись 34, дело 4;
опись 42, дело 63;
опись 43, дело 61;
опись 44, дело 73;
опись 45а, дело 6;
опись 93, дело 200.

Фонд 3415, опись 1, дела 6, 27, 29, 30, 32, 47.

Фонд 6980, опись 1, дела 3—6, 11, 17.

4. Центральный государственный архив РСФСР (ЦГА РСФСР):

Фонд 298, опись 1, дела 1, 2, 16, 21, 25.

Фонд 2307, опись 2, дело 234.

Фонд 4655, опись 1, дела 4, 5.

5. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Латвийской ССР (ЦГАОРСС ЛССР):

Фонд Р-5, опись 1, дело 1.

Фонд 12, опись 1, дело 36.

6. Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (ЦГИА ЛССР):

Фонд 7380, опись 1, дело 4.

7. Архив Академии наук СССР (ААН СССР):

Фонд 350, опись 1, дела 2, 9, 10, 619;
опись 1а, дела 10, 16, 19, 29, 92, 189, 190, 193, 194, 331.

Фонд 360, опись 1, дело 2;
опись 2, дело 4.

8. Архив Московского государственного университета (АМГУ):

Фонд 16, опись 1, дела 1, 39, 68.

Фонд 17, опись 1, дело 6.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
<i>Глава I. Труды П. И. Стучки по общей теории права в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917—1920)</i>	
§ 1. Состояние науки общей теории права в России накануне и во время проведения социалистической революции	19
§ 2. Проблема замены буржуазно-помещичьего права революционным правом	40
§ 3. О нормах советского права и законности в связи с созданием советской судебной системы	63
§ 4. Подготовка проекта Конституции РСФСР 1918 года	81
§ 5. Революционное правотворчество в Советской Латвии в 1919 году и его проблемы в трудах П. И. Стучки	102
§ 6. Первые шаги в определении сущности пролетарского права	110
<i>Глава II. Дальнейшее развитие П. И. Стучкой марксистско-ленинской общей теории права (1921—1925)</i>	
§ 1. Новая обстановка и новые задачи правовой науки	123 3)
§ 2. Книга «Революционная роль права и государства» и ее значение в развитии советской правовой мысли	138 5
§ 3. Синтетическое понимание права	166
§ 4. Новая экономическая политика и законность	188
§ 5. Борьба П. И. Стучки за утверждение марксистско-ленинской методологии в правовой науке	209
Заключение	244
Библиография источников и литературы	247

Андрис Адамович Плотник
ПЕТР СТУЧКА И ИСТОКИ СОВЕТСКОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ
Ученые записки № 129

Редакторы О. П. Гринберг, Г. Я. Клява. Техн. редактор А. К. Янсон.
Корректор А. Д. Тихомирова.

Сдано в набор 30 декабря 1968 г. Подписано к печати 24 февраля 1970 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 16,75. Тираж. 1020 экз. ЯТ 12206. Цена 1 р. 14 к. Издатель: Латвийский государственный университет им. П. Стучки, гор. Рига, бульв. Райниса, 19. Отпечатано в типографии № 23 Комитета по печати при Совете Министров Латвийской ССР, гор. Елгава, ул. Райня, 27. Заказ № 5006.

Andris Plotnieks
PETERIS STUCKA UN PADOMJU TIESISKAS DOMAS AVOTI

124006

LU Bibliotēka

988008123

10

PT-75
129

1,14 руб.